

21 ²⁴ / 167

Джонанъ-Дойль.

801-12

515

Аристократъ- М: холостякъ.

(Изъ приключеній Шерлока Холмса).

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Рѣвнхой.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА

Типографія Вильде, Малая Бисловка, соб. док.

1908.

И 24
167

Аристократъ-холостякъ.

Бракъ лорда Сень-Симона и странное окончаніе брачной церемоніи давно уже перестали интересоватъ высшіе круги общества, въ которыхъ вращается несчастный женихъ. Новые скандалы затмили это происшествіе, а ихъ пикантныя подробности отвлекли вниманіе отъ драмы, происшедшей четыре года тому назадъ. Я имѣю основаніе предполагать, что не всѣ факты, связанные съ этимъ случаемъ, извѣстны публикѣ, а такъ какъ мой другъ Шерлокъ Холмсъ принималъ дѣятельное участіе въ выясненіи ихъ, то думаю, что мои воспоминанія о немъ были бы не полны, если бы я не упомянулъ объ этомъ интересномъ эпизодѣ.

Дѣло было за нѣсколько недѣль до моей свадьбы, когда я еще жилъ у Шерлока Холмса въ его квартирѣ, въ улицѣ Бэкеръ. Однажды, днемъ, вернувшись съ прогулки, онъ нашелъ у себя на столѣ письмо. Я просидѣлъ цѣлый день дома, такъ какъ погода стояла сырая; дулъ осенній холодный вѣтеръ. Пуля, оставшаяся у меня въ ногѣ на память объ афганской кампаніи, напоминала мнѣ о своемъ присутствіи глухой болью. Я усѣлся въ кресло, вытянулъ ноги на стулъ и окружилъ себя газетами. Но чтеніе надоѣло мнѣ, я швырнулъ газеты и продолжалъ лежать, разсматривая гербъ и монограмму на конвертѣ и размышляя о томъ, отъ какого аристократа можетъ быть это письмо.

— Вамъ письмо отъ какого-то знатнаго господина, — замѣтилъ я, когда Холмсъ вошелъ въ комнату.—Если не ошибаюсь, утромъ вы получили письма отъ рыбнаго торговца и таможеннаго офицера.

— Да, моя корреспонденція носить прелесть разнообразія,—улыбаясь, отвѣтилъ Холмсъ,— и чѣмъ ниже по положенію корреспонденты, тѣмъ интереснѣе ихъ письма. А вотъ это имѣетъ видъ тѣхъ приглашеній. Не люблю я бывать въ обществѣ: или скучно, или врать надо.

Онъ распечаталъ письмо и пробѣжалъ его содержаніе.

— О, да это нѣчто интересное!

— Не приглашеніе?

— Нѣтъ, профессиональное дѣло.

— И клиентъ—аристократъ?

— Членъ одной изъ лучшихъ фамилій Англіи.

— Поздравляю васъ, дорогой другъ.

— Говорю вамъ совершенно искренне, Ватсонъ, общественное положеніе клиента играетъ въ моихъ глазахъ меньшую роль, чѣмъ его дѣла. А въ данномъ случаѣ дѣло можетъ оказаться интереснымъ. Вы внимательно читали газеты?

— Какъ видите, — меланхолически проговорилъ я, указывая на ворохъ газетъ. — Больше мнѣ нечего было дѣлать.

— Вотъ это отлично: вы можете помочь мнѣ. Самъ я читаю только уголовные процессы и объявленія объ умершихъ. Последнее чтеніе весьма поучительно. Ну, если вы внимательно слѣдили за происшествіями, то, вѣроятно, читали о лордѣ Сень-Симонѣ и его свадьбѣ?

— О, да, читалъ съ величайшимъ интересомъ!

— Отлично. Письмо, которое у меня въ рукѣ, отъ лорда Сень-Симона. Я прочту его вамъ, а вы зато отыщите въ газетахъ все, что написано про этотъ случай. Вотъ что онъ пишетъ:

„Дорогой мистеръ Шерлокъ Холмсъ, лордъ Бакуотеръ говоритъ мнѣ, что я могу вполнѣ положить на васъ. Поэтому я рѣшаюсь зайти къ вамъ, чтобъ посоветоваться съ вами насчетъ печальнаго обстоятельства, имѣющаго отношеніе къ моей свадьбѣ. Мистеръ Лестрэдъ уже ведетъ это дѣло, но онъ увѣряетъ меня, что онъ ничего не имѣетъ противъ вашего сотрудничества и думаетъ даже, что вы можете принести извѣстную пользу. Я зайду къ вамъ въ четыре часа; если у васъ назначено какое-нибудь другое дѣловое свиданіе, очень прошу васъ, отложите его, такъ какъ мое дѣло чрезвычайно серьезно.

Съ почтеніемъ Робертъ Сень-Симонъ“.

— Написано въ Гросвенорѣ гусинымъ перомъ; благородный лордъ имѣлъ несчастіе выпачкать мизинецъ на правой рукѣ,—замѣтилъ Холмсъ, складывая письмо.

— Онъ пишетъ, что придетъ въ четыре часа. Теперь три. Еще цѣлый часъ до его прихода.

— Я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы, съ вашей помощью, ознакомиться съ дѣломъ. Поищите-ка отчеты въ газетахъ и положите по порядку, а я покуда посмотрю, кто такой нашъ клиентъ.

Онъ снялъ съ полки справочный календарь въ красной обложкѣ.

— Вотъ оно,—сказалъ онъ, садясь и раскрывая книгу.—Робертъ Вальсингемъ де-Вэръ, второй сынъ герцога Бальмораль“. Гмъ! „Гербъ—лазоревое поле, три подметныя каракули на черномъ щитѣ. Родил-

ся въ 1846 г.“ Значить, теперь ему сорокъ одинъ годъ. Зрѣлый возрастъ для брака. „Былъ младшимъ секретаремъ въ министерствѣ колоній. Герцогъ, его отецъ, былъ одно время министромъ иностранныхъ дѣлъ. Они прямые потомки Плантагенетовъ, съ одной стороны, и въ родствѣ съ Тюдорами, съ другой“. Гмъ! Ничего нельзя заключить изъ этихъ свѣдѣній. Можетъ-быть, ваши будутъ интереснѣе, Ватсонъ.

— Мнѣ не трудно найти желаемыя свѣдѣнія, такъ какъ это событіе произошло очень недавно и произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я не рассказывалъ вамъ о немъ, потому что у васъ было другое дѣло, и вы не любите мѣшать одно съ другимъ.

— О, вы говорите объ исторіи съ мебельнымъ магазиномъ на Гросвенерской площади. Она совершенно выяснена, да впрочемъ и сначала было видно, въ чемъ дѣло. Ну-съ, расскажите, что вы нашли въ газетахъ.

— Вотъ первая замѣтка въ „Morning Post“, написанная, какъ видите, нѣсколько недѣль тому назадъ. „По слухамъ въ скоромъ времени предстоитъ бракосочетаніе лорда Роберта Сенъ-Симона, второго сына герцога Бальмораль, съ миссъ Гэтти Дорэнъ, единственною дочерью Алоизія Дорэнъ, эсквайра изъ Санъ-Франциско, Калифорнія, С.-А. С. III.“

— Коротко и ясно, — замѣтилъ Холмсъ, протягивая къ огню свои длинныя, тощія ноги.

— Болѣе подробная замѣтка появилась на той же недѣлѣ въ одной изъ фешенебельныхъ газетъ; „Национальное производство на брачномъ рынкѣ сильно страдаетъ отъ примѣненія принципа сво-

бодной торговли. Необходимо принять охранительныя мѣры. Аристократическіе дома Великобританіи одинъ за другимъ переходятъ въ руки нашихъ прекрасныхъ заатлантическихъ родственницъ. На прошлой недѣлѣ списокъ завоеваній очаровательныхъ похитительницъ увеличился цѣннымъ приобрѣтеніемъ. Лордъ Сенъ-Симонъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ противостоявшій стрѣламъ маленькаго божка, объявилъ о предстоящемъ своемъ бракѣ съ миссъ Гэтти Дорэнъ, прелестной дочерью калифорнійскаго милліонера. Миссъ Дорэнъ, граціозная фигура и рѣдкая красота которой обращала на себя общее вниманіе на балахъ, — единственная дочь. Говорятъ, что цифра ея приданого превышаетъ шестизначное число, помимо надеждъ на будущее. Такъ какъ всѣмъ извѣстно, что герцогу Бальмораль пришлось за послѣдніе годы распродать свои картины, а у лорда Сенъ-Симона нѣтъ своего имущества, за исключеніемъ маленькаго Бирзмурскаго помѣстья, то ясно, что счастье не только на сторонѣ калифорнійской красавицы, которая такъ легко переходитъ изъ гражданокъ республики въ ряды британской титулованной аристократіи.“

— Есть еще что-нибудь? — спросилъ, зѣвая, Холмсъ.

— О, да, множество замѣтокъ. Вотъ, напр., въ „Morning Post“ говорится, что свадьба будетъ очень тихая въ церкви св. Георгія на Ганноверской площади; приглашено только нѣсколько близкихъ друзей; послѣ бракосочетанія всѣ присутствующіе отправятся въ Ланкастеръ, гдѣ м-ръ Алоизій Дорэнъ устроилъ помѣщеніе для молодыхъ. Два дня позже — т.е. въ прошлую среду — появилась короткая

замѣтка о томъ, что свадьба состоялась и молодые проведутъ медовый мѣсяцъ въ имѣніи лорда Бакуотера, вблизи Питерсфильда. Вотъ все, что появилось въ газетахъ до исчезновенія новобрачной.

— До чего? — переспросилъ Холмсъ, приподымаясь въ креслѣ.

— До исчезновенія новобрачной.

— Когда же она исчезла?

— Во время свадебнаго завтрака.

— Вотъ какъ. Дѣло-то оказывается интереснѣе, чѣмъ я ожидалъ. Драматическое происшествіе.

— Да, и мнѣ оно показалось не совсѣмъ обыкновеннымъ.

— Невѣсты часто исчезаютъ передъ свадьбой, новобрачныя сбѣгаютъ иногда во время медоваго мѣсяца, но подобнаго случая я не запомню. Пожалуйста, расскажите мнѣ всѣ подробности.

— Предупреждаю, что подробностей мало.

— Можетъ-быть, мы можемъ выяснитъ многое сами.

— Я прочту вамъ замѣтку одной утренней газеты отъ вчерашняго дня. Вотъ названіе ея: „Странное происшествіе на великосвѣтской свадьбѣ“.

„Семья лорда Роберта Сень-Симона неприятно поражена страннымъ происшествіемъ, случившимся послѣ его бракосочетанія. Вѣнчаніе, какъ было сообщено въ газетахъ, состоялось вчера утромъ, но только сегодня оказывается возможнымъ подтвердить странные слухи, ходившіе въ городѣ. Несмотря на всѣ старанія друзей замаять дѣло, о немъ говорятъ такъ много, что и мы не видимъ больше повода умалчивать о немъ.“

„Вѣнчаніе происходило въ церкви Св. Георгія, на Ганноверской площади. Кромѣ отца невесты,

м-ра Алоизія Дорэнь, присутствовали только герцогиня Бальмораль, лордъ Бакуотеръ, лордъ Юстэсъ и леди Клара Сень-Симонъ (младшій братъ и сестра жениха) и леди Алисія Виттингтонъ. Послѣ вѣнчанія все общество отправилось въ домъ м-ра Алоизія Дорэна, у Ланкастерскихъ воротъ, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Оказывается, что вслѣдъ за новобрачными пыталась проникнуть въ домъ какая-то неизвѣстная женщина, предъявлявшая права на лорда Сень-Симона. Послѣ продолжительной тяжелой сцены она была выведена дворецкимъ и лакеемъ. Новобрачная, къ счастью вошедшая въ домикъ до этого неприятнаго случая, сѣла за завтракъ, но вдругъ почувствовала себя дурно и ушла въ свою комнату. Она не возвращалась довольно долго, и отецъ пошелъ за ней; горничная сказала ему, что новобрачная зашла въ комнату, накинула манто, надѣла шляпу и побѣжала по коридору. Одинъ изъ лакеевъ показалъ, что видѣлъ, какъ какая-то дама выходила изъ дома, но ему и въ голову не пришло, что это могла быть его госпожа. Убѣдившись въ исчезновеніи дочери, м-ръ Алоизій Дорэнь, вмѣстѣ съ новобрачнымъ, заявилъ о случившемся полициі. Приняты энергичныя мѣры и, по всѣмъ вѣроятіямъ, это странное происшествіе будетъ вскорѣ выяснено. Однако, вчера вечеромъ не было еще ничего извѣстно о пропавшей леди. Какъ говорятъ, полициія арестовала женщину, произведшую скандалъ, предполагая, что она замѣшана въ исчезновеніи новобрачной. Предполагается преступленіе изъ ревности или какого-нибудь другого мотива“.

— И это все?

— Есть еще одна маленькая, но не лишенная значенія замѣтка въ другой утренней газетѣ.

— Какая?

— Арестована миссъ Флора Милларъ, произведшая скандалъ. Оказывается, что она была прежде танцовщицей въ „Аллегро“ и уже нѣсколько лѣтъ знаетъ новобрачнаго. Вотъ и все, что извѣстно объ этомъ дѣлѣ по газетамъ.

— Замѣчательно интересный случай. Ни за что на свѣтѣ не отказался бы изслѣдовать его. Звонятъ, Ватсонъ. Недавно пробило четыре часа, и потому я не сомнѣваюсь, что это нашъ высокородный клиентъ. Не думайте уходить, Ватсонъ; я предпочитаю имѣть свидѣтеля, хотя бы на случай, если мнѣ измѣнить память.

— Лордъ Сенъ-Симонъ, — доложилъ мальчикъ, открывая дверь.

Вошелъ господинъ съ приятнымъ, утонченнымъ лицомъ, орлинымъ носомъ, блѣдный и съ глазами человѣка, на долю котораго выпала приятная участь повелѣвать другими. Онъ вошелъ бодро, но вообще казался старше своихъ лѣтъ, такъ какъ сгибалъ колѣни и слегка наклонялся впередъ. Волосы у него начинали сѣдѣть, а на макушкѣ была лысина. Костюмъ у него былъ щегольской: высокій воротникъ, черный сюртукъ, бѣлый жилетъ, желтыя перчатки, лайковые сапоги и свѣтлыя брюки. Войдя въ комнату, онъ оглянулся, играя шнуркомъ отъ золотого пенснэ.

— Здравствуйте, лордъ Сенъ-Симонъ, — сказалъ Холмсъ, вставая съ мѣста и кланяясь. — Пожалуйста, садитесь. Это мой другъ и коллега, м-ръ Ватсонъ. Присядьте поближе къ огню и потолкуемъ о дѣлѣ.

— Дѣло очень неприятное, мистеръ Холмсъ,

какъ вы сами понимаете. Я слышалъ, сэръ, что вамъ приходилось заниматься подобнаго рода щекотливыми дѣлами, хотя врядъ ли ваши кліенты принадлежали къ тому классу общества, какъ я.

— Ну, въ настоящее время я спускаюсь.

— Что вы хотите сказать?

— Мой послѣдній клиентъ былъ король.

— О, въ самомъ дѣлѣ! Я не зналъ этого. А у него также пропала жена?

— Вы понимаете, что мои другіе кліенты въ правѣ такъ же разсчитывать на мою скромность, какъ и вы, — вѣжливо замѣтилъ Холмсъ.

— Конечно! Вы правы, воплишь правы! Что касается моего дѣла, то я готовъ дать всѣ свѣдѣнія, которыя потребуются вамъ.

— Благодарю васъ. Я знаю только то, что напечатано въ газетахъ. Напримѣръ, вѣрно это извѣстіе объ исчезновеніи новобрачной?

Лордъ Сенъ-Симонъ пробѣжалъ глазами замѣтку.

— Да, все это вѣрно.

— Прежде чѣмъ я могу составить себѣ какое-либо мнѣніе объ этомъ случаѣ, мнѣ нужно узнать еще многое. Я думаю, лучше всего будетъ, если я стану предлагать вамъ вопросы.

— Пожалуйста.

— Когда вы познакомились съ миссъ Гэтти Дорэнъ?

— Годъ тому назадъ, въ Санъ-Франциско.

— Вы путешествовали по Соединеннымъ Штатамъ?

— Да.

— И тогда же обручились съ ней?

— Нѣтъ.

— Но вы были въ дружескихъ отношеніяхъ съ ней?

— Мнѣ нравилось ея общество, и она видѣла это.

— Ея отецъ очень богатъ?

— Онъ считается самымъ богатымъ человѣкомъ на всемъ тихоокеанскомъ побережьѣ.

— А какъ онъ нажилъ деньги?

— На рудникахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него ничего не было. Потомъ онъ нашелъ золото и разбогатѣлъ.

— А теперь скажите мнѣ ваше мнѣніе о вашей женѣ. Что она за человѣкъ?

Лордъ сталъ сильнѣе раскачивать пенснэ и усталъ на огонь въ каминѣ.

— Видите, м-ръ Холмсъ, моей женѣ было уже двадцать лѣтъ, когда разбогатѣлъ ея отецъ. До этого времени она свободно бѣгала среди рудокоповъ, гуляла по лѣсамъ и горамъ, такъ что воспитала ее скорѣе природа, чѣмъ школа. Она, что называется, сорванецъ, съ большой силой воли, свободная отъ всякихъ предрасудковъ. Она очень порывиста и вспыльчива, настоящій вулканъ, рѣшительна и, не задумываясь, приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Но я не далъ бы ей имени, которое я имѣю честь носить (тутъ онъ внушительно кашлянулъ), если бы не считалъ ея, въ сущности, благородной женщиной. Я считаю ее способной на героическое самопожертвованіе и думаю, что она съ отвращеніемъ относится ко всему безчестному.

— У васъ есть ея фотографическая карточка?

— Я принесъ съ собой ея портретъ.

Онъ открылъ медальонъ и показалъ намъ портретъ очень красивой женщины. Это былъ миниатюръ на слоновой кости, и художникъ чудесно изобразилъ блестящіе черные волосы, большіе темные

глаза и очаровательный ротикъ миссъ Дорэнъ. Холмсъ долго и внимательно всматривался въ изображенное на портретѣ лицо, потомъ закрылъ медальонъ и отдалъ его лорду Сень-Симону.

— Барышня пріѣхала въ Лондонъ, и вы возобновили знакомство съ ней?

— Да, отецъ привезъ ее сюда. Мы встрѣчались съ ней во время сезона, потомъ я сдѣлалъ ей предложеніе и женился на ней.

— Кажется, она принесла вамъ большое приданое?

— Хорошее, но не больше того, какое принести обыкновенно жены въ нашемъ родѣ.

— И оно остается за вами, разъ бракъ состоялся?

— Я, право, не справлялся объ этомъ.

— Вполнѣ естественно. Вы видѣли миссъ Дорэнъ наканунѣ вашей свадьбы?

— Да.

— Была она въ хорошемъ настроеніи духа?

— Наилучшемъ. Она все время говорила о нашей будущей жизни.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это очень интересно. А утромъ въ день свадьбы?

— Все время до окончанія вѣнчанія была весела, какъ всегда.

— А потомъ вы замѣтили въ ней какую-нибудь перемену?

— Сказать по правдѣ, я въ первый разъ замѣтилъ, что характеръ у нея не очень мягкій. Но случай, наведшій меня на это размышленіе, такъ ничтоженъ, что я не счелъ нужнымъ упомянуть о немъ, и къ тому же онъ не имѣетъ никакого отношенія къ нашему дѣлу.

— Все-таки расскажите намъ этотъ случай.

— О, сущій пустякъ! Она уронила букетъ, когда мы шли въ ризницу. Онъ упалъ на одну изъ скамей. Какой-то джентльмэнъ, сидѣвшій на скамьѣ, подаль ей букетъ послѣ минутнаго замедленія. Когда я заговорилъ съ ней объ этомъ случаѣ, она отвѣтила мнѣ рѣзко и все-время, пока мы ѣхали домой, сильно волновалась изъ-за такого пустяка.

— Вотъ какъ. Вы говорите, что какой-то господинъ сидѣлъ на скамьѣ. Значитъ, въ церкви была посторонняя публика?

— О, да. Этого невозможно избѣгнуть, когда отперта церковь.

— Онъ не изъ числа друзей вашей жены?

— Нѣтъ, нѣтъ, я назвалъ его джентльмэномъ только изъ вѣжливости, но, на самомъ дѣлѣ, онъ простой человѣкъ. Я не обратилъ особаго вниманія на него. Но право, мнѣ кажется, мы уклоняемся въ сторону.

— Итакъ, лэди Сень-Симонъ вернулась изъ церкви въ менѣе веселомъ расположеніи духа, чѣмъ была раньше. Что она сдѣлала, когда вошла въ домъ отца?

— Я видѣлъ, что она разговаривала со своей горничной.

— А кто такая ея горничная?

— Ее зовутъ Алиса. Она американка и пріѣхала изъ Калифорніи вмѣстѣ съ своей барышней.

— Пользуется ея довѣріемъ?

— Даже слишкомъ. Мнѣ казалось, что миссъ Дорэнъ позволяетъ ей слишкомъ много. Но, конечно, въ Америкѣ смотрятъ на это совершенно иначе.

— Долго она разговаривала съ Алисой?

— О, только нѣсколько минутъ. Я думалъ о другомъ.

— Вы не слышали, что онѣ говорили?

— Лэди Сень-Симонъ сказала что-то на американскомъ жаргонѣ, который употребляетъ очень часто. Я не понялъ ея словъ.

— Американскій жаргонъ бываетъ иногда очень выразителенъ. А что сдѣлала ваша жена, окончивъ разговоръ съ горничной?

— Она вошла въ столовую.

— Подъ руку съ вами?

— Нѣтъ, одна. Она очень независима въ подобнаго рода мелочахъ. Посидѣвъ минутъ десять, она вдругъ встала, пробормотала нѣсколько словъ извиненія, вышла изъ комнаты и не возвращалась болѣе.

— Но, насколько я знаю, горничная Алиса показала, что лэди Сень-Симонъ вошла въ свою комнату, накинула мантию на подвѣчное платье, надѣла шляпу и ушла.

— Совершенно вѣрно. Потомъ ее видѣли въ Гайдъ-паркѣ съ Флорой Милларъ, арестованной въ настоящее время, пытавшейся утромъ устроить скандалъ въ домѣ м-ра Дорэна.

— Ахъ, да. Я бы желалъ знать нѣкоторыя подробности объ этой молодой леди и вашихъ отношеніяхъ къ ней.

Лордъ Сень-Симонъ пожалъ плечами и поднялъ брови.

— Мы были съ ней нѣсколько лѣтъ въ близкихъ, очень близкихъ отношеніяхъ. Она служила въ „Аллегро“. Я не обидѣлъ ея, и у нея нѣтъ повода жаловаться на меня, но вы знаете женщину, м-ръ Холмсъ. Флора очень милое созданіе, но чрезвычайно вспыльчива и очень любитъ меня. Она писала мнѣ ужасныя письма, когда узнала, что я женюсь. Правду сказать, я потому хотѣлъ вѣнчаться

ся скромно, что боялся скандала въ церкви. Она подбѣжала къ подъѣзду дома мистера Дорэна, когда мы вернулись изъ церкви, и хотѣла ворваться въ переднюю, осыпая мою жену страшною бранью и угрозами, но я предвидѣлъ возможность этого случая и отдалъ приказанія прислугѣ, которая вывела ее вонъ. Она успокоилась, когда увидѣла, что поднятый ею шумъ ни къ чему не повелъ.

— А ваша жена слышала все это?

— Къ счастью, нѣтъ.

— А потомъ ее видѣли въ обществѣ этой самой женщины?

— Да. Мистеръ Лестрэдъ отнесся къ этому факту очень серьезно. Предполагаютъ, что Флора вызвала мою жену и устроила ей какую-нибудь ужасную западню.

— Что же, это весьма возможно.

— Вы того же мнѣнія?

— Я не утверждаю этого. А вы сами считаете это правдоподобнымъ?

— Флора не обидитъ и мухи.

— Но ревность можетъ совершенно измѣнить характеръ человѣка. Пожалуйста, скажите, что вы сами думаете объ этомъ?

— Видите ли, я пришелъ спросить ваше мнѣние, потому что самъ ничего не могу понять. Я рассказывалъ вамъ всѣ факты. Но если вы все-таки желаете знать мое мнѣние, то мнѣ представляется возможнымъ, что возбужденіе, сознание достигнутаго ею высокаго положенія подѣйствовало на нервную систему моей жены.

— Однимъ словомъ—внезапное помѣшательство.

— Видите, когда я думаю, что она отвернулась, не скажу лично отъ меня, но ото всего, чего без-

успѣшно добиваются другія, — то мнѣ невольно приходитъ въ голову это предположеніе.

— Что же, это также возможная гипотеза, — улыбаясь, сказалъ Холмсъ. — Ну, лордъ Сень - Симонъ, теперь, кажется, всѣ данныя у меня въ рукахъ. Скажите пожалуйста, когда вы сидѣли за столомъ, во время завтрака, вы могли видѣть, что дѣлается на улицѣ?

— Изъ окна видна противоположная сторона улицы и паркъ.

— Такъ мнѣ нечего задерживать васъ. Я сообщу вамъ, что узнаю.

— Въ томъ случаѣ, если вамъ удастся разрѣшить эту задачу... — сказалъ нашъ кліентъ, вставая со стула.

— Я уже разрѣшилъ ее.

— Э? Что такое?

— Я говорю, что уже разрѣшилъ эту задачу.

— Такъ гдѣ же моя жена?

— Это—подробность, которую я скоро узнаю.

Лордъ Сень-Симонъ покачалъ головой.

— Боюсь, что это разрѣшеніе не подѣйствуетъ на нашихъ головамъ, — замѣтилъ онъ, сдѣлавъ величественный, старомодный поклонъ и вышелъ изъ комнаты.

— Очень мило со стороны лорда Сень-Симона удостоить сравнить мою голову со своею, — со смѣхомъ сказалъ Шерлокъ Холмсъ. — Я думаю, послѣ этого вопроса можно выпить виски съ содой и выкурить сигару. Я сдѣлалъ выводы, прежде чѣмъ лордъ вошелъ въ комнату.

— О, Холмсъ!

— У меня записаны подобнаго рода случаи, хотя, какъ я уже говорилъ вамъ, исчезновеніе не про-

исходило такъ скоро послѣ вѣнчанія. Допросъ только подтвердилъ мои предположенія. И пусты по виду показанія играютъ иногда очень важную роль.

— Но вѣдь я слышалъ все то же, что слышали вы.

— Да, но вы не знакомы съ предыдущими случаями; а они-то и помогли мнѣ рѣшить эту задачу. То же самое произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Абердинѣ и нѣчто подобное въ Мюнхенѣ черезъ годъ послѣ франко-прусской войны. Ага, вотъ Лестрэдъ! Здравствуйте, Лестрэдъ! Вотъ тамъ лишній стаканъ, а сигары въ ящикѣ.

На сыщикѣ былъ пиджакъ гороховаго цвѣта и галстукъ, что придавало ему видъ моряка. Въ рукахъ у него былъ черный холщевый мѣшокъ. Онъ поздоровался, сѣлъ и закурилъ предложенную ему сигару.

— Что случилось?—спросилъ Холмсъ, подмигивая мнѣ.—Вы чѣмъ-то недовольны?

— Дѣйствительно, недоволенъ. Это проклятое дѣло Сень-Симона. Ничего понять не могу.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы удивляете меня.

— Что за запутанная исторія! Работалъ цѣлый день, и въ результатѣ—ничего.

— А и промокли же вы,—сказалъ Холмсъ, ошупывая рукавъ пиджака Лестрэда.

— Да, я изслѣдовалъ дно Серпантина.

— Господи, Боже мой? Для чего же?

— Искать тѣло леди Сень-Симонъ.

Шерлокъ Холмсъ откинулся на спинку кресла и громко расхохотался.

— А вы не пробовали изслѣдовать дно фонтана на Трафальгарской площади?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ? Что вы хотите этимъ сказать?

— Столько же шансовъ найти ее въ этомъ мѣстѣ, какъ въ другомъ.

Лестрэдъ бросилъ на моего пріятеля сердитый взглядъ.

— А вамъ, вѣроятно, уже все извѣстно,—проговорилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

— Я только что узналъ факты, но уже составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ вы думаете, что Серпантинъ не играетъ никакой роли въ этомъ происшествіи?

— Считаю это вполне вѣроятнымъ.

— Такъ не потрудитесь ли вы объяснить, что значитъ эта находка?

Онъ развязалъ мѣшокъ и выбросилъ на насъ шелковое подвѣчное платье, бѣлыя атласныя туфли, вѣнокъ и фату—все подмоченное водой.

— Вотъ еще,—сказалъ онъ, кладя на эту кучу новое обручальное кольцо.—Раскусите-ка этотъ орѣшекъ, мистеръ Холмсъ.

Этотъ какъ. И все это вы достали со дна Серпантина?—спросилъ мой пріятель, пуская кольца голубого дыма.

— Нѣтъ. Ихъ нашелъ сторожъ парка плавающими по водѣ. Вещи признаны принадлежащими ей, ну, я и подумалъ, что и тѣло ея недалеко отъ нихъ.

— По блестящему выводу, что тѣло человѣка должно быть всегда близко къ его гардеробу. Скажите, пожалуйста, чего вы хотѣли добиться?

— Какого-нибудь доказательства виновности Флоры Милларъ.

— Боюсь, что трудно будетъ его найти...

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ горечью вскрикнулъ Лестрэдъ.—Боюсь, Холмсъ, что всѣ ваши выводы

и умозаключенія ни къ чему не годны на практик. Въ двѣ минуты вы сдѣлали двѣ ошибки. Въ этомъ платьѣ есть улика противъ миссъ Флоры Милларъ

— Какая?

— Въ платьѣ есть карманъ. Въ карманѣ — футляръ для визитныхъ карточекъ, а въ немъ записка. Вотъ она. Слушайте: „Увидите меня, когда все будетъ готово. Идите сейчасъ. Ф. Г. М.“. Ну съ, я и полагаю, что Флора Милларъ заманила леди Сень-Симонъ и упрятала ее куда-нибудь съ помощью сообщниковъ. Эта записка подписана ея инициалами. Вѣроятно, она сунула ее ей въ руки у подъѣзда.

— Отлично, Лестрэдъ, — со смѣхомъ сказалъ Холмсъ. — Вы хитро повели дѣло. Дайте-ка мнѣ взглянуть.

Онъ небрежно взялъ бумажку, но вдругъ внимательно взглянулъ на нее и сказалъ съ довольнымъ видомъ:

— Да, дѣйствительно, это очень важно.

— Ага, вы находите?

— Чрезвычайно важно. Поздравляю васъ.

Лестрэдъ поднялся съ мѣста, весь сия торжествомъ, и наклонился, чтобы взглянуть на записку.

— Да вы смотрите не съ той стороны! — вскрикнулъ онъ.

— Напротивъ, именно съ той, съ которой слѣдуетъ.

— Съ которой слѣдуетъ? Вы съ ума сошли. Тамъ написано карандашемъ нѣсколько словъ.

— А здѣсь клочокъ счета гостиницы, который чрезвычайно интересуетъ меня.

— Тутъ ничего нѣтъ. Я уже смотрѣлъ, — сказалъ Лестрэдъ. — „Окт. 4, за комнату. — 8 шилл., зав-

тракъ — 2 шилл. 6 пенсовъ, дичь — 1 шилл., закуска — 2 шилл. 6 пенсовъ, стаканъ хереса — 8 пенсовъ“. Ничего тутъ не вижу.

— Весьма вѣроятно. А между тѣмъ это очень важно. Что же касается записки, она, или, по крайней мѣрѣ, подпись на ней, также имѣетъ важное значеніе, и потому еще разъ поздравляю васъ.

— Я ужъ потерялъ достаточно много времени, — сказалъ, вставая, Лестрэдъ. — Я считаю, что слѣдуетъ дѣйствовать, а не разводить разныя теоріи, сидя у камина. Прощайте, м-ръ Холмсъ; увидимъ, кто первый разрѣшитъ загадку.

Онъ собралъ всѣ вещи, сунулъ ихъ въ мѣшокъ и вышелъ.

— Я скажу вамъ только нѣсколько словъ относительно этого дѣла, Лестрэдъ, — протяжно проговорилъ Холмсъ вслѣдъ своему сопернику. — Леди Сень-Симонъ — мифъ. Нѣтъ ея и никогда не было.

Лестрэдъ съ грустью посмотрѣлъ на моего друга. Потомъ повернулся ко мнѣ, хлопнулъ себя три раза по лбу, многозначительно покачалъ головой и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Онъ еле успѣлъ закрыть дверь, какъ Холмсъ всталъ и надѣлъ пальто.

— Онъ правъ относительно того, что слѣдуетъ дѣйствовать, — замѣтилъ онъ, — а потому я долженъ васъ покинуть на нѣкоторое время, Ватсонъ.

Шерлокъ Холмсъ ушелъ въ шестомъ часу, а часъ спустя явился приказчикъ изъ гастрономическаго магазина съ большимъ ящикомъ. Съ помощью пришедшаго съ нимъ мальчика онъ открылъ ящикъ и, къ великому моему удивленію, сталъ выкладывать роскошный холодный ужинъ на мой простой деревянный столъ. Тутъ были куропатки,

фазанъ, страсбургскій пирогъ и нѣсколько бутылокъ стараго вина. Выложивъ все это, мои гости исчезли, какъ духи въ сказкахъ, объяснивъ, что деньги они получили и принесли всѣ вещи по указанному адресу.

Около девяти часовъ Шерлокъ Холмсъ быстро вошелъ въ комнату. Выраженіе лица его было серьезно, но въ глазахъ свѣтился огонекъ. Я заключилъ, что предположенія его оправдались.

— Ага! ужинъ готовъ,—сказалъ онъ, потирая руки.

— Вы ждете гостей? Накрыто на пять персонъ.

— Да, я думаю, къ намъ соберется кое-кто,—сказалъ онъ. — Удивляюсь, что нѣтъ еще лорда Сень-Симона. Ага! Кажется, это его шаги на лѣстницѣ.

Вошелъ нашъ утренній гость. Смущеніе выразилось на его аристократическомъ лицѣ. Усиленіе чѣмъ когда-либо онъ теребилъ шнурокъ своего пенснэ.

— Мой посыльный засталъ васъ? — спросилъ Холмсъ.

— Да... Сознаюсь, что содержаніе вашего письма поразило меня. Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?

— Безусловно.

Лордъ Сень-Симонъ упалъ въ кресло и провелъ рукой по лбу.

— Что скажетъ герцогъ, когда узнаетъ, что одинъ изъ членовъ его семьи подвергся такому униженію? —прошепталъ онъ.

— Это чистая случайность. Нѣтъ никакого униженія.

— Ахъ! Вы смотрите на эти вещи съ другой точки зрѣнія.

— Тутъ некого винить. Она не могла поступить иначе. Жаль, конечно, что это вышло нѣсколько рѣзко, но вѣдь у нея нѣтъ матери, которая могла бы дать совѣтъ въ такомъ случаѣ.

— Это оскорбленіе, сэръ, публичное оскорбленіе, —сказалъ лордъ Сень-Симонъ, постукивая пальцами по столу.

— Вы должны отнестись снисходительно къ бѣдной дѣвушкѣ, очутившейся въ такомъ неслыханномъ положеніи.

— Никакого снисхожденія! Я страшно золь, со мной поступили отвратительно!

— Кажется, позвонили, —сказалъ Холмсъ. — Да, на лѣстницѣ слышны шаги. Если я не въ состояніи убѣдить васъ, лордъ Сень-Симонъ, то я пригласилъ адвоката, который, можетъ-быть, окажется счастливѣе меня.

Онъ отворилъ дверь и ввелъ въ комнату какого-то господина съ дамой.

— Лордъ Сень-Симонъ,—сказалъ онъ,—позвольте мнѣ представить васъ г. и г-жѣ Фрэнсисъ Гай Моультонъ. Съ г-жей Моультонъ вы, кажется, встрѣчались.

При видѣ вошедшихъ нашъ кліентъ вскочилъ съ мѣста и выпрямился, опустивъ глаза и заложивъ руку за бортъ сюртука съ видомъ оскорбленнаго достоинства. Дама быстро подошла къ нему и протянула руку. Онъ не поднялъ глазъ. И, пожалуй, хорошо сдѣлалъ, такъ какъ трудно было бы устоять передъ умоляющимъ выраженіемъ ея прелестнаго личика.

— Вы сердитесь, Робертъ, — сказала она. — И имѣете полное право сердиться.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, не извиняйтесь,— съ горечью отвѣтил лордъ Сень-Симонъ.

— О, я знаю, что отвратительно поступила съ вами и должна была сказать вамъ все раньше. Но я была словно безумная съ тѣхъ поръ, какъ увидела Франка, и не знала, что дѣлала и говорила. Удивляюсь, какъ я не упала въ обморокъ у алтаря.

— Сударыня, вы, можетъ-быть, желаете, чтобы мой другъ и я ушли изъ комнаты, пока вы будете объясняться?

— Если мнѣ можно выразить мое мнѣніе, — замѣтил незнакомецъ, — то, по-моему, въ этомъ дѣлѣ и такъ было слишкомъ много тайны. Что касается меня, я ничего не имѣю противъ того, чтобъ и Европа и Америка узнали всю правду.

Мистеръ Моультонъ былъ живой, маленькій, сухой человѣкъ съ рѣзкими чертами загорѣлаго лица.

— Ну, такъ я расскажу всю нашу исторію, — сказала миссисъ Моультонъ. — Мы съ Франкомъ познакомились въ 1881 году, въ лагерь Макъ-Квира, вблизи Скалистыхъ горъ, гдѣ папа искалъ золото. Мы обручились, но папа вдругъ напалъ на золотосную жилу, а у Франка дѣло прогорѣло. Папа становился все богаче и богаче, а Франкъ все бѣднѣе и бѣднѣе. Папа и слушать не хотѣлъ о томъ, чтобъ мы поженились, и увезъ меня въ Санъ-Франциско. Франкъ не хотѣлъ отказаться отъ меня и поѣхалъ за нами. Мы видѣлись безъ вѣдома папы. Онъ взбѣсился бы, если бы узналъ это. Поэтому мы сами порѣшили дѣло. Франкъ сказалъ, что онъ вернется на розсыпи и возвратится только тогда, когда будетъ такъ же богатъ, какъ папа. Тогда я общалась ему ждать его и не выходить замужъ, пока онъ живъ. „Отчего бы намъ не пожениться

теперь?“ — сказалъ Франкъ. — „Я буду спокойнѣе. Я никому не скажу, что ты моя жена, пока не вернусь“. Ну, мы переговорили, и онъ устроилъ все такъ отлично, что мы сейчасъ же и повѣнчались. Послѣ этого Франкъ отправился искать счастья, а я вернулась къ папѣ.

„Я слышала, что Франкъ былъ въ Монтанѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Аризону и, наконецъ, въ Новую Мексику. Потомъ въ газетахъ появилось извѣстіе о нападеніи индѣйцевъ на лагерь золотоискателей. Въ числѣ убитыхъ стояло имя моего Франка.

„Я упала въ обморокъ и была больна нѣсколько мѣсяцевъ. Папа думалъ, что у меня чахотка, и возилъ меня чуть ли не ко всѣмъ докторамъ въ Санъ-Франциско. Болѣе года ничего не было слышно о Франкѣ, такъ что я не сомнѣвалась уже въ его смерти. Потомъ лордъ Сень-Симонъ пріѣхалъ въ Санъ-Франциско, затѣмъ мы отправились въ Лондонъ, гдѣ онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Папа былъ очень доволенъ, но я все время чувствовала, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не замѣнитъ мнѣ моего бѣднаго Франка.

„Но все же, если бы я вышла за лорда Сень-Симона, я исполняла бы свой долгъ по отношенію къ нему. Любовью нельзя управлять, но своими поступками можно. Я пошла съ нимъ къ алтарю съ намѣреніемъ быть ему хорошей женой. Но можете себѣ представить, что я почувствовала, когда, оглянувшись, увидела Франка. Въ первую минуту я подумала, что это его призракъ, но, оглянувшись во второй разъ, замѣтила, что онъ стоитъ на томъ же мѣстѣ и вопросительно смотритъ на меня, какъ будто желая узнать, рада я или не рада его видѣть. Удивляюсь, какъ я не упала въ обморокъ.

Голова у меня кружилась, слова священника звучали въ ухахъ, словно жужжаніе пчелы. Я не знала, что дѣлать. Остановить вѣнчаніе и сдѣлать сцену въ церкви? Я опять взглянула на Франка. Онъ, должно-быть, понялъ мои мысли, потому что приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія. Потомъ я увидѣла, что онъ пишетъ что-то на клочкѣ бумаги—очевидно мнѣ. Проходя мимо него, я уронила букетъ. Онъ поднялъ его и, вмѣстѣ съ цвѣтами, сунулъ мнѣ въ руку записку. Онъ просилъ меня сойти къ нему, когда онъ подастъ мнѣ знакъ. Понятно, я ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, что мой долгъ обязываетъ меня слѣдовать его указаніямъ.

„Вернувшись изъ церкви, я рассказала все мое горничной, которая знала Франка въ Калифорніи и очень любила его. Я велѣла ей молчать, упаковать нѣсколько вещей и приготовить манто. Я знаю, что нужно было объясниться съ лордомъ Сень-Симономъ, но это было ужасно страшно въ присутствіи его матери и всѣхъ этихъ важныхъ господъ. Я рѣшилась убѣжать и потомъ уже объяснить все. Мы сидѣли за столомъ не болѣе десяти минутъ, какъ вдругъ я увидѣла Франка, стоявшаго на противоположной сторонѣ улицы. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ и пошелъ по направленію къ парку. Я вышла изъ комнаты, одѣлась и пошла вслѣдъ за нимъ. Ко мнѣ подошла какая-то женщина, говорила что-то о лордѣ Сень-Симонѣ—оказывается, что и у него было что-то до брака,—но мнѣ удалось отдѣлаться отъ нея и я догнала Франка. Мы сѣли въ кэбъ и поѣхали въ квартиру, нанятую имъ на Гордонской площади. Такимъ образомъ, послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, я соединилась, наконецъ, съ Франкомъ.

Франкъ былъ взятъ въ плѣнъ индѣйцами, бѣжалъ отъ нихъ въ Санъ-Франциско, узналъ, что я считала его умершимъ, отправился въ Англию и отыскалъ меня здѣсь какъ разъ въ день вѣнчанія“.

— Я прочелъ въ газетахъ,—объяснилъ американецъ.—Тамъ была упомянута фамилія невѣсты и церковь, гдѣ ее будутъ вѣнчать, но не сказано, гдѣ она живетъ.

— Мы стали толковать о томъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать. Франкъ стоялъ за откровенное объясненіе, но мнѣ было такъ стыдно, что хотѣлось исчезнуть и никогда больше никого не видѣть. Я рѣшила только написать папѣ, что я жива. Мнѣ страшно было подумать, что всѣ эти лорды и леди сидятъ за столомъ въ ожиданіи меня. Франкъ взялъ мое подвѣчное платье и всѣ вещи, связалъ ихъ въ узелъ и бросилъ его куда-то, чтобы меня не могли прослѣдить. По всей вѣроятности, мы завтра же уѣхали бы въ Парижъ, если бы къ намъ не пришелъ вотъ этотъ любезный господинъ—мистеръ Холмсъ. (Хотя я не понимаю, какъ онъ насъ нашелъ). Онъ очень добро и ясно доказалъ мнѣ, что я неправа, а Франкъ правъ и, что если мы будемъ скрываться, то всѣ обвинятъ насъ. Потомъ онъ предложилъ намъ поговорить съ лордомъ Сень-Симономъ наединѣ, и мы сейчасъ же пріѣхали къ нему. Ну, Робертъ, теперь вы все знаете. Мнѣ очень жаль, что я причинила вамъ огорченіе. Надѣюсь, что вы не очень дурно думаете обо мнѣ.

Во время ея продолжительнаго разсказа лордъ стоялъ въ прежней позѣ, съ нахмуренными бровями и крѣпко сжатыми губами.

— Извините,—проговорилъ онъ,—я не привыкъ обсуждать публично мои интимныя дѣла.

— Такъ вы не прощаете меня? Не хотите пожать мнѣ руку на прощанье?

— О, отчего же нѣтъ, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе.

Онъ холодно пожалъ протянутую ему руку.

— Я надѣялся, что вы запросто поужинаете съ нами,—сказалъ Холмсъ.

— Это ужъ слишкомъ,—отвѣтилъ лордъ.—Я вынужденъ покориться обстоятельствамъ, но не вижу причины радоваться. Позвольте пожелать вамъ всѣмъ доброй ночи.

Онъ сдѣлалъ общій поклонъ и величественно вышелъ изъ комнаты.

— Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, вы не откажетесь сдѣлать мнѣ честь поужинать съ нами,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ.—Я всегда радъ видѣть американца, мистеръ Моультонъ, потому что я изъ тѣхъ людей, которые думаютъ, что ошибки правительства въ былые годы не помѣшаютъ нашимъ дѣтямъ стать со временемъ гражданами огромнаго государства подъ соединеннымъ флагомъ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ.

— А дѣло-то вышло очень интересное,—замѣтилъ Холмсъ по уходѣ нашихъ гостей.— Оно показало, какъ просто объясняется иногда дѣло, кажущееся необъяснимымъ. На что ужъ казался загадочнымъ данный случай. А между тѣмъ нѣтъ ничего болѣе естественнаго того хода событій, о которомъ рассказала намъ миссисъ Моультонъ. А съ другой стороны, какой странный результатъ, если взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія мистера Лестрѣда.

— Такъ, значитъ, вы не ошиблись?

— Съ первой же минуты мнѣ стало ясно, что невѣста охотно согласилась на бракъ, а затѣмъ

раскаялась въ своемъ согласіи за нѣсколько минутъ до возвращенія домой. Очевидно, утромъ произошло что-то, вызвавшее въ ней перемену настроенія. Что бы это могло быть? Она не могла говорить съ кѣмъ-нибудь наединѣ, потому что все время была съ женихомъ. Не видѣла ли она кого-нибудь? Если видѣла, то несомнѣнно американца, такъ какъ она въ Англии недавно и врядъ ли кто-нибудь могъ приобрести надъ ней такое вліяніе, чтобы при видѣ его она могла измѣнить всѣ свои планы. Какъ видите, съ помощью метода исключенія, мы пришли къ выводу, что она видѣла американца. Кто же этотъ американецъ и почему онъ имѣетъ на нее такое вліяніе? Это или любовникъ, или мужъ. Я зналъ, что она провела юность въ грубой обстановкѣ и въ странныхъ условіяхъ. Я дошелъ до этихъ выводовъ еще раньше посѣщенія лорда Сень-Симона. Когда же онъ рассказалъ намъ про господина, который сидѣлъ на скамьѣ, про внезапную перемену въ настроеніи невѣсты, про то, какъ она уронила букетъ (самый обыкновенный способъ передачи записки), про разговоръ съ горничной, знавшей всѣ ея дѣла, на жаргонѣ,—все стало вполне яснымъ для меня. Она бѣжала съ мужчиной—любовникомъ или мужемъ, вѣроятно съ мужемъ.

— А какъ вы ихъ нашли?

— Это было бы трудно, но въ рукахъ у нашего друга Лестрѣда было драгоценное свѣдѣніе, значеніе котораго онъ не понималъ. Конечно, инициалы играли важную роль, но еще важнѣе было узнать, что онъ прожилъ недѣлю въ одной изъ лучшихъ англійскихъ гостиницъ.

— Какъ вы это узнали?

— По цѣнамъ. Восемь шиллинговъ за постель

и восемь пенсовъ за стаканъ хереса—такія цѣны бываютъ только въ самыхъ шикарныхъ гостиницахъ, какихъ не много въ Лондонѣ. Во второй изъ тѣхъ, въ которыя я заходилъ, находящейся въ Нортумберландъ-авеню, я узналъ въ бюро, что Фрэнцисъ Г. Моультонъ, американецъ, выѣхалъ наканунѣ. Я попросилъ взглянуть въ приходную книгу и увидѣлъ тѣ же цифры, что и на счетѣ. Письма онъ велѣлъ адресовать на площадь Гордона, 226. Я отправился туда и, къ счастью, засталъ влюбленную парочку дома. Я взялъ на себя дать имъ отеческій совѣтъ, доказалъ, что имъ лучше выяснить свое положеніе передъ свѣтомъ вообще и передъ лордомъ Сенъ-Симономъ въ частности, и пригласилъ ихъ сюда, чтобъ поговорить съ нимъ. Какъ видите, онъ явился.

— Да, но результатъ свиданія нельзя назвать удачнымъ. Нельзя сказать, чтобъ лордъ былъ очень любезенъ.

— Ахъ, Ватсонъ!—съ улыбкой сказала Холмсъ,— можетъ-быть, и вы не были бы любезны, если бы послѣ всѣхъ ухаживаній и свадьбы вамъ пришлось бы внезапно отказаться и отъ жены и отъ денегъ. Я думаю, намъ слѣдуетъ отнестись къ лорду Сенъ-Симону снисходительно и возблагодарить небо за то, что мы никогда не очутимся въ подобномъ положеніи. Придвиньте-ка свой стулъ и дайте мнѣ скрипку. Единственная задача, которую намъ предстоитъ разрѣшить теперь—это какъ убить эти мрачные осенніе дни.

Берилловая корона.

— Холмсъ, — проговорилъ я, стоя однажды утромъ у окна и смотря на улицу, — вотъ бѣжить сумасшедшій. Какъ это родственники пускаютъ его одного!

Мой пріятель лѣниво поднялся съ мѣста и, засунувъ руки въ карманы халата, заглянулъ черезъ мое плечо на улицу. Стояло свѣтлое, морозное февральское утро. Выпавшій наканунѣ снѣгъ покрывалъ землю плотнымъ слоемъ и сверкалъ при лучахъ зимняго солнца. По срединѣ улицы онъ почернѣлъ отъ ѣзды, но ближе къ тротуарамъ былъ точно только-что выпавшій. Тротуаръ былъ подметенъ и вычищенъ, но было очень скользко, такъ что прохожихъ было меньше, чѣмъ обыкновенно. Со стороны станціи метрополитэна никого не было видно, за исключеніемъ господина, привлекавшаго мое вниманіе своимъ страннымъ видомъ.

Это былъ человѣкъ около пятидесяти лѣтъ, высокій, плотный, внушительнаго вида съ рѣзко очерченными чертами лица. Онъ былъ скромно, но хорошо одѣтъ. На немъ былъ черный сюртукъ, блестящій цилиндръ, коричневая гетры и отлично сшитыя сѣрые брюки. Но поведение его странно противорѣчило его лицу и всему внѣшнему виду: онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ, по временамъ подскакивая, какъ человѣкъ, не привыкшій много ходить. На ходу онъ размахивалъ руками, качалъ головою и дѣлалъ какія-то необыкновенныя гримасы лицомъ.

— Что это съ нимъ?—сказалъ я.—Онъ смотритъ на номера домовъ.

— Я думаю, онъ идетъ сюда,—сказаль Холмсъ, потирая руки.

— Сюда?

— Да. Я думаю, онъ идетъ посовѣтоваться со мной. Мнѣ нѣсколько знакомы эти симптомы. Ага! Что я говорилъ вамъ?

Незнакомецъ, задыхаясь, подбѣжалъ къ нашему подъѣзду и дернулъ колокольчикъ такъ сильно, что звонъ раздался по всему дому.

Черезъ нѣсколько мгновений онъ стоялъ уже передъ нами, все такъ же задыхаясь и размахивая руками, но во взглядѣ его глазъ было столько горя и отчаянія, что мы перестали улыбаться и съ ужасомъ и сожалѣніемъ смотрѣли на него. Сначала онъ не могъ выговорить ни слова и только раскачивался изъ стороны въ сторону и хваталъ себя за волосы, какъ человѣкъ, потерявшій рассудокъ; затѣмъ внезапно бросился къ стѣнѣ и принялся биться о нее головой съ такой силой, что намъ, вдвоемъ, еле удалось оттащить его на средину комнаты. Шерлокъ Холмсъ усадилъ его въ кресло и сталъ говорить съ нимъ свойственнымъ ему ласковымъ, ободряющимъ тономъ.

— Вы, вѣроятно, пришли рассказать мнѣ, что съ вами случилось, и просить совѣта, не правда ли?—сказаль онъ.—Вы устали, потому что очень торопились. Пожалуйста, успокойтесь, а потомъ я буду очень радъ выслушать васъ.

Незнакомецъ сидѣлъ нѣсколько времени молча, видимо, стараясь овладѣть собой. Грудь его тяжело вздымалась. Наконецъ, онъ провель платкомъ по лицу, крѣпко сжалъ губы и обернулся къ намъ.

— Вы, конечно, считаете меня сумасшедшимъ?—спросилъ онъ.

— Я вижу, что вы сильно взволнованы, что у васъ большое горе,—отвѣтилъ Холмсъ.

— Да, горе! Страшное, неожиданное горе, отъ котораго можно съ ума сойти! Я могъ бы перенести позоръ, если бы это касалось моего положенія въ обществѣ, хотя я человѣкъ незапятнанной репутаціи. Въ частной жизни каждаго человѣка могутъ быть также огорченія, но то и другое вмѣстѣ... это потрясло мнѣ всю душу! Къ тому же пострадаю не я одинъ; если нельзя будетъ найти выхода изъ этого ужаснаго дѣла, пострадаютъ самыя высокопоставленныя личности страны.

— Пожалуйста, успокойтесь, сэръ, — сказалъ Холмсъ,—и скажите мнѣ, кто вы и что случилось съ вами.

— Вамъ, вѣроятно, приходилось слышать мою фамилію,—отвѣтилъ нашъ посѣтитель. — Я — Александръ Гольдеръ, одинъ изъ владѣльцевъ банкирскаго дома „Гольдеръ и Стивенсонъ“ въ улицѣ Треднидль.

Фамилія эта была, дѣйствительно, извѣстна намъ. Гольдеру и Стивенсону принадлежало второе по своимъ размѣрамъ частное банковское предпріятіе въ Сити. Что же могло случиться съ однимъ изъ самыхъ выдающихся гражданъ Лондона, что довело его до такого печальнаго состоянія? Мы съ нетерпѣніемъ ожидали его разказа. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и заговорилъ:

— Я чувствую, что нельзя терять ни минуты,—сказаль онъ,—поэтому-то я и бросился сюда, какъ только полицейскій инспекторъ посовѣтоваль мнѣ обратиться къ вамъ. Я пріѣхаль въ улицу Бекеръ подземной дорогой и пошелъ пѣшкомъ, такъ какъ кэбы ѣздить по снѣгу очень медленно. Оттого-то

я такъ запыхался, такъ какъ вообще не привыкъ много ходить. Теперь мнѣ лучше, и я расскажу вамъ все, насколько возможно коротко и ясно.

„Конечно, вамъ хорошо извѣстно, что успѣшное веденіе банковыхъ операцій зависитъ не только отъ выгоднаго помѣщенія капиталовъ, но и отъ увеличенія числа вкладчиковъ. Одной изъ самыхъ выгодныхъ операцій является выдача ссудъ подъ вѣрное обезпеченіе. Въ послѣдніе годы эта отрасль нашего дѣла сильно развилась, и мы давали ссуды многимъ знатымъ людямъ подъ залогъ картинъ, библиотекъ и серебра.

„Вчера утромъ, когда я, по обыкновенію, сидѣлъ у себя въ конторѣ, клеркъ подаль мнѣ визитную карточку. Я изумился, когда прочиталъ стоявшее на ней имя. Это былъ не кто иной какъ—ну, пожалуй, даже вамъ не назову его, скажу только что это—личность, извѣстная всему міру, представитель одной изъ извѣстнѣйшихъ, благороднѣйшихъ фамилій Англій. Я былъ пораженъ оказанной мнѣ честью и хотѣлъ выразить это, когда вошелъ посѣтитель, но онъ сразу приступилъ къ дѣлу съ видомъ человѣка, желающаго поскорѣе отдѣлаться отъ непріятной обязанности.

„— Мистеръ Гольдеръ,—сказалъ онъ,—мнѣ сказали, что вы выдаете ссуды.

„— Подъ хорошее обезпеченіе,—отвѣтилъ я.

„— Мнѣ необходимо немедленно имѣть пятьдесятъ тысячъ фунтовъ,—сказалъ онъ.—Конечно, я могъ бы занять такую пустяжную сумму у любого изъ моихъ друзей, но я предпочитаю устроить дѣло самъ. Вы понимаете, что въ моемъ положеніи не слѣдуетъ обязываться кому бы то ни было.

„— Позвольте узнать, на какой срокъ вамъ нужна эта сумма?—спросилъ я.

„— Въ слѣдующій понедѣльникъ я долженъ получить большую сумму денегъ и тогда, конечно, отдамъ вамъ всю ссуду съ процентами, которые вы назначите. Но мнѣ необходимо получить эти деньги сейчасъ.

„— Я былъ бы счастливъ выдать вамъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, эти пятьдесятъ тысячъ фунтовъ изъ моихъ личныхъ денегъ,—сказалъ я,—если бы это не было нѣсколько затруднительно для меня. Если же сумма будетъ выдана отъ имени фирмы, то, даже по отношенію къ вамъ, я долженъ соблюсти всѣ установленныя у насъ правила.

„— Такъ, пожалуй, и лучше будетъ,—проговорилъ онъ, подымая черный, кожаный футляръ со стула, куда онъ положилъ его при входѣ.—Вамъ, вѣроятно, приходилось слышать о берилловой коронѣ?

„— Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ Англій,—сказалъ я.

„— Совершенно вѣрно.

„Онъ открылъ футляръ. На мягкомъ, розоватомъ бархатѣ покоилась великолѣпная корона.

„— Тутъ тридцать девять громаднхъ берилловъ,—продолжалъ онъ,—а золотая оправа не имѣетъ цѣны. По самой дешевой оцѣнкѣ эта вещь стоитъ вдвое болѣе той суммы, которую я спрашиваю. Я готовъ оставить вамъ ее въ залогъ.

„Я взялъ въ руки футляръ съ драгоцѣнной короной и, въ смущеніи, смотрѣлъ то на нее, то на моего знатнаго кліента.

„— Вы сомнѣваетесь въ ея стоимости?—спросилъ онъ.

„— Нисколько. Я только сомнѣваюсь...

„— Въ томъ, могу ли я оставить ее вамъ. Можете успокоиться. Я бы и не подумалъ сдѣлать это, если бы не былъ вполне увѣренъ, что могу взять ее обратно черезъ четыре дня. Это простая формальность. Итакъ, залогъ достаточенъ?

„— Съ избыткомъ.

„— Вы понимаете, мистеръ Гольдеръ, что я даю вамъ серьезное доказательство довѣрія, такъ какъ много слышалъ о васъ. Я надѣюсь, что вы не только не станете рассказывать объ этомъ дѣлѣ, но и возвратите корону въ полной сохранности. Мнѣ нечего говорить вамъ, какой выйдетъ скандалъ, если что-нибудь приключится съ этой вещью. Всякое поврежденіе имѣетъ почти то же значеніе, что пропaja, такъ какъ во всемъ мірѣ нѣтъ подобныхъ берилловъ и ихъ нельзя будетъ замѣнить. Но я спокойно оставляю вамъ корону и зайду за ней самъ въ понедѣльникъ утромъ.

„Видя, что мой клиентъ очень торопится, я позвалъ кассира и велѣлъ ему выдать пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Когда я остался одинъ и взглянулъ на лежавшій передо мной кожаный футляръ, меня охватило невольное чувство смущенія при мысли о принятой на себя ответственности. Какъ бы то ни было, это достояніе націи, и въ случаѣ какого-либо несчастья произойдетъ страшный скандалъ. Я сожалѣлъ, что согласился принять такой залогъ. Однако дѣла нельзя уже было поправить, и потому я заперъ драгоценный футляръ въ желѣзный шкафъ и принялся за работу.

„Наступилъ вечеръ. Я подумалъ, что неблаго- разумно оставлять въ конторѣ такую драгоценную

вещь. Въ банкахъ часто бываютъ кражи со зломомъ. А въ какомъ ужасномъ положеніи очутился бы я въ подобномъ случаѣ! Поэтому я рѣшилъ, что буду брать съ собой футляръ домой и привозить его обратно въ теченіе нѣсколькихъ дней такъ, чтобы онъ всегда былъ при мнѣ. Я позвалъ извозчика, поѣхалъ къ себѣ въ Стритгэмъ и вздохнулъ свободно только тогда, когда принесъ корону къ себѣ наверхъ и заперъ ее въ бюро.

„Теперь расскажу вамъ о моихъ домашнихъ, мистеръ Холмсъ, для того, чтобы вы могли составить себѣ ясное понятіе о всѣхъ окружающихъ меня. Грумъ и лакей спятъ внѣ дома, такъ что о нихъ и говорить нечего. У меня три горничныя, которыя живутъ въ домѣ много лѣтъ; дѣвушки честныя, стоящія выше всякихъ подозрѣній. Люси Парръ поступила недавно, но у нея отличный аттестатъ, и я ею доволенъ. Она очень хороша собой, и у нея много поклонниковъ, которые торчатъ вокругъ дома. За исключеніемъ этого недостатка, мы считали ее очень хорошей дѣвушкой.

„Такова моя прислуга. Семья же моя такая маленькая, что описать ее недолго. Я вдовецъ; у меня единственный сынъ, Артуръ. Онъ страшно огорчаетъ меня, мистеръ Холмсъ. Не сомнѣваюсь, что во всемъ виноватъ я самъ. Говорятъ, я избаловалъ его. Весьма вѣроятно, что это правда. Когда умерла моя дорогая жена, я перенесъ всю свою любовь на этого мальчика. Мнѣ хотѣлось, чтобы улыбка никогда не сходила съ его лица. Я исполнялъ всѣ его желанія. Можетъ-быть, для обоихъ насъ было бы лучше, если бы я строже относился къ нему, но во всякомъ случаѣ, я поступалъ такъ, желая ему добра.

„Весьма естественно, что мнѣ хотѣлось, чтобы онъ унаслѣдовалъ мое дѣло, но у него не было ни малѣйшаго желанія заниматься имъ. Онъ человѣкъ необузданный, упрямый, и, откровенно говоря, я не могу довѣрять ему большихъ денегъ. Онъ сдѣлался членомъ аристократическаго клуба. Благодаря своимъ очаровательнымъ манерамъ, онъ скоро близко сошелся съ богатыми людьми, привыкшими широко жить. Онъ сталъ вести азартную игру, тратить деньги на скачкахъ и часто приходилъ ко мнѣ просить денегъ въ счетъ получаемаго имъ отъ меня содержанія. Онъ много разъ пытался бросить эту опасную компанію, но всякій разъ влияніе его друга, сэра Джорджа Бёрнвеля, удерживало его отъ этого намѣренія. Я нисколько не удивляюсь тому, что такой человѣкъ, какъ Джорджъ Бёрнвель, имѣетъ влияніе на Артура. Сынъ часто приводилъ его къ намъ и я самъ не могъ устоять противъ его обаянія. Онъ старше Артура, вполне свѣтскій человѣкъ, много путешествовавшій, много видѣвшій, блестящій собесѣдникъ и очень красивый мужчина. Когда я разбираю его хладнокровно, не поддаваясь чарамъ его присутствія, припоминаю его циническія рѣчи и выраженіе, появляющееся иногда въ его глазахъ, я чувствую, что этому человѣку нельзя довѣряться. То же самое думаетъ и моя маленькая Мэри, умѣющая опредѣлять характеры съ инстинктомъ женщины.

„Теперь остается описать только ее. Она—моя племянница, но пять лѣтъ тому назадъ, когда умеръ мой братъ, я удочерилъ ее. Это—лучъ солнца въ моемъ домѣ. Милая, любящая, прекрасная, чудесная хозяйка, нѣжная спокойная дѣвушка. Она—моя правая рука. Я не знаю, что бы я дѣлалъ безъ

нея. Только въ одномъ она идетъ противъ моего желанія. Артуръ два раза дѣлалъ ей предложеніе, онъ горячо любитъ ее, и оба раза она отказала ему. Я думаю, она одна могла бы воротить его на путь истинный. Этотъ бракъ совершенно измѣнилъ бы его жизнь. Теперь это—увы!—уже слишкомъ поздно!

„Итакъ, я рассказалъ вамъ про всѣхъ моихъ домашнихъ, мистеръ Холмсъ, и буду продолжать мою грустную исторію.

„Вечеромъ, когда мы пили послѣ обѣда кофе, я рассказалъ Артуру и Мэри о странномъ случаѣ и драгоценной коронѣ, которую привезъ домой. Я не назвалъ только имени моего знатнаго кліента. Я знаю, навѣрно, что Люси Парръ, подавъ кофе, ушла изъ комнаты, но не могу поручиться, была ли заперта дверь. Мой рассказъ очень заинтересовалъ Мэри и Артура. Имъ захотѣлось взглянуть на знаменитую корону, но я рѣшилъ лучше не трогать ее.

„— Куда вы ее положили?—спросилъ Артуръ.

„— Въ бюро.

„— Надѣюсь, что воры не проберутся ночью въ домъ,—сказалъ Артуръ.

„— Бюро заперто,—отвѣтилъ я.

„— О, всякій старый ключъ подойдетъ къ этому замку. Когда я былъ маленькимъ, я открывалъ бюро ключомъ отъ буфета.

„Онъ часто говорилъ всякій вздоръ, и потому я не обратилъ вниманія на его слова. Вечеромъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату съ очень серьезнымъ лицомъ.

„— Папа,—проговорилъ онъ, опуская глаза,— не можешь ли ты дать мнѣ двѣсти фунтовъ?

„— Нѣтъ, не могу,—рѣзко отвѣтилъ я.—Я и то передоваль тебѣ слишкомъ много денегъ.

„— Вы были очень добры ко мнѣ,—сказалъ онъ,—но мнѣ необходимы эти деньги. Иначе я не могу показаться въ клубъ.

„— И отлично!—крикнулъ я.

„— Да, но не думаю, чтобы вамъ было пріятно, если я выйду оттуда обезчещеннымъ,—сказалъ онъ.—Я не вынесу позора. Мнѣ нужно достать эти деньги во что бы то ни стало. Не дадите вы, придется употребить другія средства.

„Я былъ страшно сердитъ: въ третій разъ въ этомъ мѣсяцѣ онъ обращался ко мнѣ за деньгами.

„— Не видать тебѣ отъ меня ни одного фаринга!—крикнулъ я. Онъ поклонился и, молча, вышелъ изъ комнаты.

„Когда онъ ушелъ, я открылъ бюро, убѣдился, что корона на мѣстѣ, и снова заперъ на замокъ. Потомъ я обошелъ весь домъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли двери заперты. Обыкновенно это дѣлаетъ Мэри, но въ эту ночь я рѣшилъ исполнить самъ эту обязанность. Спускаясь съ лѣстницы, я увидѣлъ Мэри у бокового окна передней. Когда я подошелъ къ ней, она закрыла ставни и окно.

„— Скажите, папа,—проговорила она, нѣсколько смущенно,—вы отпустили на сегодня Люси?

„— Конечно, нѣтъ.

„Она только-что вернулась домой. Я не сомнѣвалась въ томъ, что она выходила только поболтать съ кѣмъ-нибудь за воротами, но, во всякомъ случаѣ, это не годится.

„— Поговори съ ней объ этомъ завтра утромъ, или я самъ поговорю, если желаешь. Ну, что, все вездѣ заперто?

„— Да, папа.

„— Спокойной ночи.

„Я поцѣловалъ ее, пошелъ въ спальню и вскорѣ уснулъ.

„Я стараюсь рассказать вамъ все, что имѣетъ отношеніе къ дѣлу. Пожалуйста, м-ръ Холмсъ, предлагайте мнѣ вопросы, если я говорю недостаточно ясно“.

— Напротивъ, ваше показаніе отличается замѣчательною ясностью.

— Я перехожу къ той части моего разсказа, которая требуетъ особой точности. Я вообще сплю довольно чутко, а въ эту ночь мой сонъ былъ тревожнѣе обыкновеннаго. Около двухъ часовъ меня разбудилъ какой-то шумъ. Онъ затихъ раньше, чѣмъ я вполне очнулся, но мнѣ показалось, будто гдѣ-то тихо закрылось окно. Я насторожилъ уши. Вдругъ я съ ужасомъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ чьи-то тихіе шаги. Я всталъ съ кровати, дрожа отъ страха, и заглянулъ въ свою уборную.

„— Артуръ!—вскрикнулъ я,—негодяй! воръ! Какъ смѣешь ты трогать эту корону.

„При свѣтѣ газоваго рожка я увидѣлъ моего несчастнаго мальчика. Онъ былъ въ рубашкѣ и брюкахъ и держалъ въ рукѣ корону. Онъ, казалось, сгибалъ или выпрямлялъ ее изо всѣхъ силъ. При моемъ восклицаніи онъ уронилъ ее и поблѣднѣлъ, какъ смерть. Я поднялъ корону и осмотрѣлъ ее. Не хватало одного угла съ тремя бериллами.

„— Негодяй!—кричалъ я внѣ себя отъ бѣшенства.—Ты испортилъ ее! Ты опозорилъ меня навѣки! гдѣ бериллы, которые ты укралъ?

„— Укралъ!—вскрикнулъ онъ.

„— Да, укралъ! Воръ!— продолжалъ кричать я, тряся его за плечи.

„— Камни всѣ тутъ. Не можетъ быть, чтобъ не хватало,— возразилъ Артуръ.

„— Не хватаетъ трехъ, и ты знаешь, гдѣ они. Воръ и къ тому же лжецъ! Развѣ я не видѣлъ, какъ ты ломалъ корону.

„— Довольно ругани,— проговорилъ онъ,— я не намѣренъ долѣе терпѣть и не скажу ни слова. Утромъ я покину вашъ домъ и буду жить самостоятельно.

„— Я отдамъ тебя въ руки полиціи,— кричалъ я, не помня себя отъ горя и бѣшенства.— Я требую, что бы это дѣло было разслѣдовано.

„— Вы ничего отъ меня не узнаете,— отвѣчалъ онъ со страстью, которой я не ожидалъ отъ него.— Если призовете полицію, пусть ищеть!

„Мой крикъ поднялъ на ноги всѣхъ въ домѣ. Первой въ комнату вбѣжала Мэри. При видѣ лица Артура и короны у меня въ рукахъ, она сразу догадалась въ чемъ дѣло, громко вскрикнула и упала безъ чувствъ. Я послалъ за полиціей и объяснилъ все. Когда инспектора и констебли вошли въ домъ, Артуръ, стоявшій съ упрямымъ видомъ, сложивъ на груди руки, спросилъ меня, намѣренъ ли я обвинять его въ кражѣ. Я отвѣтилъ ему, что теперь это уже не частное, а общественное дѣло, такъ какъ испорченная корона—достояніе націи, и потому я предоставляю закону вступить въ свои права.

„— По крайней мѣрѣ, не допускайте, чтобы меня арестовали немедленно,— сказалъ онъ.— И вамъ, и мнѣ будетъ лучше, если бы я могъ на пять минутъ выйти изъ дома.

„— Чтобы убѣжать или спрятать украденное,— возразилъ я.

„Сознаніе ужаснаго положенія, въ которомъ я очутился, охватило меня съ новой силой. Я умолялъ его припомнить, что дѣло идетъ не только о моей чести, но и о чести личности, стоящей гораздо выше меня. Подобнаго рода скандалъ можетъ вызвать взрывъ народнаго негодованія. Но можно еще предупредить несчастье, если только онъ сознается, куда дѣвались недостающіе три камня.

„— Все равно ты попался на мѣстѣ преступленія,— говорилъ я.— Признаніе не ухудшитъ дѣла. Если ты скажешь, гдѣ находятся бериллы, все будетъ прощено и забыто.

„— Прощайте тѣхъ, которые нуждаются въ прощеніи,— отворачиваясь отъ меня, насмѣшливо отвѣтилъ Артуръ. Я увидѣлъ, что никакія слова не могутъ повліять на него. Дѣлать было нечего, я позвалъ полицейскаго и инспектора и велѣлъ арестовать моего сына. Немедленно обыскали и его самого, и его комнату, и всѣ мѣста въ домѣ, куда онъ могъ спрятать бериллы, но нигдѣ не оказалось и слѣда ихъ, а мой несчастный сынъ молчалъ въ отвѣтъ на всѣ наши уговариванія и угрозы. Сегодня утромъ его отвезли въ тюрьму, а я, выполнивъ всѣ формальности, бросился къ вамъ, чтобы молить васъ помочь раскрытію тайны. Въ полиціи открыто сознаются, что ничего не понимаютъ въ этомъ дѣлѣ. Не стѣсняйтесь никакими расходами. Я уже объявилъ, что даю тысячу фунтовъ награды. Боже мой, что я буду дѣлать! Въ одну ночь я потерялъ честь, бериллы и сына. О, что дѣлать мнѣ?!”

Онъ схватился обѣими руками за голову и на-

чалъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, борюча что-то, словно ребенокъ, горе котораго слишкомъ велико для того, чтобъ выразить его словами.

Шерлокъ Холмсъ сидѣлъ молча, нахмутивъ брови и устремивъ глаза на огонь въ каминѣ.

— Бываетъ у васъ много гостей?—спросилъ онъ.

— Никого, за исключеніемъ моего партнера и его семьи. Иногда заходитъ кто-нибудь изъ друзей Артура. Въ послѣднее время часто бывалъ сэръ Джорджъ Бернвель.

— А сами вы часто бываете въ обществѣ?

— Артуръ— да. Мэри и я предпочитаемъ оставаться дома. Мы съ ней не любимъ выѣздовъ.

— Со стороны молодой дѣвушки это удивительно.

— Она очень тихаго нрава и къ тому же не очень молода. Ей двадцать четыре года.

— По вашимъ словамъ, это событіе страшно подѣйствовало на нее?

— Ужасно! Она разстроена даже сильнѣе меня.

— И никто изъ васъ не сомнѣвается въ виновности вашего сына?

— Какъ можемъ мы сомнѣваться, когда я собственными глазами видѣлъ корону въ его рукахъ.

— Я не считаю это достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ. А вообще корона попорчена?

— Да, она помята.

— А вы не думаете, что онъ хотѣлъ расправитъ ее?

— Да благословитъ васъ Богъ! Вы стараетесь сдѣлать все, что можно, для него и меня. Но это слишкомъ трудная задача. Зачѣмъ же корона была у него въ рукахъ? Если съ невинной цѣлью, то почему онъ не сказалъ этого?

— Вотъ именно. А если онъ виновенъ, то почему не выдумалъ какого-нибудь оправданія? Молчаніе его носить обоюдоострый характеръ. Вообще, въ этомъ дѣлѣ много страннаго. Что говорятъ въ полиціи насчетъ шума, отъ котораго вы проснулись?

— Тамъ думаютъ, что это Артуръ хлопнулъ дверью своей спальни, запирая ее.

— Удивительно правдоподобно! Неужели человекъ, идущій красть, хлопнетъ дверью такъ громко, что разбудитъ всѣхъ въ домѣ? А что же говорятъ о пропажѣ камней?

— Продолжаютъ еще обыскивать полъ, стѣны и мебель въ надеждѣ найти ихъ.

— А искали внѣ дома?

— Да. Поиски ведутся съ необычайной энергіей. Весь садъ тщательно обысканъ.

— Ну, сэръ,—сказалъ Холмсъ,—очевидно, что дѣло-то гораздо серьезнѣе, чѣмъ думаете и вы, и полиція. Вамъ оно кажется простымъ, мнѣ же чрезвычайно сложнымъ. Подумайте, что можно вывести изъ вашей гипотезы. Вы предполагаете, что вашъ сынъ всталъ съ постели, сильно рискуя попасться, вошелъ въ вашу уборную, открылъ бюро, вынулъ корону, отломалъ небольшую часть ея, пошелъ куда-то въ другое мѣсто, гдѣ спряталъ три берилла изъ общаго числа тридцати девяти такъ искусно, что ихъ не могутъ найти, потомъ вернулся съ остальными въ уборную, пренебрегая опасностью быть пойманнымъ. Скажите, пожалуйста, выдерживаетъ ли подобнаго рода гипотеза критику?

— А другая какая?—крикнулъ банкиръ съ жестомъ отчаянія.—Если онъ не виновенъ, то почему не объяснить намъ всего?

— Эта задача выпадает на нашу долю, — отвѣтил Холмсъ. — М-ръ Гольдеръ, мы съ вами отправимся въ Стритгэмъ и займемся часокъ-другой изученіемъ нѣкоторыхъ подробностей.

Холмсъ настаивалъ, чтобы я отправился съ ними. Я охотно согласился на его желаніе. Слышанная мной исторія возбудила во мнѣ сильное любопытство. Сознаюсь, что виновность сына банкира казалась мнѣ столько же очевидной, какъ и его несчастному отцу, но я настолько вѣрилъ въ ясность сужденій Холмса, что чувствовалъ, что не вся надежда потеряна, разъ онъ недоволенъ даннымъ ему объясненіемъ. Онъ не сказалъ ни слова, пока мы ѣхали въ южную часть Лондона, и сидѣлъ, опустивъ голову на грудь и надвинувъ шляпу на глаза, очевидно, весь погруженный въ свои мысли. Нашъ кліентъ, очевидно, нѣсколько ободрился отъ мелькнувшаго ему слабого луча надежды и даже сталъ болтать со мной о своихъ дѣлахъ. Послѣ непродолжительной поѣздки по желѣзной дорогѣ и по шоссе, мы скоро очутились въ Форбанкѣ, скромномъ жилищѣ великаго финансиста.

Форбанкъ, большой квадратный домъ изъ бѣлаго камня, стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Со стороны фасада двѣ широкихъ аллеи, покрытыхъ снѣгомъ, вели къ двумъ желѣзнымъ воротамъ. Справа маленькая деревянная калитка вела на узенькую дорожку между двумя хорошенькими изгородями, по которой ходили торговцы. Къ кухнѣ слѣва шла тропинка къ конюшнямъ, стоявшимъ на большой, но глухой профъзжей дорогѣ. Холмсъ покинулъ насъ у подъѣзда, медленно обошелъ кругомъ всего дома, по дорожкѣ къ кухнѣ, по саду и вышелъ къ конюшнямъ. Мистеръ Гольдеръ и я вошли

въ столовую и сѣли у камина, ожидая его. Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату безшумно вошла молодая барышня. Она была нѣсколько выше средняго роста, тонкая, съ темными волосами и глазами, казавшимися еще темнѣе отъ необыкновенной блѣдности ея лица. Мнѣ, кажется, никогда не приходилось видѣть такого смертельно блѣднаго женскаго лица. Губы были также совершенно безкровны, а глаза воспалены отъ слезъ. На меня она произвела впечатлѣніе женщины, сильно удрученной горемъ, страдающей даже болѣе отца предполагаемаго преступника.

Это было тѣмъ удивительнѣе, что она казалась женщиной сильнаго характера, умѣющей замѣчательно владѣть собой. Не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія, она прямо подошла къ дядѣ и нѣжно погладила его по головѣ.

— Ты вѣдь распорядился, чтобы Артура выпустили изъ тюрьмы, не правда ли, папочка? — спросила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣточка, надо довести дѣло до конца.

— Но я увѣрена, что онъ невиненъ. Вы знаете, что значить женскій инстинктъ. Я знаю, что онъ ничего не сдѣлалъ. Вы раскаетесь, что поступили такъ жестоко.

— Зачѣмъ же онъ молчитъ, если невиновенъ?

— Какъ знать? Можетъ-быть, оттого, что ваши подозрѣнія оскорбили его?

— Какъ же я могъ не заподозрѣть его, когда собственными глазами видѣлъ въ его рукахъ корону?

— О, онъ взялъ ее только для того, чтобъ помотрѣть на нее. О, повѣрьте моему слову, по-вѣрьте, что онъ невиненъ. Замните это дѣло. Такъ

тяжело думать, что нашъ милый Артуръ сидитъ въ тюрьмѣ.

— Я не брошу этого дѣла, пока не найдутся камни... ни за что, Мэри! Я не только не хочу забыть этого дѣла, но, напротивъ, пригласилъ сюда одного господина изъ Лондона, чтобы онъ хорошенько занялся имъ.

— Этого господина?—спросила она, оборачиваясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, его друга, который попросилъ насъ оставить его одного. Въ настоящее время онъ остался у конюшенъ.

— У конюшенъ?—она съ удивленіемъ подняла свои черныя брови.—Что же онъ надѣется найти тамъ? А! вѣроятно, это онъ. Надѣюсь, сэръ, вамъ удастся доказать невинность кузена Артура, въ которой я глубоко убѣждена.

— Вполнѣ раздѣляю ваше убѣждение и надѣюсь, что намъ удастся достичь нашей цѣли,—отвѣтилъ Холмсъ, отряхивая снѣгъ съ сапогъ.—Вѣроятно, я имѣю честь говорить съ миссъ Мэри Гольдеръ? Могу я предложить вамъ нѣсколько вопросовъ?

— Пожалуйста, сэръ, если это можетъ помочь разъясненію этого ужаснаго дѣла.

— Вы ничего не слышали прошлой ночью?

— Ничего. Я сошла внизъ только тогда, когда услышала громкій голосъ дяди.

— Вы запирали въ эту ночь окна и ставни. Заперли ли вы всѣ окна?

— Да.

— А утромъ всѣ окна были закрыты?

— Да.

— У вашей горничной есть возлюбленный? На

сколько я помню, вы говорили вашему дядѣ, что она выходила на свиданіе съ нимъ.

— Да. Она могла слышать разговоръ дяди о коронѣ, когда прислуживала въ гостиной.

— Понимаю. Вы хотите сказать, что она могла передать эти свѣдѣнія своему возлюбленному, и потому, вдвоемъ, они составили планъ покражи.

— Ну, къ чему всѣ эти смутныя гипотезы,—съ нетерпѣніемъ крикнулъ банкиръ,—вѣдь я же сказалъ вамъ, что видѣлъ корону въ рукахъ Артура!

— Погодите немного, м-ръ Гольдеръ. Мы еще вернемся къ этому вопросу. Итакъ, миссъ Гольдеръ, вы, какъ я предполагаю, видѣли ее, когда она возвращалась домой въ кухонную дверь?

— Да, когда я пошла посмотрѣть, заперта ли дверь, я видѣла, какъ она проскользнула въ нее. Въ темнотѣ я замѣтила тоже и мужчину.

— Вы знаете его?

— О, да. Это зеленщикъ, который носитъ намъ провизію. Его зовутъ Фрэнсисъ Просперъ.

— Онъ стоялъ налѣво, на дорожкѣ, на такомъ разстояніи отъ двери, что не могъ войти въ домъ?—сказалъ Холмсъ.

— Да.

— У него одна нога деревянная?

Тѣнь испуга мелькнула въ выразительныхъ черныхъ глазахъ молодой дѣвушки.

— Да вы настоящій волшебникъ!—проговорила она.—Какъ вы это узнали?

Она улыбнулась, но эта улыбка не нашла себѣ отвѣта на тонкомъ, умномъ лицѣ Холмса.

— Мнѣ бы хотѣлось подняться теперь наверхъ,—сказалъ онъ,—а потому надо будетъ опять обойти

кругомъ всего дома. Впрочемъ, сначала я осматриваю окна внизу.

Онъ быстро переходилъ отъ одного окна къ другому и остановился только у большого окна, изъ котораго были видны конюшни. Холмсъ открылъ его и тщательно осмотрѣлъ подоконникъ въ увеличительное стекло.

— Теперь пойдемъ наверхъ,—наконецъ, проговорилъ онъ.

Уборная банкира была маленькая комната, устланная сѣрымъ ковромъ, съ большимъ бюро и длиннымъ зеркаломъ. Холмсъ подошелъ прямо къ бюро и пристально оглядѣлъ замокъ.

— Какимъ ключомъ оно было отперто?—спросилъ онъ.

— Тѣмъ, о которомъ говорилъ мой сынъ, ключомъ отъ буфета въ кладовой.

— Гдѣ онъ?

— Здѣсь на туалетномъ столѣ.

Шерлокъ Холмсъ взялъ ключъ и отперъ бюро.

— Замокъ открывается безшумно,—сказалъ онъ.—

Неудивительно, что вы не проснулись. Корона, вѣроятно, въ этомъ футлярѣ. Надо взглянуть на нее.

Онъ открылъ футляръ, вынулъ оттуда діадему и положилъ ее на столъ. Это было рѣдкое произведеніе ювелирнаго искусства, а такихъ чудныхъ берилловъ мнѣ никогда не приходилось видѣть. Одинъ уголь съ тремя камнями былъ отломанъ.

— Ну, м-ръ Гольдеръ,—сказалъ Холмсъ,—вотъ съ другой стороны совершенно такой же уголь, какъ пропавшій. Не попробуете ли сломать его.

Банкиръ въ ужасѣ отшатнулся.

— Ни за что на свѣтѣ!—сказалъ онъ.

— Тогда я попробую,—сказалъ Холмсъ и, пу-

стивъ въ дѣло всю свою силу, попробовалъ отломить уголь, но безуспѣшно.

— Чувствую, что онъ поддается немного, но, не смотря на то, что обладаю замѣчательной силой пальцевъ, я не въ состояніи сломать его; тѣмъ менѣе это можетъ дѣлать человѣкъ обыкновенной силы. А какъ вы думаете, м-ръ Гольдеръ, что бы случилось, если бы мнѣ удалось отломить этотъ кусокъ? Нѣчто въ родѣ выстрѣла. Могло ли это случиться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вашей постели, и вы бы ничего не слышали?

— Не знаю, что и думать. Все такъ туманно для меня.

— Можетъ-быть, постепенно, и выяснится. А вы какъ думаете, миссъ Гольдеръ?

— Сознаюсь, что раздѣляю недоумѣніе дяди.

— У вашего сына, когда вы увидѣли его, не было на ногахъ ни сапогъ ни туфель?

— Кромѣ брюкъ и сорочки на немъ ничего не было.

— Благодарю васъ. Въ этомъ дѣлѣ счастье замѣчательно благоприятствуетъ намъ и мы сами будемъ виноваты, если дѣло не выяснится. Если позволите, м-ръ Гольдеръ, я буду продолжать свои наблюденія внѣ дома.

Онъ ушелъ одинъ, объяснивъ, что всѣ лишніе слѣды затрудняютъ ему дѣло. Онъ вернулся черезъ часъ съ кучей снѣга на ногахъ. Лицо его носило все то же непроницаемое выраженіе.

— Кажется, я видѣлъ все, что слѣдуетъ, м-ръ Гольдеръ,—сказалъ Холмсъ,—и потому отправлюсь домой, гдѣ могу быть полезнѣе для васъ.

— А камни, м-ръ Холмсъ? Гдѣ они?

— Не могу сказать.

Банкиръ заломилъ, въ отчаяніи, руки.

— Значить, мнѣ не видать ихъ больше!—вскрикнулъ онъ. — А сынъ мой... Вы можете дать мнѣ надежду?

— Мое мнѣніе остается неизмѣннымъ.

— Такъ скажите же, ради Бога, что за темное дѣло разыгралось вчера въ моемъ домѣ?

— Если вы загляните ко мнѣ завтра утромъ между девятью и десятью часами, я буду радъ выяснитъ его, насколько могу. Вѣдь вы даете мнѣ *carte blanche*, не правда ли? Вы желаете, чтобы я добылъ обратно камни во что бы то ни стало и даете мнѣ неограниченный кредитъ?

— Я готовъ отдать все свое состояніе, чтобы только получить ихъ обратно.

— Отлично. Я займусь этимъ дѣломъ. Прощайте; очень возможно, что я загляну еще сюда до вечера.

Я видѣлъ, что мой другъ уже составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе насчетъ этого происшествія, хотя я даже смутно не могъ себѣ представить, къ какимъ выводамъ онъ пришелъ. Я нѣсколько разъ, въ то время какъ мы ѣхали домой, пробовалъ вывѣдать у него что-нибудь, но онъ всякій разъ уклонялся отъ этого разговора, такъ что я бросилъ бесполезныя попытки и молчалъ всю остальную дорогу. Еще не было трехъ часовъ, когда мы снова очутились въ нашей квартирѣ. Холмсъ поспѣшно прошелъ къ себѣ въ комнату и вскорѣ вышелъ оттуда въ одеждѣ самого обыкновеннаго бродяги. Въ оборванномъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, въ красномъ галстухѣ, въ стоптанныхъ сапогахъ, онъ казался типичнымъ представителемъ этого класса людей.

— Кажется, ничего,—проговорилъ онъ, смотрясь въ зеркало.—Очень бы мнѣ хотѣлось, Ватсонъ, чтобы вы пошли со мною, но боюсь, что не слѣдуетъ этого дѣлать. Можетъ-быть, я и попаля на слѣдъ, а можетъ-быть, все окажется вздоромъ. Во всякомъ случаѣ я скоро узнаю это и черезъ нѣсколько часовъ вернусь домой.

Онъ отрѣзалъ кусокъ мяса, вложилъ его между двумя ломтиками хлѣба и, сунувъ бутербродъ въ карманъ, вышелъ изъ комнаты.

Я только что кончилъ пить чай, какъ онъ вернулся, очевидно, въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа, съ какимъ-то старымъ сапогомъ въ рукахъ. Онъ швырнулъ сапогъ въ уголъ и налилъ себѣ чашку чая.

— Я зашелъ только мимоходомъ и сейчасъ уйду опять,—сказалъ онъ.

— Куда?

— О, въ сторону Вестъ-Энда. Пожалуйста, не дожидайтесь меня. Я, можетъ-быть, приду поздно.

— Ну, какъ идутъ дѣла?

— Ничего. Нельзя пожаловаться. Я побывалъ въ Стритгэмъ съ тѣхъ поръ, что мы не видались съ вами, но не заходилъ въ домъ. Дѣло-то выходитъ славное, я ни за что не согласился бы упустить его. Однако нечего разсиживать тутъ и болтать; надо поскорѣе снять эти отвратительныя лохмотья и принять свойственный мнѣ приличный видъ.

Я видѣлъ по всему, что онъ довольнѣе, чѣмъ можно было заключить по его словамъ. Глаза его горѣли, а на блѣдныхъ щекахъ появился легкій румянецъ. Онъ быстро поднялся наверхъ, а черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ, какъ входная дверь хлопнула за нимъ.

Я ждалъ его до полуночи и, не дождавшись, ушелъ къ себѣ въ комнату. Случалось, что онъ пропадалъ цѣлыми днями и ночами, когда бывалъ занятъ какимъ-нибудь интереснымъ дѣломъ, и потому его отсутствіе нисколько не встревожило меня. Не знаю, когда онъ вернулся, но когда на слѣдующее утро я спустился въ столовую, онъ сидѣлъ за чашкой чая, съ газетой въ рукахъ, свѣжій и опрятный какъ всегда.

— Извините, что не дождался васъ, Ватсонъ,— сказалъ онъ,—но нашъ кліентъ долженъ прійти сюда рано утромъ.

— А теперь уже позже девяти,—отвѣтилъ я.— Да вотъ и звонятъ. Вѣроятно, это онъ.

Дѣйствительно, это былъ нашъ пріятель банкиръ. Я ужаснулся перемѣнѣ, которую увидѣлъ въ немъ. Его широкое лицо осунулось и поблѣднѣло, волосы посѣдѣли. Онъ вошелъ съ усталымъ, апатичнымъ видомъ, производившимъ еще болѣе печальное впечатлѣніе, чѣмъ волненіе предыдущаго утра, и тяжело опустился въ кресло, которое я подставилъ ему.

— Не знаю, за что судьба преслѣдуетъ меня такъ жестоко,—проговорилъ онъ.—Два дня тому назадъ я былъ счастливымъ, обеспеченнымъ человѣкомъ. Теперь меня ожидаетъ одинокая, опозоренная старость. Одна бѣда приходитъ за другой. Моя племянница Мэри покинула меня.

— Покинула васъ?

— Да. Сегодня утромъ ея постель оказалась нетронутой; спальня ея была пуста, а на столѣ въ передней лежала записка. Вчера вечеромъ въ порывѣ горя, но не гнѣва, я сказалъ ей, что ничего бы этого не было, если бы она вышла замужъ за

моего мальчика. Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало говорить этого. Она намекаетъ на эти слова въ своей запискѣ. Вотъ она: „Дорогой дядя, я чувствую, что причинила вамъ горе, и знаю, что если бы я поступила иначе, не произошло бы этого ужаснаго несчастія. Я не могу быть счастлива подъ вашей кровлей съ этой ужасной мыслью и потому рѣшилась навѣки покинуть васъ. Не тревожьтесь о моей судьбѣ и, главное, не ищите меня, потому что это будетъ совершенно бесполезно... Вѣчно васъ любящая Мэри“. Что значатъ эти слова, мистеръ Холмсъ? Неужели она рѣшилась на самоубійство?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Быть-можетъ, это наилучшее разрѣшеніе вопроса. Я думаю, мистеръ Гольдеръ, что ваши испытанія близятся къ концу.

— Что вы говорите, мистеръ Холмсъ. Вы слышали что-нибудь, узнали что-нибудь? Гдѣ камни?

— Вы согласны заплатить по тысячѣ фунтовъ за каждый камень? Это не покажется вамъ слишкомъ дорого?

— Я согласенъ заплатить десять.

— Это ужъ лишнее. Трехъ тысячъ достаточно. Ну, конечно, вознагражденіе. Съ вами есть чековая книжка? Вотъ перо. Пишите чекъ на четыре тысячи фунтовъ.

Ошеломленный банкиръ написалъ чекъ. Холмсъ подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ ящика треугольный кусокъ золота съ тремя бериллами и бросилъ его на столъ.

Банкиръ схватилъ его съ крикомъ радости.

— Вы добыли камни! Я спасенъ, спасенъ!—задыхаясь, проговорилъ онъ.

Радость его выразалась такъ же бурно, какъ и

горе. Страстнымъ движеніемъ онъ прижалъ камни къ груди.

— За вами еще одинъ долгъ, мистеръ Гольдеръ,— сказалъ Холмсъ нѣсколько строгимъ голосомъ.

— Долгъ!—Онъ схватилъ перо.—Назовите сумму, и я заплачу ее.

— Нѣтъ, это долгъ не мнѣ и совсѣмъ другого рода. Вы должны извиниться передъ благороднымъ юношей, вашимъ сыномъ. Если бы у меня былъ такой сынъ, я гордился бы имъ.

— Такъ Артуръ не бралъ камней?

— Я говорилъ вамъ это вчера и повторяю сегодня.

— Вы увѣрены въ этомъ? Такъ поѣдьте скорѣй къ нему и скажемъ ему, что истина открыта.

— Онъ уже знаетъ это. Когда я узналъ все, я увидѣлся съ нимъ. Видя, что онъ не хочетъ говорить мнѣ правды, я самъ рассказалъ ему всю исторію, такъ что онъ долженъ былъ признаться, что я правъ, и прибавилъ только нѣсколько подробностей, не вполне ясныхъ для меня. Сегодняшняя новость можетъ развязать ему языкъ.

— Ради Бога, скажите, что это за тайна?

— Я расскажу вамъ все и расскажу вамъ, какимъ образомъ я дошелъ до объясненія тайны. И прежде всего скажу то, что мнѣ труднѣе всего говорить, а вамъ слышать. Сэръ Джоржъ Бѣрнвелъ и ваша племянница сговорились бѣжать и исполнили свое намѣреніе.

— Моя Мэри! Это невозможно!

— Къ сожалѣнію, это совершенно вѣрно. Ни вы, ни вашъ сынъ не знали человѣка, котораго ввели въ свою семью. Это одинъ изъ опаснѣйшихъ людей въ Англіи—разорившійся игрокъ, отчаянный

негодяй, человѣкъ безъ сердца и совѣсти. Ваша племянница не имѣла понятія о людяхъ такого сорта. Когда онъ сталъ нашептывать ей слова любви, какъ это онъ дѣлалъ сотнямъ женщинъ, она вообразила, что только она одна заставила биться его сердце. Чортъ знаетъ, что онъ наговорилъ ей, только она превратилась въ игрушку въ его рукахъ и имѣла свиданія съ нимъ почти каждый вечеръ.

— Не вѣрю и никогда не повѣрю этому!—крикнулъ банкиръ. Лицо его было смертельно блѣдно.

— Ну, такъ я расскажу, что случилось вчера вечеромъ у васъ въ домѣ. Когда вы ушли къ себѣ въ комнату, какъ думала, ваша племянница, она сошла внизъ и разговаривала со своимъ возлюбленнымъ у окна, которое выходитъ къ конюшнямъ. Онъ, должно-быть, долго стоялъ на снѣгу, такъ какъ слѣды его ногъ ясно отпечатались тамъ. Она рассказала ему про корону. Алчность проснулась въ немъ, и онъ подчинилъ миссъ Мэри своей волѣ. Не сомнѣваюсь, что она любитъ васъ, но, я думаю, она изъ тѣхъ женщинъ, въ которыхъ любовь къ любовнику заглушаетъ всѣ другія чувства. Едва она успѣла захлопнуть окно, когда увидѣла, что вы сходите съ лѣстницы, и принялась рассказывать вамъ о свиданіи одной изъ горничныхъ съ возлюбленнымъ на деревянной ногѣ, что дѣйствительно вѣрно.

„Вашъ сынъ Артуръ, послѣ разговора съ вами, ушелъ къ себѣ въ спальню, но спать плохо, такъ какъ мысль о долгахъ въ клубѣ тревожила его. Въ полночь онъ услышалъ чьи-то легкіе шаги около своей двери. Онъ всталъ и, выглянувъ въ коридоръ, съ изумленіемъ увидѣлъ свою кузину, кото-

рая тихо шла къ вашей уборной. Пораженный юноша надѣлъ брюки и ждалъ въ темнотѣ, чѣмъ окончится это странное дѣло. Наконецъ, она вышла изъ вашей комнаты и при свѣтѣ лампы, висящей въ коридорѣ, вашъ сынъ увидѣлъ у нея въ рукахъ берилловую корону. Она спустилась съ лѣстницы. Онъ, въ ужасѣ, сбѣжалъ за нею и спрятался за занавѣской у вашей двери, откуда могъ видѣть, что дѣлается въ передней. Онъ увидѣлъ, какъ миссъ Мэри осторожно открыла окно, передала кому-то корону, потомъ закрыла окно и быстро прошла мимо него къ себѣ въ комнату.

„Пока она была тутъ, Артуръ не могъ ничего сдѣлать изъ опасенія выдать любимую женщину. Но какъ только она ушла, онъ сразу сообразилъ, какое ужасное несчастье грозитъ вамъ и какъ важно предупредить его. Онъ бросился внизъ, какъ былъ, босикомъ, открылъ окно, выпрыгнувъ въ снѣгъ и побѣжалъ по дорожкѣ, гдѣ увидѣлъ темную фигуру, облитую луннымъ сіяніемъ. Сэръ Джоржъ Бёрнвель хотѣлъ бѣжать, но Артуръ нагналъ его, и между ними началась борьба. Вашъ сынъ старался вырвать корону изъ рукъ Бёрнвеля, причемъ ударилъ его въ глазъ. Вдругъ что-то треснуло, и корона осталась въ рукахъ Артура. Онъ бросился въ домъ, закрылъ окно, поднялся въ вашу уборную, замѣтилъ, что корона помята въ борьбѣ, и старался выпрямить ее, когда вы вошли въ комнату“.

— Неужели все это правда?—задыхаясь, прошептала банкиръ.

— Вы разсердили его тѣмъ, что стали осыпая его бранью какъ разъ въ то время, когда онъ чувствовалъ, что заслуживаетъ самой горячей благо-

дарности. Онъ не могъ объяснить дѣла, не выдавая той, которая, конечно, не заслуживала его снисхожденія. Онъ поступилъ по-рыцарски и сохранилъ ее тайну.

— Такъ вотъ почему она вскрикнула и упала въ обморокъ, когда увидѣла корону,—сказалъ мистеръ Гольдеръ.— О, Боже мой! Какъ я былъ глупъ и слѣпъ! А онъ просилъ у меня позволенія выйти на пять минутъ! Бѣдный, дорогой мальчикъ хотѣлъ посмотрѣть, не найдется ли отломанный кусокъ на мѣстѣ борьбы. Какъ я былъ жестокъ и несправедливъ къ нему!

— Когда я пріѣхалъ къ вамъ, — продолжалъ Холмсъ, — я сразу тщательно осмотрѣлъ все вокругъ—не найду ли какихъ-нибудь слѣдовъ на снѣгу. Я зналъ, что съ вечера не напало новаго снѣга, а морозъ былъ достаточно сильный для того, чтобъ сохранить отпечатки. Я прошелъ по дорожкѣ къ кухнѣ; она оказалась совершенно истоптанной. Но у входа кухни, очевидно, стояла женщина, разговаривая съ мужчиной; круглый слѣдъ указывалъ, что одна нога у него деревянная. Я могъ даже сказать, что разговору ихъ помѣшали, потому что женщина быстро побѣжала къ двери, что было видно по глубокому слѣду каблуконъ и мелкому - носковъ, а челоуѣкъ съ деревянной ногой подождалъ немного и потомъ ушелъ. Я подумалъ, что это, должно - быть, была та горничная и ея возлюбленный, о которыхъ вы говорили мнѣ, и расспросы подтвердили мое предположеніе. Я обошелъ весь садъ и не видѣлъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ случайныхъ слѣдовъ, очевидно, принадлежавшихъ полицейскимъ, но когда пришелъ на дорожку у конюшенъ, то прочелъ на снѣгу

длинную, сложную исторію. Тутъ тянулся двойной рядъ слѣдовъ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ человѣку въ сапогахъ, другой, къ моему восторгу, босому. Судя по вашимъ словамъ, я сразу же вывелъ заключеніе, что послѣдній — вашего сына. Первый шелъ къ дому и обратно, второй бѣжалъ за нимъ. Я пошелъ по этимъ слѣдамъ и увидѣлъ, что они вели къ окну передней, причемъ человѣкъ въ сапогахъ истопталъ весь снѣгъ, очевидно, въ ожиданіи кого-то. Тогда я пошелъ обратно къ другому концу, ярдахъ въ ста отъ окна. Я увидѣлъ мѣсто, гдѣ человѣкъ въ сапогахъ остановился; тамъ снѣгъ былъ разбросанъ, какъ-будто происходила борьба. Нѣсколько капель крови, замѣченныхъ мною на снѣгу, доказали мнѣ, что я не ошибся. Затѣмъ „сапоги“ побѣжали по переулку у конюшни, и новые слѣды крови показали мнѣ, что раненъ именно обладатель ихъ. Когда я вышелъ по его слѣдамъ на большую дорогу, то увидѣлъ, что мостовая подметена, такъ что итти дальше было бесполезно.

„Если припомните, войдя въ домъ, я разсмотрѣвалъ въ увеличительное стѣкло раму и подоконникъ окна. Я сразу убѣдился, что кто-то влѣзъ въ него. Я разглядѣлъ слѣдъ мокрой ноги и могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что произошло. За окномъ стоялъ какой-то человѣкъ; кто-то принесъ ему корону; вашъ сынъ видѣлъ это, бросился за воровъ, боролся съ нимъ; они тянули корону каждый къ себѣ и сломали ее соединенными силами, чего никакъ бы не могъ достигнуть одинъ изъ нихъ. Вашъ сынъ вернулся съ драгоценной короной, но часть ея осталась въ рукахъ его противника. До сихъ поръ все было ясно мнѣ.

Теперь весь вопросъ заключался въ томъ, кто этотъ человѣкъ и кто принесъ ему корону?

„Я издавна придерживаюсь одного правила: исключите все невозможное, и все, что останется, окажется истиной, несмотря на всю кажущуюся неправдоподобность. Я зналъ, что это не могли быть вы. Оставалась, значитъ, ваша племянница и горничная. Если виновны горничная, то почему вашъ сынъ позволяетъ, чтобъ его обвиняли вмѣсто нихъ? Очевидно, это предположеніе не выносило критики. Но Артуръ любилъ свою кузину, и это вполне объясняетъ, почему онъ не хотѣлъ открыть ея тайны, тѣмъ болѣе такой позорной. Когда я припомнилъ, какъ вы говорили, что видѣли ее у окна, какъ рассказывали о томъ, что она упала въ обморокъ, увидя корону, мои предположенія подтвердились.

„Но кто же ея сообщникъ? Очевидно, любовникъ. Кого иного она могла любить настолько, чтобы забыть чувство любви и благодарности къ вамъ? Я узналъ, что вы мало выѣзжаете, и кругъ вашихъ друзей очень ограниченъ. Но среди нихъ былъ сэръ Джорджъ Бѣрнвелъ. Я еще раньше слышалъ объ его дурной репутаціи по отношенію къ женщинамъ. Должно-быть, онъ и былъ человѣкъ въ сапогахъ, и камни находятся у него. Если онъ и подозрѣваетъ, что Артуръ узналъ его, онъ все же могъ считать себя въ безопасности, такъ какъ молодой человѣкъ промолчитъ, чтобы не скомпрометировать своей семьи.

„Ну, теперь вы сами можете предположить, какія мѣры я принялъ. Въ видѣ нищаго бродяги я отправился въ домъ сэра Джоржа, свелъ знакомство съ его лакеемъ, узналъ, что его баринъ раз-

билъ ночью голову и, наконецъ, купилъ за шестшillingовъ его старые сапоги, отправился съ ними въ Стритгэмъ и увидѣлъ, что они приходятся вполне къ слѣдамъ“.

— Вчера вечеромъ я видѣлъ вблизи дома какъ го-то оборванца,—замѣтилъ м-ръ Гольдеръ.

— Это былъ я. Я убѣдился, что нашелъ виновнаго, и потому вернулся домой и переодѣлся. Мнѣ предстояла очень трудная роль, такъ какъ нужно было избѣжать скандала, а я зналъ, что такой ловкой негодяй отлично понимаетъ, что у насъ связаны руки. Я отправился къ нему. Сначала онъ, конечно, отрекся отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Но когда я рассказалъ ему всѣ подробности, онъ сталъ угрожать мнѣ и снялъ со стѣны револьверъ. Я, однако, предвидѣлъ это и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оправиться, приставилъ ему къ головѣ дуло пистолета. Тогда онъ сталъ поблагодарить. Я сказалъ ему, что мы заплатимъ по тысячѣ фунтовъ за каждый камень. Тутъ, въ первый разъ, я подмѣтилъ въ немъ признаки горя. „Ахъ, чортъ возьми!—проговорилъ онъ, — а я-то продалъ всѣ три за шестьсотъ фунтовъ!“ Я скоро узналъ отъ него адресъ покупателя, успокоивъ сэра Джоржа, что ему не угрожаетъ преслѣдованіе. Я отправился къ ювелиру, которому онъ продалъ камни, долго торговался и, наконецъ, купилъ камни по тысячѣ фунтовъ за штуку. Тогда я заглянулъ къ вашему сыну, сказалъ, что все окончилось благополучно и въ два часа ночи легъ спать послѣ довольно-таки утомительнаго трудового дня.

— Дня, который избавилъ Англію отъ большого публичнаго скандала, — сказалъ банкиръ, вставая съ мѣста,—и, сэръ, не нахожу словъ, чтобы побла-

годари васъ, но вы увидите, что я человекъ благодарный. Ваше искусство, дѣйствительно, превосходитъ все, что я слышалъ о немъ. А теперь лечу къ моему дорогому мальчику, чтобъ извиниться передъ нимъ. То, что вы рассказали мнѣ о бѣдной Мэри, сильно огорчаетъ меня. Даже ваше искусство не можетъ помочь вамъ сказать мнѣ, гдѣ она?

— Я думаю, можно навѣрно сказать, что она тамъ, гдѣ сэръ Джоржъ Бёрнвелъ, — отвѣтилъ Холмсъ.—Вѣрно такъ же и то, что она скоро будетъ наказана за всѣ свои прегрѣшенія.

Усадьба „Подъ буками“.

— Для человека любящаго искусство ради искусства, — замѣтилъ Шерлокъ Холмсъ, откладывая въ сторону листъ объявленій газеты „Daily Telegraph“, — очень часто самое большое удовольствіе доставляютъ именно маловажные случаи. Мнѣ очень приятно замѣтить, что вы, Ватсонъ, поняли эту истину и въ отчетахъ о нашихъ дѣлахъ (долженъ сказать, иногда нѣсколько приукрашенныхъ) отдали преимущество не „causes célèbres“ и не сенсационнымъ процессамъ, въ которыхъ мнѣ доводилось принимать участіе, но случаямъ, быть-можетъ, ничтожнымъ самимъ по себѣ, давшимъ мнѣ возможность воспользоваться моими способностями къ выводамъ и логическому синтезу.

— А все же, — съ улыбкой отвѣтилъ я, — я не могу считать себя вполне свободнымъ отъ обви-

— 64 —
нений въ sensationности, въ которыхъ укоряють мои воспоминанія.

— Вы, можетъ-быть, ошибались, — замѣтил Холмсъ, вынимая щипцами горящую головню и зажигая ею длинную черешневую трубку, которой онъ замѣнялъ обычную глиняную, когда бывалъ болѣе склоненъ спорить, чѣмъ углубляться въ размышленія, — вы, можетъ-быть, ошибались въ томъ, что хотѣли придать краски и жизнь вашимъ рассказамъ вмѣсто того, чтобы передавать только строгій послѣдовательный ходъ моихъ заключеній отъ причины къ слѣдствию. А это самое главное.

— Мнѣ кажется, я всегда отдавалъ вамъ должное въ этомъ отношеніи, — замѣтил я нѣсколько холодно, такъ какъ меня отталкивалъ не разъ уже замѣчаемый мною эгоизмъ, игравшій большую роль въ странномъ характерѣ моего друга.

— Нѣтъ, это не эгоизмъ и не самолюбіе, — отвѣтил онъ, какъ это часто случалось съ нимъ скорѣе на мою мысль, чѣмъ на слова. — Если я требую полной справедливости къ моему искусству то только потому, что считаю его безличнымъ: онъ внѣ меня. Преступленіе — явленіе обыкновенно Логика — рѣдкое. Поэтому-то вамъ слѣдуетъ обращать болѣе вниманія на логику, чѣмъ на преступленіе. Вы низвели лекціи на степень простыхъ разсказовъ.

Было холодное весеннее утро. Мы сидѣли въ квартирѣ въ улицѣ Бэкеръ послѣ завтрака у огня который весело трещалъ въ каминѣ. Густой туманъ нависъ надъ темными домами и въ желтыхъ тяжелыхъ клубахъ его окна противоположныхъ домовъ казались черными, безформенными пятнами. Газовый рожокъ бросалъ свѣтъ на бѣлую скатерть.

Стор 63 мн
— 65 —
Стор 63 мн
стола, на серебро и посуду, стоявшую на немъ. Шерлокъ Холмсъ все утро молча просматривалъ столбцы газетныхъ объявленій. Не найдя въ нихъ ничего интереснаго, онъ пришелъ въ дурное настроеніе и принялся отчитывать меня за мои литературные промахи.

— А между тѣмъ, — проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія, во время котораго онъ курилъ свою длинную трубку и смотрѣлъ въ огонь, — васъ, въ сущности, нельзя обвинить въ стремленіи къ sensationнымъ темамъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣла, которыми вы интересовались, не заключаютъ въ себѣ состава преступления. Дѣло короля Богеміи, странный случай съ миссъ Мэри Соутерлендъ, тайна челоуѣка съ изуродованной губой и происшествіе съ аристократомъ-холостякомъ, — все это не имѣло противозаконнаго характера. Но зато, быть-можетъ, избѣгая всего sensationнаго, вы обращали свое вниманіе на слишкомъ обыденные случаи.

— Можетъ-быть, это и правда, — отвѣтил я, — но зато мои замѣтки интересны и носятъ печать новизны.

— О, мой милый, какое дѣло публикѣ, широкой публикѣ, не умѣющей отличить ткача по зубамъ, а композитора по большему пальцу на лѣвой рукѣ, какое ей дѣло до тонкостей анализа и дедукціи. Впрочемъ, я и не виню васъ, что вы интересуетесь тривіальными дѣлами: время интересныхъ процессовъ прошло. Люди — или, по крайней мѣрѣ, преступники — потеряли всякую оригинальность, всякую энергію. Что касается до меня лично, то моя профессія вырождается въ искусство отыскиванія потерянныхъ карандашей и совѣтовъ пансионеркамъ.

Кажется, въ этомъ отношеніи, я дошелъ до послѣдняго предѣла. Прочтите-ка письмо, которое я получилъ сегодня утромъ!

Онъ бросилъ мнѣ смятое письмо. Оно было помѣчено предыдущимъ днемъ и отправлено съ площади Монтэгу.

„Дорогой м-ръ Холмсъ! Мнѣ необходимо посоветоваться съ вами, принимать ли мнѣ предлагаемое мѣсто гувернантки, или нѣтъ. Если позволите, я приду завтра въ половинѣ одиннадцатаго.

Съ почтеніемъ

Виолетта Гентеръ“.

— Вы знаете эту барышню?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Теперь какъ разъ половина одиннадцатаго.

— Да. А вотъ и звонятъ. Навѣрно, это она.

— Можетъ-быть, происшествіе будетъ интересное. Помните, исторія съ голубымъ карбункуломъ казалась сущимъ пустякомъ, а потомъ дѣло-то вышло серьезное. А что если и теперь будетъ такъ?

— Будемъ надѣяться! Наши сомнѣнія скоро разсыятся. Если не ошибаюсь, это она.

Дверь въ комнату отворилась. Вошла молодая дѣвушка. Она была просто, но опрятно одѣта. Умное, подвижное лицо, все усѣянное веснушками, и увѣренныя манеры обличали въ ней женщину, которой приходилось самой пробивать путь къ жизни.

— Извините, что обезпокоила васъ,—сказала она Холмсу. — Со мной произошелъ странный случай и такъ какъ у меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, то я рѣшилась обратиться къ вамъ, надѣясь, что вы будете такъ добры—посоветуете мнѣ, какъ поступить.

— Пожалуйста, садитесь, миссъ Гентеръ. Радъ служить вамъ.

Я замѣтилъ, что новая клиентка произвела на Холмса благоприятное впечатлѣніе. Онъ оглядѣлъ ее своимъ испытующимъ взглядомъ, потомъ опустилъ глаза, сложилъ пальцы и приготовился слушать ея рассказъ.

— Пять лѣтъ я пробыла гувернанткой въ семьѣ полковника Спенса Мурро,—начала свой рассказъ миссъ Гентеръ.—Два мѣсяца тому назадъ полковникъ получилъ назначеніе въ Галифаксъ, въ Новой Шотландіи, и увезъ дѣтей въ Америку. Я осталась безъ мѣста. Я стала помѣщать объявленія въ газетахъ, ходила по объявленіямъ—все безуспѣшно. Наконецъ, небольшой запасъ накопленныхъ мною денегъ сталъ приходить къ концу, и я положитель-но не знала, что дѣлать.

„Въ Вестъ-Эндѣ есть извѣстная контора для пріисканія мѣстъ гувернанткамъ. Я заходила туда каждую недѣлю освѣдомляться, не найдется ли подходящаго мѣста. Основателемъ этого бюро былъ м-ръ Вэствэй, но ведетъ дѣло миссъ Стонеръ. Она сидитъ у себя въ конторѣ, а желающихъ получить мѣсто впускаютъ поочередно.

„На прошлой недѣлѣ, когда я, по обыкновенію, вошла въ комнату миссъ Стонеръ, она была не одна. Рядомъ съ ней сидѣлъ страшно толстый человекъ съ улыбающимся лицомъ, толстымъ подбородкомъ, спускавшимся на шею, и съ очками на носу. При видѣ меня онъ привскочилъ на стулъ и поспѣшно обернулся къ миссъ Стонеръ.

„— Вотъ это именно то, что нужно,—сказалъ онъ.—Лучше и быть не можетъ. Чудесно! чудесно

„Онъ, казалось, былъ въ полномъ восторгѣ и

весело потиралъ руки. На меня онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе.

— Вы ищете мѣста, миссъ? — спросилъ онъ.

— Да, сэръ.

— Гувернантки?

— Да, сэръ.

— А ваши условія?

— На моемъ послѣднемъ мѣстѣ у полковника Спенса Мунро я получала четыре фунта въ мѣсяць.

— О, о! Безобразіе, чистое безобразіе! — вскрикнулъ онъ, всплескивая руками, какъ бы въ порывѣ горячаго гнѣва. — Какъ можно было предложить такую жалкую сумму такой милой барышнѣ, обладающей такими талантами.

— Можеть-быть, вы ошибаетесь насчетъ моей талантливости, сэръ, — сказала я. — Я знаю немножко французскій и нѣмецкій языки, музыку, рисованіе...

— Тсъ, тсъ! — крикнулъ онъ. — Все это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Главное въ томъ, чтобъ вы умѣли вести себя и держаться, какъ истая лэди. Не сумѣете — не годитесь для воспитанія ребенка, которому со временемъ придется играть большую роль въ исторіи страны. Сумѣете — какъ можно вамъ предложить менѣе ста фунтовъ? Для начала я предлагаю вамъ сударыня сто фунтовъ жалованья.

— Вы можете себя представить, м-ръ Холмсъ, какъ заманчиво было подобнаго рода предложеніе для меня, у которой нѣтъ ни гроша въ карманѣ. Джентльмэнъ, должно-быть, замѣтилъ мой недобрый взглядъ, вынулъ бумажникъ и открылъ его.

— У меня въ объѣахъ, — проговорилъ онъ, улыбаясь такъ, что глаза его казались двумя блестя-

щими линіями среди его пухлаго лица, — давать впередъ молодымъ барышнямъ половину ихъ жалованья, такъ чтобъ имъ было на что одѣться и ухъать.

— Никогда въ жизни, казалось мнѣ, я не встрѣчала такого очаровательнаго и внимательнаго челоука. Деньги мнѣ были очень нужны, такъ какъ я задолжала лавочникамъ. Но, несмотря на это, предложеніе показалось мнѣ нѣсколько страннымъ, и я рѣшилась узнать хоть что-нибудь прежде, чѣмъ согласиться взять мѣсто.

— Позвольте спросить, гдѣ вы живете, сэръ? — спросила я.

— Въ Гэмпширѣ. Очаровательное мѣстечко. Называется усадьба „Подъ буками“ и находится въ пяти миляхъ отъ Винчестера. Красивая мѣстность, милая барышня, и прелестный старинный домъ.

— Я желала бы узнать, сэръ, въ чемъ будутъ состоять мои обязанности?

— Одинъ ребенокъ... славный, живой, шестилѣтній ребенокъ. О, если бы вы видѣли, какъ онъ убиваетъ таракановъ туфлей! Хлопъ! хлопъ! хлопъ! Не успѣешь оглянуться, какъ трехъ ужъ не бывало!

— Онъ откинулся на спинку кресла, и глаза его опять исчезли среди морщинъ.

— Меня нѣсколько удивило подобнаго рода разсужденіе ребенка, но видя, что отецъ смѣется, я подумала, что онъ просто шутить.

— Значитъ, мнѣ придется заниматься только съ однимъ ребенкомъ? — спросила я.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая барышня, — сказалъ онъ, — вамъ придется исполнять также приказанія моей

жены, понятно такія, какія приличны для барышни. Вы ничего не имѣете противъ этого?

— Буду рада, если могу быть полезной.

— Отлично. Вотъ, на примѣръ, относительно одежды. Мы, знаете, люди со странностями, но съ добрымъ сердцемъ. Такъ вотъ, если мы попросимъ васъ носить то платьѣ, которое дадимъ вамъ, вы ничего не будете имѣть противъ этой маленькой причуды? а?

— Ничего,—отвѣтила я, сильно удивленная его словами.

— Не будете обижаться, если будемъ просить васъ сидѣть тутъ или тамъ?

— О, нѣтъ!

— А если мы попросимъ васъ остричь волосы?

— Я еле повѣрила ушамъ. Какъ видите, м-ръ Холмсъ, волосы у меня густые и довольно рѣдкаго оттѣнка каштановаго цвѣта. Мнѣ было бы жаль пожертвовать ими.

— Къ сожалѣнію, это невозможно, — отвѣтила я. Онъ пристально взглянулъ на меня, и я замѣтила, какъ тѣнь пробѣжала по лицу его.

— А я считаю это необходимымъ, — сказалъ онъ.— Это маленькая причуда моей жены, а какъ вы знаете, сударыня, съ женскими причудами приходится считаться. Итакъ, вы не соглашаетесь остричься?

— Нѣтъ, сэръ,—твердо отвѣтила я.

— А, отлично... значить, дѣло кончено. А жаль, потому что въ другихъ отношеніяхъ вы совершенно подходите къ нашимъ условіямъ. Въ такомъ случаѣ, мнѣ нужно повидать другихъ барышень, миссъ Стонеръ.

— Хозяйка сидѣла все время молча, перебирая бу-

маги. При послѣднихъ словахъ незнакомца она взглянула на меня такимъ недовольнымъ взглядомъ, что я невольно заподозрила, что мой отказъ заставляетъ ее терять хорошія деньги.

— Вы желаете оставаться въ списокъ?—спросила она.

— Да, миссъ Стонеръ.

— Но, право, это кажется вполне бесполезнымъ, разъ вы отказываетесь отъ такихъ превосходныхъ предложеній,—рѣзко проговорила она.—Врядъ ли вамъ дожидаться другого подобнаго. Прощайте, миссъ Гентеръ.

— Когда я вернулась домой, мистеръ Холмсъ, и увидѣла, что въ буфетѣ у меня ничего нѣтъ, а на столѣ лежатъ неуплаченные счета, то невольно спросила себя, не сдѣлала ли я глупости. Ну, если у этихъ господъ какія-то странныя причуды, если они требуютъ необычнаго повиновенія, то зато они и готовы давать хорошую плату за свои эксцентричности. Въ Англіи гувернантки рѣдко получаютъ сто фунтовъ въ годъ. Да и къ чему мнѣ длинныя волосы? Многимъ очень идутъ короткіе, можетъ-быть, пойдутъ и мнѣ. Черезъ два дня я была вполне увѣрена, что я сдѣлала большую глупость и подумывала уже переломить свою гордость, пойти въ контору и узнать, не свободно ли еще это мѣсто, какъ вдругъ получаю письмо. Оно со мной, и я прочту его вамъ.

„Подъ буквами“, въблизи Винчестера.

— Дорогая миссъ Гентеръ. Миссъ Стонеръ была такъ добра, что дала мнѣ вашъ адресъ. Пишу, чтобы спросить васъ, не перемѣнили ли вы своего рѣшенія. Моей женѣ хочется, чтобы вы согласились

жить у насъ, такъ какъ вы очень понравились ей по моему описанію. Мы согласны давать вамъ по тридцати фунтовъ за три мѣсяца—т.е. 120 ф. въ годъ, чтобы вознаграждать васъ за мелкія неприятности, причиняемая нашими причудами. Да вообще въ нихъ нѣтъ ничего затруднительнаго. Жена любить особый оттѣнокъ синяго цвѣта — *bleu électrique*—и желаетъ, чтобы вы носили платье этого цвѣта по утрамъ. Вамъ не придется тратиться, такъ какъ у насъ осталось такое платье отъ нашей дорогой дочери Алисы (которая живетъ теперь въ Филадельфій); оно будетъ, я думаю, какъ разъ впору вамъ. Не думаю также, чтобы вамъ было особенно неприятно сидѣть гдѣ-либо въ указанномъ мѣстѣ или заниматься, чѣмъ васъ попросятъ. Что же касается волосъ, то, какъ ни жаль обрѣзать такіе чудесные волосы, я долженъ настоять на этомъ; однако, надѣюсь, что увеличеніе жалованья вознаграждать васъ за потерю. Ваши обязанности относительно ребенка очень легкія, пріѣзжайте же, я буду ждать васъ въ Винчестерѣ съ экипажемъ. Дайте знать, съ какимъ поѣздомъ пріѣдете.

Съ почтеніемъ

Джефро Рюкэстль“.

„Вотъ, м-ръ Холмсъ, письмо, только-что полученное мной. Я рѣшилась принять это мѣсто. Однако, прежде чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ, я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ“.

— Разъ вы рѣшились, то намъ не о чемъ и говорить, миссъ Гѣнтеръ,—улыбаясь, проговорилъ Холмсъ.

— А вы посовѣтовали бы мнѣ отказатьсь?

— Признаюсь, я не желалъ бы видѣть свою сестру на такомъ мѣстѣ.

— Что это значитъ, м-ръ Холмсъ?

— Ахъ, у меня нѣтъ никакихъ данныхъ. Я не могу ничего сказать. Можетъ-быть, вы сами составили себѣ какое-нибудь мнѣніе?

— По-моему, возможно только одно предположеніе. М-ръ Рюкэстль показался мнѣ очень добрымъ человѣкомъ. Можетъ-быть, жена его сумасшедшая и онъ желаетъ скрыть это, чтобы ее не засадили въ лѣчебницу; онъ исполняетъ всѣ ея капризы, чтобы предотвращать приступы бѣшенства.

— Конечно, это возможное, даже очень возможное предположеніе. Но, во всякомъ случаѣ, это не очень-то пріятное мѣсто для молодой барышни.

— Но деньги, м-ръ Холмсъ, деньги!

— Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишкомъ хорошее. Вотъ это-то и тревожитъ меня. Отчего они даютъ вамъ 120 ф., когда любая пойдетъ за 40? Навѣрно, есть какая-нибудь основательная причина.

— Я думала, что надо вамъ рассказать все, чтобы вы поняли, если понадобится потомъ ваша помощь. Я буду чувствовать себя сильнѣе, зная, что вы стоите за моей спиной.

— Можете быть спокойны въ этомъ отношеніи. Дѣло обѣщаетъ быть однимъ изъ самыхъ интересныхъ за послѣдніе мѣсяцы. Тутъ встрѣчаются совершенно новыя черты. Если вы будете въ недоумѣніи или опасности...

— Опасности! Какого рода опасности?

Холмсъ серьезно покачалъ головой.

— Опасности не будетъ, если мы сумѣемъ опредѣлить, въ чемъ она состоитъ,—сказалъ онъ.—

Дайте мнѣ телеграмму, и я приѣду къ вамъ во всякое время дня или ночи.

— Этого достаточно,—проговорила она, вставая. Всякое выраженіе тревоги исчезло съ ея лица.

— Теперь я совершенно спокойно уѣду въ Гемпширъ. Сейчас же напишу м-ру Рюкэстлю, принесу въ жертву мои бѣдные волосы, а завтра отправлюсь въ Винчестеръ.

Она въ краткихъ словахъ поблагодарила Холмса, простилась съ нами обоими и поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Ну, эта барышня сумѣетъ постоять за себя,—проговорилъ я, прислушиваясь къ ея быстрымъ, рѣшительнымъ шагамъ.

— И отлично, такъ какъ, я думаю, ей скоро придется позвать насъ,—серьезно сказалъ Холмсъ.

Вскорѣ предсказаніе моего пріятели оправдалось. Въ продолженіе двухъ недѣль я часто думалъ о миссъ Гѣнтеръ. Необыкновенно большое жалованье, странныя условія, легкія обязанности,—все было ненормально, все указывало на нѣчто особенное. Я не могъ рѣшить, что это причуда или преступный замыселъ, не могъ рѣшить, что за человѣкъ, пригласившій миссъ Гѣнтеръ—филантропъ или негодяй. Я замѣтилъ, что Холмсъ часто сидѣлъ, нахмуривъ брови, весь погруженный въ раздумье, но когда я заговорилъ о миссъ Гѣнтеръ, онъ только махалъ рукой.

— Данныхъ, данныхъ! — кричалъ онъ. — Безъ глины не сдѣлать кирпичей,—и заканчивалъ словами, что не желалъ бы своей сестрѣ подобнаго мѣста.

Наконецъ, поздней ночью, мы получили телеграмму. Я только что собирался уйти спать, а

Холмсъ принялся за свои химическіе опыты. Я часто оставлялъ его вечеромъ среди ретортъ и пробирокъ и находилъ его утромъ въ томъ же положеніи. Онъ вскрылъ желтый конвертъ, пробѣжалъ телеграмму глазами и бросилъ ее мнѣ.

— Посмотрите въ путеводителѣ, какъ идутъ поѣзда,—проговорилъ онъ, возвращаясь къ своимъ химическимъ опытамъ.

Телеграмма была короткая и ясная.

„Пожалуйста, будьте завтра въ полдень въ гостиницѣ „Черный Лебедь“, въ Винчестерѣ. Приѣзжайте. Я ничего не понимаю.

Гѣнтеръ“.

— Поѣдете со мной?—спросилъ Холмсъ, подымая глаза.

— Очень бы хотѣлось.

— Такъ посмотрите расписаніе.

— Есть поѣздъ въ половинѣ десятаго. Въ Винчестеръ приходитъ въ 12 ч. 30 м.,—сказалъ я, просмотрѣвъ расписаніе.

— Отлично. Пожалуй, лучше отложить анализъ ацетоновъ, такъ какъ завтра нужно быть вполнѣ свѣжимъ.

На слѣдующій день въ одиннадцать часовъ мы подѣхали къ древней англійской столицѣ. Все время пока мы ѣхали, Холмсъ рылся въ газетахъ, но послѣ того какъ мы вѣхали въ Гемпширъ, онъ отбросилъ ихъ и сталъ восхищаться окружающимъ насъ видомъ. Стоялъ идеальный весенній день. По свѣтло-голубому небу съ востока на западъ неслись легкія бѣлыя облачка. Солнце ярко свѣтило, но въ воздухѣ чувствовалась живительная свѣжесть, вливавшая энергію въ душу чело-

вѣка. Повсюду среди свѣжей зеленой листвы мелькали красныя и сѣрыя крыши фермъ.

— Ну, развѣ это не прекрасно?!—вскрикнулъ я съ энтузіазмомъ челоуѣка, только что покинувшаго туманы улицы Бэкеръ.

Холмсъ покачалъ головой съ серьезнымъ видомъ.

— Знаете, Ватсонъ, на людяхъ, подобныхъ мнѣ, лежитъ проклятіе: на все смотришь съ точки зрѣнія своей специальности,—сказалъ онъ.—Вотъ вы смотрите на эти разбросанные домики и восхищаетесь ихъ красотой. Смотрю я—и единственно, что приходитъ мнѣ на мысль: какъ уединенно они стоятъ и какъ легко тутъ совершить преступленіе.

— Господи!—вскрикнулъ я.—Ну, кому придетъ въ голову мысль о преступленіи, когда смотришь на эти милыя, старыя жилища?

— Они всегда наполняютъ мою душу ужасомъ. Я глубоко вѣрю, Ватсонъ, на основаніи опыта, что самыя глухія и скверныя улицы Лондона не хранятъ въ себѣ столько ужасныхъ воспоминаній о грѣхѣхъ, сколько улыбающіяся, красивыя деревни.

— Вы пугаете меня.

— Но вѣдь это же вполне ясно. Въ городѣ общественное мнѣніе можетъ играть роль закона. Въ самой жалкой улицѣ крикъ истязуемаго ребенка или звукъ побоевъ, наносимыхъ какимъ-нибудь пьяницей, вызываетъ состраданіе или негодованіе сосѣдей, да и всѣ органы правосудія подъ рукой, такъ что всегда можно принести жалобу, и наказаніе слѣдуетъ за преступленіемъ. Но взгляните на эти маленькіе уединенные домики, наполненные, въ большинствѣ случаевъ, бѣдными невѣжествен-

ными людьми, не имѣющими ни малѣйшаго понятія о законѣ. Подумайте о дьявольски жестокихъ, ужасныхъ вещахъ, которыя могутъ совершаться здѣсь изъ года въ годъ, и никто не будетъ ничего знать. Если бы барышня, которая обращается къ намъ за помощью, жила въ Винчестерѣ, я нисколько бы не боялся за нее. Опасность въ томъ, что она живетъ въ пяти миляхъ отъ города. Однако, ясно, что ничто лично ей не грозитъ.

— Если она пріѣзжаетъ въ Винчестеръ, чтобы повидаться съ нами, то, значитъ, можетъ и вообще уѣхать отсюда.

— Очевидно. Она свободна.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Какъ объясняете вы это?

— Я придумалъ семь объясненій извѣстныхъ намъ фактовъ. Которое изъ нихъ вѣрно—узнаемъ изъ новыхъ свѣдѣній, которыя, безъ сомнѣнія, ожидаютъ насъ. Вотъ и колокольня собора. Скоро мы услышимъ, что расскажетъ намъ миссъ Гентеръ.

„Черный Лебедь“—извѣстная гостиница на Гай-стритѣ, вблизи станціи. Миссъ Гентеръ ожидала насъ тамъ. Завтракъ былъ приготовленъ въ отдѣльной комнатѣ.

— Я такъ рада, что вы пріѣхали,—сказала она серьезнымъ тономъ.—Это чрезвычайно мило со стороны обоихъ васъ. Я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать. Ваши совѣты будутъ имѣть громадное значеніе.

— Расскажите, пожалуйста, что случилось съ вами.

— Непремѣнно. Но мнѣ нужно поторопиться, такъ какъ я обѣщала м-ру Рюкэстлю, что вернусь

къ тремъ часамъ. Я получила отъ него позволеніе отправиться въ городъ, хотя онъ и не подозрѣваетъ зачѣмъ.

— Ну-съ, говорите все по порядку, — сказалъ Холмсъ, вытягивая къ камину свои длинныя ноги и приготовившись слушать.

— Во-первыхъ, не могу, по справедливости, сказать, чтобы м-ръ или м-съ Рюкэстль дурно обращались со мной. Но я не понимаю ихъ, и многое тревожитъ меня.

— Чего вы не понимаете?

— Ихъ поведенія. Но я расскажу вамъ все. Когда я приѣхала, м-ръ Рюкэстль встрѣтилъ меня на станціи и отвезъ меня въ экипажъ въ „Подъ буками“. Мѣстность, какъ онъ говорилъ, дѣйствительно красивая, но самъ домъ некрасивъ. Это — большое, четырехугольное, квадратное зданіе, выкрашенное въ бѣлую краску, на которой видны пятна отъ сырости и дурной погоды. Вокругъ дома разведень садъ; съ трехъ сторонъ онъ окруженъ лѣсами, а съ четвертой идетъ поле, которое спускается къ Соутгэмптонской большой дорогѣ, извивающейся ярдахъ въ ста отъ подвѣзда. Поле принадлежитъ м-ру Рюкэстлю, а лѣса — лорду Соутертону. Группа буковъ передъ домомъ дала названіе усадьбѣ.

„Хозяинъ, любезный какъ всегда, привезъ меня и познакомилъ съ женой и ребенкомъ. Наше предположеніе насчетъ м-съ Рюкэстль оказалось невѣрнымъ, м-ръ Холмсъ. Она вовсе не сумасшедшая. Это — молчаливая, блѣдная женщина лѣтъ тридцати. Она гораздо моложе мужа, которому, по-моему, не менѣе сорока пяти лѣтъ. Изъ ихъ разговора я узнала, что они женаты около семи лѣтъ, что онъ вдовецъ, и его единственная дочь отъ перваго бра-

ка уѣхала въ Филадельфію. М-ръ Рюкэстль сказалъ мнѣ по секрету, что причиной ея отъѣзда было непобѣдимое отвращеніе къ мачехѣ. Такъ какъ дочери должно быть не менѣе двадцати лѣтъ, то, понятно, ея положеніе въ домѣ при молодой мачехѣ могло быть неприятнымъ.

„М-съ Рюкэстль показала мнѣ такой же безцвѣтной по уму и характеру, какъ и по наружности. Она не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Это — полная ничтожность. Очевидно, она страстно любитъ своего мужа и ребенка. Она все время смотрѣла то на одного, то на другого своими свѣтло-сѣрыми глазами и предупреждала каждое ихъ желаніе. Мужъ также, по-своему, былъ добръ съ ней, и, вообще, они казались счастливыми супругами. И все же у этой женщины есть какое-то за-таенное горе. По временамъ она погружается въ глубокое раздумье, и тогда на лицѣ ея появляется печальное выраженіе. Нѣсколько разъ я заставала ее въ слезахъ. Иногда я думала, что ее беспокоитъ характеръ сына, такъ какъ мнѣ никогда не случилось встрѣчать такого избалованнаго и злого мальчика. Онъ малъ для своихъ лѣтъ; голова непропорціонально велика. Вся жизнь его, повидимому, проходитъ въ смѣнѣхъ припадковъ дикаго бѣшенства промежутками угрюмаго расположенія духа. Единственное его развлеченіе — это причинять боль всякому слабѣйшему существу. Онъ выказываетъ замѣчательную изобрѣтательность въ ловлѣ мышей, птичекъ и насѣкомыхъ. Но мнѣ не хочется говорить о немъ, м-ръ Холмсъ, и къ тому же онъ имѣетъ мало отношенія къ моему рассказу.“

— Я радъ всякой подробности, — замѣтилъ Холмсъ, — какой бы пустячковой она ни казалась вамъ.

— Постараюсь не пропустить ничего важнаго. Единственное, что сразу неприятно подѣйствовало на меня—это видъ и поведеніе прислуги. Слугъ только двое—мужъ и жена. Толлеръ—такъ зовутъ мужа—грубый, неуклюжій человекъ съ сѣдыми волосами и бакенбардами и постояннымъ запахомъ водки. Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ домѣ, онъ два раза былъ совершенно пьянъ, но м-ръ Рюкэстль, кажется, не обратилъ вниманія на это. Его жена очень высокая, сильная женщина, съ кислымъ лицомъ, молчаливая, какъ м-съ Рюкэстль, но не такая любезная, какъ она. Это очень неприятная пара, но, къ счастью, я провожу большую часть дня въ дѣтской и въ моей комнатѣ, которыя находятся въ одномъ углу дома.

„Въ продолженіе двухъ дней по моемъ пріѣздѣ жизнь моя шла совершенно спокойно; на третій м-съ Рюкэстль послѣ завтрака подошла къ мужу и шепнула ему что-то.

„— О, да, — проговорилъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ.

„— Мы чрезвычайно обязаны вамъ, миссъ Гѣнтеръ, что вы согласились исполнить нашъ капризь и обрѣзали свои волосы. Увѣряю васъ, что вы несколько не подурнѣли отъ этого. Теперь посмотримъ, какъ вамъ пойдетъ платье цвѣта „bleu électrique“. Оно лежитъ на постели у васъ въ комнатѣ. Не будете ли вы такъ добры надѣть его.

„Платье оказалось особеннаго голубого цвѣта изъ отличной матеріи, въ родѣ бежа, но, несомнѣнно, поношенное. Сшито оно было какъ-будто по моей мѣркѣ. При видѣ меня супруги Рюкэстль пришли въ какой-то неестественный восторгъ. Они дождались меня въ гостиной, очень большой ком-

натъ съ тремя окнами, доходящими до полу. У средняго окна, спиной къ нему, стоялъ стулъ, на который меня попросили сѣсть. М-ръ Рюкэстль ходилъ по комнатѣ, рассказывая мнѣ самыя смѣшныя исторіи. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ былъ комиченъ. Я хохотала до слезъ. М-съ Рюкэстль, очевидно, не понимаетъ юмора; она не улыбнулась ни разу и все время сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ, съ печальнымъ, тревожнымъ выраженіемъ на лицѣ. Приблизительно черезъ часъ м-ръ Рюкэстль вдругъ замѣтилъ, что пора приниматься за дѣла и что я могу переодѣнуться и идти въ дѣтскую къ Эдуарду.

„Черезъ два дня повторилась та же церемонія: снова я переодѣнула платье, снова сѣла у окна и ото всей души смѣялась надъ смѣшными исторіями, которыя рассказывалъ мнѣ м-ръ Рюкэстль. Репертуаръ у него былъ обширный, и рассказывалъ онъ неподражаемо. Потомъ онъ далъ мнѣ романъ въ желтой обложкѣ, повернулъ немного мой стулъ такъ, чтобы моя тѣнь не падала на книгу, и попросилъ меня почитать ему. Я читала минутъ десять, начавъ со середины главы. Внезапно онъ прервалъ меня на половинѣ фразы, сказавъ, чтобы я переодѣлась.

„Можете себѣ представить, м-ръ Холмсъ, какъ все это возбудило мое любопытство. Я замѣтила, что они всегда старались посадить меня спиной къ окну. Понятно, что меня охватило страстное желаніе узнать, что дѣлается у меня за спиной. Сначала это казалось невозможнымъ, но скоро счастливая мысль пришла мнѣ въ голову. У меня было сломанное ручное зеркальце. На слѣдующій разъ я спрятала кусочекъ стекла въ платкѣ, поднесла его

во время взрыва смѣха къ глазамъ и припоровилась такъ, чтобы видѣть, что дѣлалось сзади меня. Признаюсь, меня ожидало разочарованіе—тамъ ничего не оказалось.

„По крайней мѣрѣ, таково было мое первое впечатлѣніе. При второмъ взглядѣ я замѣтила, что на Соутгэмптонской дорогѣ стоитъ маленькій бородастый человѣкъ въ сѣрой одеждѣ и смотритъ въ мою сторону. Эта большая проѣзжая дорога, и на ней обыкновенно бываетъ много народа. Но этотъ человѣкъ стоялъ, облокотясь на изгородь, и пристально смотрѣлъ на домъ. Я опустила платокъ и, взглянувъ на м-съ Рюкэстль, увидала, что она смотритъ на меня пронизательнымъ взглядомъ. Она ничего не сказала, но я увѣрена, что она догадалась, что у меня въ рукѣ было зеркало, въ которомъ я видѣла, что происходило за моей спиной. Она поднялась со стула.

„— Джефро, — сказала она, — какой-то нахаль смотреть съ улицы на миссъ Гентеръ.

„— Кто-нибудь изъ вашихъ друзей, миссъ Гентеръ?

„— Нѣтъ; у меня нѣтъ здѣсь знакомыхъ.

„— Что за дерзость? Пожалуйста, обернитесь и махните рукой, чтобы онъ ушелъ.

„— Не лучше ли не обращать вниманія?

„— Нѣтъ, нѣтъ, онъ станетъ, пожалуй, постоянно шататься тутъ. Пожалуйста, обернитесь и махните ему рукой вотъ такъ.

„Я исполнила его желаніе, и м-съ Рюкэстль тотчасъ же спустила штору. Это было недѣлю тому назадъ, и съ тѣхъ поръ я не сидѣла больше у окна, не надѣвала голубого платья и не видала этого человѣка на дорогѣ“.

— Пожалуйста, продолжайте,—сказаль Холмсъ.—Вашъ разсказъ обѣщаетъ быть чрезвычайно интереснымъ.

— Боюсь, что вы найдете его нѣсколько безсвязнымъ. Въ первый же день моего пребыванія въ усадьбѣ, м-ръ Рюкэстль свелъ меня въ маленькій амбаръ у кухни. Подходя къ нему, я услышала громкій лязгъ цѣпи и какой-то шумъ, какъ-будто тамъ двигалось большое животное.

„— Взгляните сюда! — сказалъ м-ръ Рюкэстль, раздвигая доски.—Ну, развѣ онъ не красавецъ?

„Я взглянула въ щель и увидѣла въ темнотѣ два горящихъ глаза и смутное очертаніе какой-то фигуры.

„— Не бойтесь,—сказаль м-ръ Рюкэстль, замѣтивъ, что я вздрогнула.—Это Карло, моя большая дворовая собака. Я называю ее моею, но въ дѣйствительности только старый Толлеръ, мой грумъ, умѣетъ справляться съ ней. Мы кормимъ ее только разъ въ день, да и то понемногу, такъ что она всегда бываетъ впроголодь. Толлеръ выпускаетъ ее по ночамъ, и не поздоровится тому, кто попадется ей на клыки.

„Предостереженіе было не напрасно: черезъ два дня я случайно выглянула изъ окна около двухъ часовъ ночи. Стояла чудная лунная ночь; на лужайкѣ передъ домомъ было свѣтло почти какъ днемъ. Я стояла у окна, очарованная тихой красотою разстилавшагося передо мной вида, какъ вдругъ замѣтила, что какое-то существо движется въ тѣни буковъ. Когда оно вышло на свѣтъ, то оказалось громадной собакой, величиной почти съ теленка. Она была страшно худая, коричневаго цвѣта, съ черной мордой и опущеннымъ хвостомъ. Она мед-

ленно прошла по лужайкѣ и исчезла въ тѣни на другой сторонѣ. Сердце у меня сжалось отъ ужаса при видѣ этого безмолвнаго страшнаго часового. Никакой разбойникъ не испугалъ бы меня такъ.

„А теперь я должна рассказать вамъ очень странный случай. Какъ вы уже знаете, я обрѣзала волосы въ Лондонѣ. Уѣзжая, положила ихъ на дно чемодана. Однажды вечеромъ, уложивъ ребенка, я начала разглядывать мебель въ своей комнатѣ и убирать мои вещи. Между прочими вещами тутъ былъ старый комодъ, два верхнихъ ящика котораго были открыты и пусты, а нижній запертъ. Я наполнила верхніе бѣльемъ, но у меня осталось еще много вещей, и мнѣ было непріятно, что я не могу воспользоваться третьимъ ящикомъ. Мнѣ пришло въ голову, что его заперли случайно, и потому я вынула связку ключей и попробовала открыть ящикъ. Первый же ключъ вполнѣ пришелся къ замку, и я открыла ящикъ. Ни за что вамъ не угадать, что было тамъ! Мои собственные волосы.

„Я вынула ихъ изъ комода и начала разсматривать. Волосы были того же отѣнка, какъ мои, и такъ же густы. Но какъ могли мои волосы очутиться въ этомъ комодѣ? Дрожащими руками раскрыла я чемоданъ, вынула изъ него всѣ вещи и достала волосы. Я положила рядомъ обѣ косы и увѣряю васъ, что ихъ нельзя было отличить одну отъ другой. Развѣ это не удивительно? Но какъ я ни ломала голову, я ничего не могла придумать. Я положила чужіе волосы обратно въ комодъ и ничего не сказала Рюкэстлямъ, такъ какъ чувствовала себя неправой въ томъ, что отперла ящикъ.

„Можетъ-быть, вы замѣтили, что я довольно наблюдательна по натурѣ, м-ръ Холмсъ, и потому

я скоро хорошо узнала планъ всего дома. Одинъ флигель казался вполнѣ необитаемымъ. Дверь изъ него шла въ помѣщеніе Толлеровъ, но она была всегда заперта. Однако, однажды, подымаясь на лѣстницу, я встрѣтила м-ра Рюкэстля, выходившаго изъ этой двери со связкой ключей въ рукахъ. Онъ совсѣмъ не походилъ на того веселаго человѣка, котораго я привыкла видѣть. Щеки у него были красныя, лобъ сердито нахмуренъ, а жилы на вискахъ напряглись отъ гнѣва. Онъ захлопнулъ дверь и быстро прошелъ мимо, не взглянувъ на меня и не сказавъ ни слова.

„Это возбудило мое любопытство, и когда я пошла гулять со своимъ воспитанникомъ, то направилась въ ту сторону, откуда могла видѣть окна флигеля. Три изъ нихъ были грязны, а четвертое закрыто ставнями. Очевидно, во флигель никто не жилъ. Мистеръ Рюкэстль, веселый и радостный, какъ всегда, подбѣжалъ ко мнѣ.

„— Ахъ, не сердитесь на меня, милая барышня, что я прошелъ мимо васъ, не сказавъ ни слова,— проговорилъ онъ.

„Я отвѣтила, что нисколько не обидѣлась.

„— Кстати, — прибавила я, — у васъ тутъ много пустыхъ комнатъ, а въ одной изъ нихъ закрыты ставни.

„Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

„— Я очень увлекаюсь фотографіей, — сказала я, — и устроилъ тутъ мастерскую. Однако, милая барышня, какъ вы наблюдательны! Кто могъ бы подумать это!

„Онъ говорилъ шутивымъ тономъ, но во взгля-

дѣ, устремленномъ на меня, я прочла выраженіе неудовольствія и подозрѣнія.

„Ну, м-ръ Холмсъ, какъ только я поняла, что во флигелѣ есть что-то, чего я не должна знать, мной овладѣло страстное желаніе попасть туда. Это было не только пустое любопытство, хотя я и любопытна по природѣ. Скорѣе это было чувство долга—предчувствіе, что изъ этого выйдетъ что-то хорошее. Говорятъ о женскомъ инстинктѣ, можетъ-быть, онъ и говоритъ во мнѣ. Я твердо рѣшилась воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пройти въ запретную дверь.

„Случай этотъ представился только вчера. Слѣдуетъ сказать, что въ пустомъ флигелѣ, кромѣ мистера Рюкэстля, бываютъ также Толлеръ и его жена. Одинъ разъ я видѣла, какъ онъ пронесъ въ дверь большой холщевой мѣшокъ. Послѣднее время онъ сильно пилъ, а вчера вечеромъ былъ совершенно пьянъ. Подымаясь наверхъ, я замѣтила, что въ двери торчитъ ключъ. Навѣрно, это забылъ его Толлеръ. Мистеръ и миссисъ Рюкэстль были внизу съ ребенкомъ. Случай благоприятствовалъ мнѣ. Я тихо повернула ключъ въ замкѣ, открыла дверь и вошла.

„Передъ мной былъ небольшой коридоръ; справа отъ него шелъ другой коридоръ, въ который выходили три двери. Первая и третья вели въ пустыя комнаты съ окнами, покрытыми густымъ слоемъ пыли. Средняя дверь была заперта на замокъ и, кромѣ того, прикрыта снаружи широкимъ желѣзнымъ прутомъ, снятымъ, очевидно, съ кровати; одинъ конецъ шеста былъ прикрѣпленъ къ кольцу въ стѣнѣ, а другой привязанъ веревкой. Въ замкѣ ключа не было. Забаррикадированная дверь соот-

вѣтствовала какъ разъ запертому окну, но по пробивавшемуся изъ-подъ нея свѣту я замѣтила, что въ комнатѣ не темно. Очевидно, тамъ было окно наверху. Я стояла, смотря на дверь и думая, какая тайна скрывается тутъ, когда внезапно услышала шаги въ комнатѣ и при неясномъ свѣтѣ, сквозившемъ изъ-подъ двери, увидѣла двигавшуюся тамъ тѣнь. Ужасный, безумный страхъ овладѣлъ мною. Натянутые нервы не выдержали — я повернулась и побѣжала, побѣжала, словно убѣгая отъ чьей-то страшной руки, старавшейся удержать меня. Я вылетѣла изъ двери и попала прямо въ объятія мистера Рюкэстля.

„— Такъ это вы, — улыбаясь, проговорилъ онъ. — Я такъ и подумалъ, когда увидѣлъ, что дверь отперта.

„— О, я такъ испугалась! — задыхаясь, сказала я.

„— Ахъ, милая барышня, милая барышня! — Если бы вы знали, какъ ласково говорилъ онъ. — Чего же вы такъ испугались, дорогая барышня?

„Но онъ перехитрилъ: слишкомъ уже ласково говорилъ онъ, а потому я насторожилась.

„— Я имѣла глупость войти въ пустой флигель, — отвѣтила я. — Но тамъ такъ пусто и темно, что я испугалась и выбѣжала вонъ. И какая страшная тишина!

„— И это все? — спросилъ онъ, смотря на меня проницательнымъ взглядомъ.

„— А что такое? — сказала я.

„— Зачѣмъ, по вашему, я запираю эту дверь?

„— Право, не знаю.

„— А для того, чтобы туда не ходили тѣ, которымъ тамъ дѣлать нечего. Понимаете?

„Онъ продолжалъ любезно улыбаться.

„— Если бы я знала...

„— Ну, теперь вы знаете. И если вы еще разъ переступите этотъ порогъ...—въ одно мгновеніе его улыбка перешла въ гримасу бѣшенства, а лицо приняло дьявольское выраженіе, — я брошу васъ Карло.

„Я такъ испугалась, что, ничего не сознавая, пробѣжала къ себѣ въ комнату. Опомившись, я увидѣла, что лежу на кровати. Тогда я подумала о васъ, мистеръ Холмсъ. Мнѣ было необходимо посоветоваться съ кѣмъ-нибудь. Я боюсь жить тамъ, боюсь мистера Рюкэстля, его жены, прислуги, даже ребенка. Всѣ они наводятъ на меня ужась. Если же вы приѣдете,—думала я,— все будетъ хорошо. Конечно, я могла бы бѣжать изъ ихъ дома, но любопытство боролось во мнѣ съ чувствомъ страха. Наконецъ, я рѣшила послать вамъ телеграмму. Я надѣла шляпу и пальто, пошла на телеграфъ, за полмили отъ дома, дала вамъ телеграмму и вернулась домой нѣсколько успокоенной. По мѣрѣ того, какъ я подходила къ дому, мной овладѣлъ ужась при мысли, что собака спущена съ цѣпи, но я вспомнила, что Толлеръ напился до полнаго безчувствія, а только онъ имѣетъ вліяніе на свирѣпаго Карло и рѣшается выпускать его. Я проскользнула къ себѣ въ комнату и долго не спала отъ радости, что увижу васъ. Сегодня утромъ я, безъ всякихъ затрудненій, получила позволеніе поѣхать въ Винчестеръ, но должна вернуться къ тремъ часамъ, потому что Рюкэстли ѣдутъ въ гости, а я остаюсь съ ребенкомъ. Ну, теперь я рассказала вамъ всѣ свои приключенія, м-ръ Холмсъ, и буду очень рада, если вы объясните мнѣ, что

все это значить, а главное—посоветуйте, что мнѣ дѣлать“.

Холмсъ и я съ напряженнымъ любопытствомъ слушали эту странную исторію. По окончаніи ея Холмсъ всталъ со стула и сталъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы. Лицо его было чрезвычайно серьезно.

— Толлеръ все еще пьянъ?—спросилъ онъ.

— Да. Я слышала, какъ его жена говорила м-съ Рюкэстль, что ничего не можетъ подѣлать съ нимъ.

— Это хорошо. А Рюкэстли сегодня въ гостяхъ?

— Да.

— Нѣтъ ли въ домѣ погреба съ крѣпкимъ замкомъ?

— Есть. Тамъ держать вино.

— Вы все время дѣйствовали, какъ храбрая, разумная женщина, миссъ Гѣнтеръ. Можете ли вы совершить еще одинъ подвигъ? Я не просилъ бы сдѣлать это, если бы не считалъ васъ исключительной женщиной.

— Попробую. Въ чемъ дѣло?

— Къ семи часамъ я и мой другъ приѣдемъ въ усадьбу „Подъ буками“. Рюкэстли уѣдутъ къ этому времени, а Толлеръ, надѣюсь, будетъ не въ состояніи понять что-либо. Остается только миссисъ Толлеръ. Если бы вы могли послать ее за чѣмъ-нибудь въ погребъ, а затѣмъ запереть ее тамъ на замокъ, вы значительно бы помогли дѣлу.

— Я сдѣлаю это.

— Превосходно! Тогда мы будемъ въ состояніи основательно изслѣдовать это дѣло. Конечно, возможно только одно объясненіе: васъ пригласили затѣмъ, чтобы вы изображали ту, которая заключена въ извѣстной вамъ комнатѣ. Это вполне ясно. И если

не ошибаюсь, узница не кто иная, какъ миссъ Алиса Рюкэстль, которая, какъ рассказываютъ, уѣхала въ Америку. Безъ сомнѣнія, избрали именно васъ, какъ похожую на нее ростомъ, фигурой и цвѣтомъ волосъ. Ее остригли, вѣроятно, послѣ какой-нибудь болѣзни—вотъ почему и вамъ пришлось пожертвовать своими волосами. По странной случайности вамъ попалась ея коса. Человѣкъ, котораго вы видѣли на дорогѣ, несомнѣнно, ея другъ, а можетъ-быть, и женихъ. Видя васъ въ платьѣ Алисы и такъ похожей на нее, онъ, по вашему смѣху и жестамъ, заключилъ, что миссъ Рюкэстль вполне счастлива и не нуждается болѣе въ его любви. Собаку выпускаютъ ночью, чтобы помѣшать ему видѣться съ дѣвушкой. До сихъ поръ все ясно. Самымъ серьезнымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ является характеръ ребенка.

— Какое отношеніе это можетъ имѣть къ дѣлу?— вскрикнулъ я.

— Дорогой мой Ватсонъ, вы, какъ врачъ, постоянно опредѣляете наклонности ребенка, изучая его родителей. Развѣ не можетъ быть обратно? Я часто распознавалъ характеръ родителей, наблюдая ихъ дѣтей. Этотъ ребенокъ неестественно жестокъ; унаслѣдовалъ ли онъ эту жестокость отъ вѣчно улыбающагося отца (что, по-моему, весьма вѣроятно) или отъ матери -- во всякомъ случаѣ плохо бѣдной дѣвушкѣ, попавшей въ ихъ руки.

— Я увѣрена, что вы правы, мистеръ Холмсъ, — сказала наша клиентка.—Теперь мнѣ припоминаются тысячи мелочей, по которымъ я вижу, что ваши предположенія вполне справедливы. О, не будемъ терять времени и поможемъ несчастной!

— Надо дѣйствовать осторожно, такъ какъ мы

имѣемъ дѣло съ чрезвычайно хитрымъ человѣкомъ. Въ семь часовъ мы будемъ у васъ и, вѣроятно, скоро выяснимъ дѣло.

Ровно въ семь часовъ мы подошли къ усадьбѣ, оставивъ экипажъ на постояломъ дворѣ. По группѣ буковъ, темные листья которыхъ отливали темнымъ золотомъ при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, мы узнали бы домъ, даже если бы миссъ Гентеръ не встрѣтила насъ на крыльцѣ.

— Устроили?—спросилъ Холмсъ.

Откуда-то снизу доносился громкій стукъ.

— Это стучитъ м-съ Толлеръ въ погребѣ,—сказала миссъ Гентеръ. — Мужъ ея храпитъ на полу въ кухнѣ. Вотъ его ключи; такіе же есть и у мистера Рюкэстля.

— Прекрасно оборудовали дѣло! — въ восторгѣ вскрикнулъ Холмсъ. — Теперь ведите насъ, и мы скоро покончимъ съ этой темной исторіей.

Мы отперли дверь, прошли коридоръ и очутились передъ запертой дверью, которую описывала намъ миссъ Гентеръ. Холмсъ перерѣзалъ веревку и снялъ засовъ. Онъ попробовалъ нѣсколько ключей, но безуспѣшно. Изнутри ничего не было слышно, и лицо Холмса омрачилось.

— Надѣюсь, мы не опоздали, — проговорилъ онъ.—Я думаю, миссъ Гентеръ, мы лучше войдемъ одни, безъ васъ. Ну, идите сюда, Ватсонъ, посмотримъ, не удастся ли намъ сломать дверь.

Дверь была старая и сразу подалась. Мы бросились въ комнату. Она была пуста. Кромѣ кровати, столика и корзины бѣлья въ ней ничего не было. Окно наверху оказалось открытымъ, а узница исчезла.

— Тутъ произошло нѣчто скверное, — сказали

Холмсъ. — Молодецъ пронюхаль о намѣреніяхъ миссъ Гѣнтеръ и похитилъ свою жертву.

— Но какъ?

— Черезъ слуховое окно. Сейчасъ мы увидимъ, какъ онъ это сдѣлалъ.

Холмсъ взлѣзъ на крышу.

— Ага!—крикнулъ онъ.—Вотъ тутъ приставлена лѣстница. По ней онъ и спустился.

— Это невозможно,—возразила миссъ Гѣнтеръ;—лѣстницы здѣсь не было, когда уѣзжали Рюкэстли.

— Онъ вернулся домой и приставилъ ее. Повторяю, онъ умный и опасный человѣкъ. Я не удивляюсь, если онъ сейчасъ придетъ сюда. Смотрите, Ватсонъ, держите револьверъ наготовѣ.

Онъ только-что успѣлъ проговорить эти слова, какъ въ дверяхъ комнаты показался очень толстый мужчина съ тяжелой дубиной въ рукахъ. При видѣ его миссъ Гѣнтеръ вскрикнула и прижалась къ стѣнѣ, Шерлокъ Холмсъ подскочилъ къ нему и закричалъ:

— Негодяй! Гдѣ ваша дочь?

Толстякъ оглядѣлъ всѣхъ насъ, потомъ взглянулъ на открытое слуховое окно.

— Я долженъ васъ спросить объ этомъ,—громко крикнулъ онъ, —негодяи! шпионы, воры! Я поймалъ васъ! Вы въ моихъ рукахъ! Погодите, голубчики.

Онъ повернулся и быстро побѣжалъ внизъ.

— Онъ побѣжалъ за собакой!—вскрикнула миссъ Гѣнтеръ.

— У меня есть револьверъ,—сказалъ я.

— Закройте лучше входную дверь, — замѣтилъ Холмсъ, и мы всѣ бросились на лѣстницу; но едва мы успѣли добѣжать до передней, какъ на дворѣ послышался сначала лай собаки, а затѣмъ ужас-

ный, раздирающій душу крикъ. Какой-то пожилой человѣкъ съ краснымъ лицомъ, шатаясь, вышелъ изъ боковой двери.

— Боже мой!—вскрикнулъ онъ.—Кто-то отвязалъ собаку. Ее не кормили два дня. Скорѣй, скорѣй! не то будетъ поздно!

Мы съ Холмсомъ выбѣжали на дворъ, Толлеръ за нами. Громадное, голодное животное вцѣпилось въ горло Рюкэстля, который корчился на землѣ и кричалъ отъ боли. Я побѣжалъ къ собакѣ и выстрѣлилъ въ упоръ. Она упала, не разжимая своихъ острыхъ бѣлыхъ зубовъ. Съ большимъ трудомъ мы разжали ей челюсти и внесли въ домъ Рюкэстля, живого, но страшно изуродованнаго. Мы положили его въ гостиной на диванъ и послали отрезвившагося Толлера за миссъ Рюкэстль, а я сдѣлалъ, что могъ, чтобъ облегчить его страданія. Мы всѣ стояли вокругъ раненаго, когда вдругъ отворилась дверь и въ комнату вошла высокая, неуклюжая женщина.

— Миссисъ Толлеръ!—вскрикнула миссъ Гѣнтеръ.

— Да, миссъ. М-ръ Рюкэстль выпустилъ меня, когда вернулся домой. Ахъ, миссъ, жаль, что вы не открыли мнѣ своихъ плановъ. Я бы сказала вамъ, что ваши труды напрасны.

— Ага!—сказалъ Холмсъ, пристально смотря на нее.—Очевидно, миссисъ Толлеръ знаетъ больше всѣхъ остальныхъ.

— Да, сэръ, знаю и готова все рассказать.

— Тогда присядьте, пожалуйста; мы слушаемъ. Сознаюсь, что тутъ многое еще неясно для меня.

— Сейчасъ я объясню вамъ все,—сказала она.—Разсказала бы и раньше, если бы меня выпустили изъ погребя. Если дѣло дойдетъ до суда,—помните,

что я вашъ другъ и была всегда другомъ миссъ Алисы.

„Миссъ Алиса не была вообще счастлива съ тѣхъ поръ, какъ отецъ ея женился во второй разъ. Она не имѣла никакого голоса въ домѣ, и жилось ей плохо, но стало еще хуже съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ мистеромъ Фоулеромъ. Насколько я знаю, у миссъ Алисы есть свое отдѣльное состояніе, но она такъ тиха и терпѣлива, что предоставляла м-ру Рюкэстлю распоряжаться всѣмъ. Онъ зналъ, что все измѣнится, когда появится женихъ, который потребуетъ выдачи состоянія, принадлежащаго невѣстѣ. Тогда м-ръ Рюкэстль началъ уговаривать ее подписать бумагу, что она предоставляетъ ему пользоваться ея имуществомъ и въ томъ случаѣ, если выйдетъ замужъ. Онъ такъ мучилъ ее этими уговорами, что у нея сдѣлалось воспаленіе мозга, и въ продолженіе шести недѣль она была при смерти. Наконецъ, ей сдѣлалось лучше, но отъ нея осталась лишь тѣнь, — чудные ея волосы были обрѣзаны. Однако, молодой чело-вѣкъ остался вѣренъ ей и любилъ ее попрежнему“.

— Ага! — сказалъ Холмсъ. — Теперь я все понимаю. М-ръ Рюкэстль рѣшился прибѣгнуть къ системѣ одиночнаго заключенія?

— Да, сэръ.

— И привезъ миссъ Гѣнтеръ изъ Лондона сюда, чтобы избавиться отъ неприятнаго постоянства мистера Фоулера?

— Да, сэръ.

— Но мистеръ Фоулеръ, какъ настойчивый чело-вѣкъ — какимъ и слѣдуетъ быть истому моряку — повелъ осаду на домъ и, встрѣтившись съ вами, убѣдилъ васъ, съ помощью металлическихъ или

иныхъ аргументовъ, что ваши интересы совпадаютъ съ его интересами.

— Мистеръ Фоулеръ очень милый, щедрый господинъ, — невозмутимо сказала миссъ Толлеръ.

— И такимъ образомъ онъ устроилъ, что у вашего мужа было всегда достаточно водки, а лѣстница была приготовлена, какъ только хозяинъ ушелъ изъ дома.

— Такъ точно, сэръ.

— Простите насъ за причиненное вамъ беспокойство, м-съ Толлеръ, — сказалъ Холмсъ. — Вы дѣйствительно разъяснили намъ все, какъ нельзя лучше. Вотъ идетъ врачъ и м-съ Рюкэстль. Я думаю, Ватсонъ, намъ нужно проводить миссъ Гѣнтеръ въ Винчестеръ. Наше присутствіе здѣсь едва ли желательно.

Такъ была раскрыта тайна усадьбы „Подъ буками“. М-ръ Рюкэстль не умеръ, но остался навсегда калѣкой, поддерживаемымъ заботами его преданной жены. Они все еще живутъ со своими старыми слугами, которые, вѣроятно, слишкомъ хорошо знаютъ прежнюю жизнь Рюкэстля. Мистеръ Фоулеръ и миссъ Рюкэстль повѣнчались на другой же день послѣ побѣга. М-ръ Фоулеръ занимаетъ теперь какой-то постъ на островѣ св. Маврикія. Что касается миссъ Виолетты Гѣнтеръ, то, къ сожалѣнію, мой пріятель Холмсъ пересталъ интересоваться ею, какъ только узналъ, въ чемъ состояла тайна Рюкэстля. Теперь она — начальница частнаго училища въ Уольсаллѣ и, кажется, ведетъ свое дѣло очень успѣшно.

Внезапное исчезновение „Сильверъ-Блэза“.

— Боюсь, что мнѣ придется ѣхать, Ватсонъ, — сказалъ Холмсъ въ одно прекрасное утро, когда мы сѣли за завтракъ.

— Ёхать? Куда?

— Въ Дартмуръ, въ Кингсъ-Пайлэндъ.

Я нисколько не удивился. Напротивъ, меня все время удивляло, что онъ не принималъ участія въ этомъ необыкновенномъ дѣлѣ, о которомъ говорила изъ конца въ конецъ вся Англія. Цѣлый день наканунѣ мой пріятель бродилъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ, съ опущенной на грудь головой, съ нахмуренными бровями, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мои вопросы и замѣчанія и поминутно набивая трубку крѣпчайшимъ чернымъ табакомъ. Онъ наскоро проглядывалъ присылаемыя ему газеты и тотчасъ же бросалъ ихъ въ уголъ. Несмотря на его молчаніе, я очень хорошо понималъ, о чемъ онъ думалъ. Только одно дѣло въ настоящее время могло привлечь къ себѣ его вниманіе и вызвать къ дѣятельности его способность къ анализу — это странное исчезновение фаворита на первый призъ „Сильвера-Блэза“ въ Уэлескѣ и трагическое убійство его тренера. Поэтому, когда онъ внезапно заговорилъ о поѣздкѣ на мѣсто происшествія, я услышалъ только то, чего ожидалъ и на что надѣялся.

— Я былъ бы очень радъ поѣхать съ вами, если только я не помѣшаю, — сказалъ я.

— Вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе, если

поѣдете со мной, Ватсонъ. И я думаю, что не пожалѣете, такъ какъ нѣкоторые обстоятельства заставляютъ предполагать, что этотъ случай — единственный въ своемъ родѣ. Я думаю, мы успѣемъ попасть на поѣздъ въ Паддингтонъ, а дорогой я подробно расскажу вамъ все. Сдѣлайте одолженіе, захватите съ собой вашъ превосходный бинокль.

Такимъ образомъ, приблизительно черезъ часъ я сидѣлъ въ уголку купе перваго класса поѣзда, мчавшагося въ Житеру, а Шерлокъ Холмсъ, проницательное лицо котораго съ рѣзкими чертами обрамлялось дорожной шапкой съ наушниками, поспѣшно принялся пробѣгать купленные имъ въ Паддингтонѣ газеты. Мы уже пробѣжали Ридингъ, прежде чѣмъ онъ бросилъ подъ диванъ послѣдній газетный листъ и протянулъ мнѣ портсигаръ.

— Хорошо ѣдемъ, — сказалъ онъ, выглянувъ въ окно и затѣмъ поглядѣвъ на часы. — Дѣлаемъ по пятьдесятъ три съ половиной мили въ часъ.

— Я не считалъ столбовъ, на которыхъ указаны мили.

— И я также. Но на этой линіи телеграфные столбы разставлены на разстояніи шестидесяти ярдовъ, и потому очень легко сдѣлать вычисленіе. Вы, вѣроятно, уже знакомы съ дѣломъ объ убійствѣ Джона Стрэкера и исчезновеніи „Сильвера-Блэза“?

— Я читалъ сообщенія газетъ „Telegraph“ и „Chronicle“.

— Это одно изъ тѣхъ дѣлъ, въ которомъ надо приложить все искусство скорѣе на выясненіе подробностей, чѣмъ на добываніе новыхъ уликъ. Дѣло это настолько трагично, необыкновенно, имѣетъ такое важное значеніе для многихъ, что

просто не обратиться всевозможных предположений, догадок и гипотезъ. Затруднение состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить самый остовъ факта—несомнѣннаго, неопровержимаго факта—отъ измышленнаго теоретиковъ и репортеровъ. Затѣмъ, когда мы утвердимся на прочномъ основаніи, то должны будемъ подумать, какія могутъ быть выведены заключенія, и установить главные пункты, на которыхъ зиждется вся тайна. Во вторникъ вечеромъ я получилъ телеграммы отъ полковника Росса, владѣльца лошади, и отъ полицейскаго инспектора Грегори, который ведетъ слѣдствіе по этому дѣлу. Оба они просятъ меня принять участіе въ немъ.

— Вы получили телеграмму во вторникъ вечеромъ, а ѣдете только въ четвергъ утромъ? — вскрикнулъ я.—Почему же вы не поѣхали вчера?

— Потому что сдѣлалъ ошибку, дорогой Ватсонъ, а это, какъ кажется, случается со мной чаще, чѣмъ могутъ думать тѣ, кто знаетъ меня только по вашимъ запискамъ. Дѣло въ томъ, что я никакъ не могъ себя представить, чтобы можно было скрыть надолго самую замѣчательную лошадь въ Англіи, въ особенности въ такой слабо населенной мѣстности, какъ сѣверная часть Дартмура. Вчера я съ часу на часъ ожидалъ извѣстія, что лошадь найдена и похититель ея, въ то же время и убійца Джона Стрэкера. Но когда на слѣдующее утро я узналъ, что ничего не сдѣлано, за исключеніемъ ареста молодого Фицроя Симпсона, я почувствовалъ, что мнѣ пора приняться за это дѣло. Но все же я не потерялъ даромъ вчерашняго дня.

— Вы уже составили себѣ опредѣленное мнѣніе объ этомъ происшествіи?

— По крайней мѣрѣ, я ознакомился съ главными

фактами. Я перечислю ихъ вамъ, такъ какъ ничто такъ не уясняетъ дѣла, какъ объясненіе его другому лицу, да и вы скорѣе можете помочь мнѣ, когда я покажу вамъ исходную точку.

Я откинулся на подушки и закурилъ сигару, а Холмсъ, водя длиннымъ указательнымъ пальцемъ по ладони лѣвой руки, принялся описывать событія, послужившія поводомъ къ нашему путешествію.

— „Сильверъ-Блэзъ“, — началъ онъ, — потомокъ „Айсономи“ и обладаетъ такими же блестящими качествами, какъ и его предокъ. Теперь ему пятый годъ и онъ бралъ поочередно всѣ призы своему счастливому обладателю, полковнику Россу. До катастрофы онъ считался первымъ фаворитомъ на Улэкскій призъ, и пари шло три на одинъ. Онъ всегда былъ фаворитомъ скаковой публики, ожиданій которой никогда не обманывалъ, и потому на него постоянно ставились огромныя суммы. Понятно поэтому, что было много людей, въ интересъ которыхъ было не допустить появленія „Сильверъ-Блэза“ у флага въ будущей вторникъ.

„Само собой, съ этимъ фактомъ считались въ Кингсъ-Пайлэндъ, гдѣ находятся скаковыя конюшни полковника Росса. Были приняты всѣ предосторожности къ охранѣ фаворита. Тренеръ Джонъ Стрэкеръ—бывшій жокей, скакавшій въ цвѣтахъ полковника Росса, пока не сталъ слишкомъ тяжелымъ для положеннаго вѣса. Онъ служилъ у полковника пять лѣтъ жокеемъ и семь лѣтъ тренеромъ и зарекомендовалъ себя усерднымъ и честнымъ слугой. У него подъ начальствомъ три конюха; конюшня небольшая, только четыре лошади. Одинъ изъ нихъ дежурилъ по ночамъ въ конюшнѣ, а другіе спятъ на сѣновалѣ. Всѣ трое—славные, надежные парни.

Джонъ Стрэкерь, человекъ женатый, жилъ въ небольшомъ домикѣ, ярдахъ въ двухстахъ отъ конюшни. У него не было дѣтей, онъ держалъ одну прислугу и пользовался извѣстнымъ комфортомъ. Мѣстность кругомъ уединенная, но приблизительно въ полумилѣ, къ сѣверу, находится нѣсколько виллъ, выстроенныхъ какимъ-то подрядчикомъ изъ Тэвистока для больныхъ и для желающихъ пользоваться чистымъ дартмурскимъ воздухомъ. Самъ Тэвистокъ лежитъ на двѣ мили къ западу, а по другую сторону болота, также въ двухъ миляхъ, находятся большія кэпльтонскія конюшни, принадлежащія лорду Бэкуотэру и управляемая Сайлэсомъ Броуномъ. За этими исключеніями мѣстность совершенно пустынная; по временамъ въ ней встрѣчаются только бродячіе цыгане. Таково было положеніе дѣлъ до катастрофы, происшедшей въ понедѣльникъ ночью.

„Въ этотъ вечеръ, въ девять часовъ, лошадей, какъ всегда, заперли въ стойлѣ послѣ обычной проѣздки и водопоя. Двое изъ конюховъ пошли ужинать на кухню у тренера, а третій, Недъ Гентеръ, остался дежурить на конюшнѣ. Нѣсколько минутъ спустя служанка, Эдита Бэкстеръ, принесла ему ужинъ—тушеную баранину съ приправой изъ перца. Она не взяла съ собой никакого питья, такъ какъ въ конюшнѣ стоитъ бочка съ водой, а дежурному не полагается пить чего-либо другого. Дѣвушка шла съ фонаремъ, такъ какъ было очень темно, а тропинка идетъ по топкому мѣсту.

„Эдита Бэкстеръ была въ ярдахъ тридцати отъ конюшни, когда изъ окружавшей ея темноты внезапно появился какой-то человекъ и приказалъ ей остановиться. Когда онъ вступилъ въ кругъ жел-

таго свѣта, бросаемаго фонаремъ, дѣвушка увидѣла передъ собой человекъ, съ виду джентльмэна; въ сѣромъ триковомъ костюмѣ и въ суконной шапочкѣ. На ногахъ у него были гамаша, а въ рукахъ палка съ тяжелымъ набалдашникомъ. Смертельная блѣдность его лица и нервныя манеры поразили Эдиту. На видъ онъ ей показался скорѣе старше, чѣмъ моложе, тридцати лѣтъ.

„— Можете вы сказать мнѣ, гдѣ я нахожусь?— спросилъ онъ.—Я уже думалъ, что мнѣ придется ночевать въ болотѣ, когда вдругъ увидалъ свѣтъ вашего фонаря.

„— Вы около кингсъ-пайлэндскихъ конюшенъ,— отвѣтила она.

„— Въ самомъ дѣлѣ! Вотъ такъ удача!— вскринулъ незнакомецъ.—Я слышалъ, что тамъ каждую ночь дежурить одинъ изъ конюховъ. Вѣроятно, вы несете ему ужинъ. Ну, я думаю, вы не откажетесь заработать себѣ на новое платье, не правда ли?

„Онъ вынулъ изъ кармана жилета сложенный листъ бѣлой бумаги.

„— Постарайтесь передать это конюху сегодня же, и у васъ будетъ самое красивое платье, какое только можно приобрести за деньги.

„Его мрачный видъ испугалъ дѣвушку, и она пробѣжала мимо него къ окну, черезъ которое подавала обыкновенно ужинъ. Окно было уже открыто, и Гентеръ сидѣлъ въ конюшнѣ за маленькимъ столомъ. Она только что-начала рассказывать о томъ, что случилось съ ней, какъ незнакомецъ тоже подошелъ къ окну и заглянулъ въ него.

„— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ,—мнѣ надо поговорить съ вами.

„Дѣвушка клянется, что видѣла уголокъ бумаж-

ки, сжатой въ его рукѣ, когда онъ говорилъ эти слова.

„— Что вамъ тутъ надо?—спросилъ конюхъ.

„— Надо кое-что выгодное для вашего кармана,—отвѣтилъ незнакомецъ.—У васъ двѣ лошади на Уэлекскій призъ—„Сильверъ-Блэзъ“ и „Баярдъ“. Сообщите вѣрныя свѣдѣнія о нихъ и не останетесь въ накладѣ. Правда ли, что при взвѣшиваніи „Баярдъ“ можетъ дать другому сто ярдовъ на двѣ сь половиной мили и что конюшня ставитъ на него?

„— Ахъ, такъ вы одинъ изъ этихъ проклятыхъ шпионовъ!—крикнулъ конюхъ.—Я сейчасъ покажу вамъ, какъ мы угощаемъ ихъ въ Кингсъ-Пайлэндъ!

„Онъ вскочилъ съ мѣста и бросился на другой конецъ конюшни, чтобы спустить собаку. Дѣвушка побѣжала къ дому, но на бѣгу обернулась и увидѣла, что незнакомецъ просунулъ въ окно. Однако, когда Гѣнтеръ, минуту спустя, выбѣжалъ съ собакой, незнакомецъ исчезъ, и какъ ни искалъ конюхъ, онъ не могъ найти и слѣда его“.

— Одну минуту!—перебилъ я Холмса. — Конюхъ не заперъ за собой двери, выбѣжавъ съ собакой изъ конюшни?

— Превосходно, Ватсонъ, превосходно!—проговорилъ мой пріятель.—Я сразу обратилъ вниманіе на это важное обстоятельство и вчера же послалъ въ Дартмуръ специальную телеграмму для разъясненія этого вопроса. Конюхъ заперъ дверь, выйдя изъ конюшни. Окно же недостаточно велико для того, чтобы черезъ него могъ пролѣзть чловѣкъ.

„Гѣнтеръ дождалъ возвращенія своихъ товарищей и тогда послалъ сказать тренеру о случившемся. Стрэкерь взволновался, получивъ это извѣстіе, хотя, кажется, не вполне понялъ его истинное

значеніе. Однако, имъ овладѣло смутное безпокойство, и м-съ Стрэкерь, проснувшись въ часъ ночи, увидѣла, что онъ одѣвается. На ея вопросъ онъ отвѣтилъ, что не можетъ спать, такъ какъ тревожится о лошадяхъ и хочетъ пройти въ конюшню, чтобы узнать, все ли тамъ благополучно. Миссисъ Стрэкерь уговаривала его остаться, такъ какъ дождь стучалъ въ окна, но онъ все-таки ушелъ, надѣвъ непромокаемый плащъ.

„Миссисъ Стрэкерь проснулась въ семь часовъ утра и увидѣла, что мужъ ея не возвращался. Она поспѣшно одѣлась, позвала служанку и пошла въ конюшню. Дверь была отперта. Гѣнтеръ, скорчившись, сидѣлъ на стулѣ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, стойло фаворита было пусто, а тренера и слѣда не было.

„Поспѣшно разбудили двухъ конюховъ, спавшихъ на сѣновалѣ. Оба они ничего не слышали ночью, такъ какъ спали очень крѣпко. Гѣнтеръ, очевидно, былъ подъ вліяніемъ какого-то усыпительнаго снадобья, и отъ него нельзя было ничего добиться, а потому его оставили высыпаться, пока два другихъ конюха и обѣ женщины принялись разыскивать тренера. Они все еще надѣялись, что тренеръ взялъ лошадь для утренней проѣздки, но, взойдя на пригорокъ вблизи дома, съ котораго была видна вся окрестность, они не только не увидѣли фаворита, но замѣтили кое-что, указывавшее, что тутъ произошло нѣчто трагическое.

„Въ четверти мили отъ конюшни на терновомъ куствѣ болтался плащъ Джона Стрэкера. Какъ разъ за этимъ кустомъ, въ болотѣ было воронкообразное углубленіе, на днѣ котораго нашли тѣло несчастнаго тренера. Голова у него была размозжена

какимъ-то тяжелымъ орудіемъ, а на бедрѣ виднѣлась рѣзаная рана, нанесенная, очевидно, какимъ-то очень острымъ инструментомъ. Было ясно, что Стрэкерь энергично отбивался отъ напавшихъ на него людей, такъ какъ въ правой рукѣ онъ держалъ маленькій ножъ, весь въ крови по рукоятку, а лѣвой сжималъ красный съ чернымъ шелковый галстукъ, который, какъ показала служанка, былъ надѣтъ на незнакомца, приходившемъ въ конюшню наканунѣ вечеромъ.

„Когда Гентеръ вышелъ изъ оцѣпенѣнія, онъ сразу указалъ владѣльца галстука. Онъ говорилъ также, что убѣжденъ въ томъ, что незнакомецъ подсыпалъ какого-то снадобья въ баранину въ то мгновеніе, когда проснулся въ окно, и такимъ образомъ лишилъ конюшню сторожа.

„Что касается до пропавшей лошади, то многочисленные слѣды въ грязи, которой было покрыто дно роковой впадины, указывали на то, что она была тутъ во время борьбы. Но затѣмъ она пропала и, несмотря на обѣщанную большую награду и на то, что всѣ находившіеся вблизи цыгане приняли горячее участіе въ поискахъ, о ней нѣтъ ни слуху, ни духу. Анализъ остатковъ ужина конюха показалъ присутствіе въ нихъ значительной доли опиума, между тѣмъ какъ вся прислуга въ домѣ ѣла то же блюдо безнаказанно.

„Таковы главные факты дѣла, изложенные безъ примѣси какихъ бы то ни было предположеній. Теперь я расскажу, что сдѣлано полиціей.

„Инспекторъ Грегори, которому поручено слѣдствіе, человѣкъ очень знающій. Будь онъ одаренъ даромъ воображенія, онъ, несомнѣнно, достигъ бы значительнаго совершенства въ своей профессіи.

По приѣздѣ на мѣсто происшествія, онъ немедленно арестовалъ человѣка, на котораго естественно пало подозрѣніе. Найти его было очень нетрудно, такъ какъ онъ хорошо извѣстенъ въ околоткѣ. Оказывается, это нѣкто Фидрой Симпсонъ. Онъ человѣкъ хорошаго происхожденія и воспитанія, но истратилъ свое состояніе на скачкахъ и живетъ теперь тихо, занимаясь букмекерствомъ въ спортивныхъ лондонскихъ клубахъ. При осмотрѣ его записной книжки оказалось, что имъ поставлено около пяти тысячъ противъ фаворита.

„Когда его арестовали, онъ показалъ, что приѣхалъ въ Дартмуръ, надѣясь получить нѣкоторыя свѣдѣнія о кингс-пайлэндской конюшнѣ, а также о „Десборо“, второмъ фаворитѣ, находящемся на попеченіи Сайлеса Броуна. Онъ не отрицалъ своего образа дѣйствій въ предыдущій вечеръ, но объявилъ, что не имѣлъ никакихъ преступныхъ замысловъ и просто желалъ получить свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Когда ему показали галстукъ, онъ сильно поблѣднѣлъ и совершенно не могъ объяснить, какимъ образомъ онъ очутился въ рукахъ убитаго. Его мокрая одежда указывала, что онъ былъ подъ дождемъ въ предыдущую ночь, а палка съ тяжелымъ свинцовымъ набалдашникомъ могла быть именно тѣмъ орудіемъ, отъ нѣсколькихъ ударовъ котораго послѣдовала смерть тренера.

„Съ другой стороны, у него не обнаружено ни малѣйшаго пораненія, между тѣмъ какъ окровавленный ножъ Стрэкера указываетъ, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нападавшихъ долженъ быть пораненъ имъ.

„Вотъ и вся исторія, Ватсонъ, и если вамъ удаст-

ся пролить какой-либо свѣтъ на это дѣло, буду безконечно обязанъ вамъ“.

Я съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ изложеніе Холмса, отличавшееся свойственной ему ясностью. Хотя большинство фактовъ и было извѣстно мнѣ, но я недостаточно оцѣнилъ ихъ относительную важность и связь между собой.

— Не возможно ли предположить, что Стрэкерь самъ нанесъ себѣ рану во время судорожныхъ движеній, обыкновенно являющихся слѣдствіемъ поврежденія мозга?—замѣтилъ я.

— Не только возможно, но даже вполне вѣроятно,—сказалъ Холмсъ.—Въ такомъ случаѣ исчезаетъ одно изъ главныхъ обстоятельствъ, говорящихъ въ пользу обвиняемаго.

— И все же я никакъ не могу понять, какую гипотезу могла построить полиція.

— Въ томъ и дѣло, что противъ всякой предложенной нами гипотезы могутъ найтись серьезныя возраженія,—сказалъ Холмсъ.—Насколько я понимаю, полиція предполагаетъ, что Физрой Симпсонъ, опоивъ конюха и добывъ какимъ-нибудь образомъ второй ключъ отъ конюшни, отперъ ее и вывелъ лошадь, очевидно, желая украсть ее. Не находятъ уздечки; вѣроятно, Симпсонъ надѣлъ ее на лошадь. Затѣмъ, оставивъ конюшню отпертой, онъ повелъ „Сильверъ-Блэза“ по болоту, гдѣ тренеръ встрѣтилъ или догналъ его. Понятно, послѣдовала борьба. Симпсонъ ударилъ тренера по головѣ своей тяжелой палкой, а тотъ, защищаясь, не смогъ нанести ему раны своимъ маленькимъ ножомъ. Тогда воръ или увелъ съ собой лошадь въ какое-нибудь потайное мѣсто, или она вырвалась отъ него во время борьбы и блуждаетъ теперь

гдѣ-нибудь по болоту. Такъ представляется это дѣло полиціи, и, какъ ни невѣроятно это объясненіе, всякое другое еще менѣе вѣроятно. Но я быстро пойму суть дѣла на мѣстѣ преступленія, а теперь, право, не знаю, что и предпринять.

Быль уже вечеръ, когда мы подѣхали къ маленькому городу Тэвистоку, лежащему среди огромнаго Дартмурскаго округа. На станціи насъ ожидали два господина: одинъ высокій, блондинъ, съ бородой и волосами, напоминавшими львиную гриву, съ замѣчательно пронизательными свѣтлоголубыми глазами; другой—маленькій, подвижной человекъ, съ подстриженными бакенбардами, съ моноклемъ въ глазу, очень чисто и аккуратно одѣтый, въ сюртукъ и гетрахъ. Послѣдній былъ полковникъ Россъ, извѣстный спортсмэнъ; первый—инспекторъ Грегори, человекъ, быстро составившій себѣ репутацію искуснаго полицейскаго слѣдователя.

— Я въ восторгѣ, что вы пріѣхали, м-ръ Холмсъ,—сказалъ полковникъ.—Инспекторъ сдѣлалъ все, что было возможно, но я намѣреваюсь не оставить ни одного камня на мѣстѣ, пока не отомщу за бѣднаго Стрэкера и не верну своей лошади.

— Не открылось ли чего-нибудь новаго?—спросилъ Холмсъ.

— Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что мы мало подвинулись впередъ,—отвѣтилъ инспекторъ.—У насъ здѣсь экипажъ, и такъ какъ вы, навѣрно, пожелаете засвѣтло осмотрѣть мѣсто происшествія, то мы можемъ переговорить обо всемъ во время ѣзды.

Минуту спустя, мы всѣ сидѣли въ покойномъ ландо и ѣхали по неровной мостовой оригиналь-

наго стариннаго девонширскаго городка. Инспекторъ Грегори съ увлеченіемъ разсказывалъ дѣло и изливалъ цѣлый потокъ замѣчаній, въ который Холмсъ вставлялъ иногда вопросъ или восклицаніе. Полковникъ Россъ откинулся на подушки, сложивъ руки на груди и надвинувъ шляпу на лобъ, а я съ интересомъ прислушивался къ разговору. Грегори развивалъ свою теорію, которая оказалась почти совершенно тождественной съ тѣмъ, что предсказывалъ Холмсъ.

— Сѣть вокругъ Фицроя затянута довольно плотно,—замѣтилъ онъ.—Я самъ думаю, что онъ тотъ, кого мы ищемъ. Но въ то же время, я признаю, что все это чисто внѣшнія улики, которыя могутъ быть опровергнуты какой-нибудь новой подробностью.

— Ну, а какъ насчетъ ножа Стрэкера?

— Мы пришли къ убѣжденію, что онъ ранилъ себя самъ при паденіи.

— Мой другъ, д-ръ Ватсонъ, высказалъ мнѣ дорогой то же предположеніе. Если это вѣрно, то послужить во вредъ Симпсону.

— Несомнѣнно. У него нѣтъ ни ножа, ни царапины. Улики противъ него дѣйствительно сильныя. Исчезновеніе фаворита имѣло для него большое значеніе; его подозрѣваютъ въ отравленіи конюха; онъ, безъ сомнѣнія, былъ подъ дождемъ; въ рукахъ у него была тяжелая палка, а галстукъ его нашли въ рукѣ убитаго. Я думаю, что всего этого достаточно, чтобы привести его на скамью подсудимыхъ.

Холмсъ покачалъ головой.

— Хорошій защитникъ разобьетъ впрахъ всѣ эти обвиненія,—сказалъ онъ —Зачѣмъ ему было

уводить лошадь изъ конюшни? Онъ могъ бы искалѣчить ее и тамъ, если бы хотѣлъ. Нашли у него поддѣланный ключъ? Кто продалъ ему опиумъ? А главное, какъ и куда могъ онъ—чужой въ этой мѣстности—спрятать лошадь, да еще такую? Что онъ говоритъ насчетъ бумаги, которую онъ просилъ служанку передать конюху?

— Онъ говоритъ, что это была десятифунтовая бумажка. Одну такую бумажку нашли у него въ кошелькѣ. Но всѣ другія высказанныя вами затрудненія совсѣмъ не такъ страшны, какъ кажутся. Онъ вовсе не чужой въ этой мѣстности... Онъ жилъ въ Тэвистокѣ два раза лѣтомъ. Опиумъ онъ, вѣроятно, привезъ изъ Лондона. Ключъ, навѣрно, забросилъ послѣ того, какъ употребилъ его въ дѣло. Лошадь, можетъ-быть, лежитъ на днѣ какой-нибудь шахты или заброшеннаго рудника.

— Что онъ говоритъ о галстукѣ?

— Онъ признаетъ его своимъ и увѣряетъ, что потерялъ его. Но въ дѣлѣ обнаружилось новое обстоятельство, которое можетъ объяснить, почему онъ увелъ лошадь.

Холмсъ насторожилъ уши.

— Мы нашли слѣды, указывающіе, что шайка цыганъ останавливалась въ понедѣльникъ ночью въ милѣ отъ мѣста, гдѣ совершилось убійство. Во вторникъ они ушли. Если предположить, что между Симпсономъ и цыганами существовало соглашеніе, то не могъ ли онъ, когда его нагнали, вести лошадь къ нимъ, и не находится ли она теперь у нихъ?

— Конечно, это возможно.

— Цыганъ разыскиваютъ въ болотѣ. Я также

осмотрѣлъ всѣ конюшни и пристройки въ Тэвистокѣ и на десять миль кругомъ.

— Кажется, вблизи есть еще скаковая конюшня?

— Да, и это фактъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать. Лошадь этой конюшни, „Десборо“, была вторымъ фаворитомъ, и потому исчезновеніе перваго—въ ихъ интересахъ. Извѣстно, что у Сайлеса Броуна, тренера, записаны большія пари, и онъ не былъ другомъ бѣднаго Стрэкера. Однако мы осмотрѣли эти конюшни и не нашли ничего подозрительнаго.

— И ничего, что могло бы указывать на то, что Симпсонъ связанъ какими-либо интересами съ конюшной Кэпльтона?

— Ровно ничего.

Холмсъ откинулся на спинку коляски, и разговоръ прекратился. Нѣсколько минутъ спустя, нашъ экипажъ остановился у хорошенькойвиллы изъ краснаго кирпича, увитой плющемъ и стоявшей у самой дороги. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нея виднѣлась длинная постройка, крытая сѣрой черепицей. Во всѣхъ другихъ направленіяхъ тянулась извилистая болотистая равнина, вся бронзовая отъ увядающихъ папоротниковъ, сливавшаяся въ дали съ горизонтомъ и прерываемая только колокольнями Тэвистока да группой построекъ на заводѣ—кэпльтонскими конюшнями. Мы всѣ выскочили изъ коляски, за исключеніемъ Холмса. Онъ продолжалъ сидѣть по прежнему, откинувшись на подушки и устремимъ глаза на небо, очевидно, весь погруженный въ свои мысли. Онъ сильно, вздрогнулъ, когда я дотронулся до его руки, и вышелъ изъ экипажа.

— Извините меня,—проговорилъ онъ, обращаясь

къ полковнику Россу, съ удивленіемъ смотрѣвшему на него.—Я грезилъ на яву.

По блеску его глазъ и по сдержанному волненію, я, привыкшій къ нему, убѣдился, что онъ напалъ на слѣдъ, хотя никакъ не могъ догадаться, какъ онъ могъ найти его.

— Можетъ-быть, вы желаете сейчасъ же пойти на мѣсто преступленія, м-ръ Холмсъ, — сказалъ Грегори.

— Я думаю, лучше остаться здѣсь и разпросить о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Я предполагаю, что Стрэкера принесли сюда?

— Да, онъ лежитъ наверху. Осмотръ тѣла назначенъ на завтра.

— Онъ служилъ у васъ нѣсколько лѣтъ, полковникъ?

— И былъ отличнымъ слугой.

— Предполагаю, что вы осмотрѣли его карманы, инспекторъ?

— Всѣ вещи въ гостиной. Если желаете, можете взглянуть на нихъ.

— Съ удовольствіемъ.

Мы всѣ перешли въ гостиную и сѣли вокругъ стола, стоявшаго посрединѣ комнаты. Инспекторъ отперъ четырехугольный жестяной ящикъ и выложилъ передъ нами небольшую кучу вещей. Тутъ была коробка спичекъ, двухдюймовый огарокъ сальной свѣчи, трубка, кожаный мѣшочекъ съ полъунціей табаку, серебряные часы съ золотой цѣпочкой, пять золотыхъ совереновъ, алюминіевый карандашъ, нѣсколько бумагъ и ножикъ съ ручкой изъ слоновой кости, съ очень тонкимъ негнушимся лезвіемъ и со штемпелемъ „Вейссъ и К°, Лондонъ“.

— Очень странный ножь,—сказаль Холмсъ, взявъ его въ руки и внимательно оглядѣвъ его.—По тому, что я вижу на немъ пятна крови, я предполагаю, что это тотъ самый ножь, который нашли въ рукѣ покойнаго. Ватсонъ, этотъ ножь, навѣрно, по вашей части.

— Это ножь для снятія катарактовъ,—отвѣтилъ я.

— Я такъ и думаль. Очень тонкое лезвіе, предназначенное для очень тонкой работы. Странно было брать съ собою такую вещь, предполагая, что угрожаетъ опасность, тѣмъ болѣе, что ножь не закрывается.

— На кончикъ надѣвался наконечникъ изъ пробки, который мы нашли рядомъ съ трупомъ,—сказаль инспекторъ;—жена Стрэкера говорить, что ножь лежалъ на туалетномъ столѣ нѣсколько дней, и что онъ взялъ его уходя изъ комнаты. Это плохое оружіе, но, можетъ-быть, у него не было лучшаго подъ рукой.

— Очень возможно. А это что за бумаги?

— Три счета, подписанные торговцами [сѣномъ]. Письмо отъ полковника Росса съ приказаніями. Счетъ на тридцать семь фунтовъ пятнадцать шиллинговъ отъ портнихи, г-жи Лезюрье, изъ Бонд-стрита, на имя Вильяма Дэрбишайра. М-съ Стрэкерь говорить, что Дэрбишайръ — другъ ея мужа и письмо на его имя иногда адресовались сюда.

— Madame Дэрбишайръ, должно-быть, особа нѣсколько расточительная, — замѣтилъ Холмсъ, просматривая счетъ.—Двадцать двѣ гинеи за костюмъ —это дороговато. Кажется, здѣсь намъ не узнать ничего болѣе, и потому отправимся на мѣсто преступленія.

Когда мы вышли изъ гостиной, въ коридорѣ къ

инспектору подошла какая-то женщина и дотронулась до его рукава. На ея блѣдномъ, худомъ, взволнованномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ только-что пережитаго ужаса.

— Поймали вы ихъ? Нашли ихъ? — задыхаясь, проговорила она.

— Нѣтъ, м-съ Стрэкерь; но вотъ м-ръ Холмсъ. Онъ пріѣхаль изъ Лондона, чтобы помочь намъ, и мы сдѣлаемъ все, что возможно.

— А мы съ вами встрѣчались недавно въ Плимутѣ, на гуляньѣ въ саду, м-съ Стрэкерь,—сказаль Холмсъ.

— Нѣтъ, сэръ, вы ошибаетесь.

— Неужели? А я-то былъ готовъ поклясться, что это вы. На васъ былъ туалетъ изъ шелковой матеріи сизаго цвѣта, отдѣланный бѣлыми страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого туалета,—отвѣтила м-съ Стрэкерь.

— А! Такъ, значить, я ошибся.

Онъ извинился и вышелъ изъ дома вслѣдъ за инспекторомъ.

Короткій переходъ по болоту привелъ насъ къ ямѣ, гдѣ было найдено тѣло. На краю ея стоялъ терновый кустъ, на которомъ висѣлъ плащъ.

— Вѣдь въ эту ночь не было вѣтра! —сказаль Холмсъ.

— Ни малѣйшаго; но шелъ очень сильный дождь.

— Въ такомъ случаѣ, плащъ не могъ быть отнесенъ на кусты вѣтромъ, но былъ повѣшенъ на нихъ.

— Да, онъ былъ положенъ на кустъ.

— Это чрезвычайно интересно. Я вижу, что земля

кругомъ сильно притоптана. Безъ сомнѣнія, много ногъ прошло здѣсь съ ночи понедѣльника.

— Здѣсь, въ сторонѣ, была положена рогожка, и мы всѣ стояли на ней.

— Превосходно.

— Вотъ тутъ у меня въ мѣшкѣ одинъ сапогъ Стрэкера, башмакъ Фицроя Симпсона и стальна подкова „Сильверъ-Блэза“.

— Дорогой инспекторъ, вы превзошли себя!

Холмсъ взялъ мѣшокъ и, спустившись въ яму, передвинулъ рогожу ближе къ центру. Загѣмъ онъ легъ плашмя и, опершись подбородкомъ на руку, принялся внимательно разсматривать притоптанную грязь.

— Ого, это что?—внезапно сказалъ онъ.

Это была полусгорѣвшая восковая спичка, на столько покрытая грязью, что, съ перваго взгляда, походила на щепку.

— Не понимаю, какъ я просмотрѣлъ ее,—проговорилъ инспекторъ съ недовольнымъ видомъ.

— Ея не было видно въ грязи. Я нашелъ только потому, что искалъ ее.

— Какъ! Вы расчитывали найти ее.

— Считалъ это довольно вѣроятнымъ.

Онъ вынулъ изъ мѣшка сапоги и сличилъ слѣды cadaго изъ нихъ со слѣдами въ грязи. Потомъ онъ вылѣзъ изъ ямы и принялся шарить въ папоротникахъ и кустахъ.

— Мнѣ кажется, нѣтъ болѣе слѣдовъ,—сказалъ инспекторъ.—Я очень тщательно изслѣдовалъ почву на сто ярдовъ по всѣмъ направлениямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ Холмсъ, вставая съ колѣнъ.—Не буду настолько невѣжливъ, чтобы снова сдѣлать это послѣ вашего заявленія. Но мнѣ

хотѣлось бы пройти по болоту, пока не стемнѣло, чтобы къ завтра имѣть полное понятіе о мѣстности, а эту подкову я возьму себѣ въ карманъ на счастье.

Полковникъ Россъ, выказывавшій признаки нѣкотораго нетерпѣнія при видѣ спокойнаго, систематическаго изслѣдованія моего пріятеля, взглянулъ на часы.

— Пойдемте со мной, инспекторъ,—сказалъ онъ.—Я долженъ посовѣтоваться съ вами о многомъ и особенно о томъ, не обязаны ли мы передъ публикой снять имя нашей лошади съ записи на призъ.

— Ни въ какомъ случаѣ,—рѣшительно сказалъ Холмсъ.—На вашемъ мѣстѣ я оставилъ бы имя лошади.

Полковникъ поклонился.

— Очень радъ слышать ваше мнѣніе, сэръ,—сказалъ онъ.—Когда вы окончите свою прогулку, вы найдете насъ въ домѣ бѣдняги Стрэкера, и тогда мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ въ Тэвистокъ.

Онъ ушелъ съ инспекторомъ, а Холмсъ и я медленно пошли по болоту. Солнце садилось за колючими Кэпльтона, и громадная, покатая равнина передъ нами отливала золотомъ, переходившимъ въ роскошный краснобурый оттѣнокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вечерніе лучи падали на папоротники и терновые кусты. Но красота пейзажа не производила ни малѣйшаго впечатлѣнія на моего спутника, погруженнаго въ размышленія.

— Сюда, Ватсонъ!—наконецъ, проговорилъ онъ.—Оставимъ на минуту вопросъ о томъ, кто убилъ Джона Стрэкера, и постараемся узнать, что случилось съ лошадыю. Предположимъ, что она убѣжала во время драмы или послѣ нея; куда же она

дѣлась? Лошадь, вообще, животное стадное. Предоставленный самому себѣ, „Сильверъ-Блэзъ“ инстинктивно вернулся бы въ Кингсъ-Пайлэндъ или отправился бы въ Кэпльтонъ; съ какой стати онъ сталъ бы носиться по болоту? Если бы это случилось, то, навѣрно, кто-нибудь уже встрѣтилъ бы его. А зачѣмъ цыгане стали бы ловить его? Эти люди всегда стараются улизнуть, когда услышатъ о какомъ-нибудь происшествіи: очень ужъ они не любятъ имѣть дѣло съ полиціей. Разсчитывать продать такую лошадь они не могли. Рискъ былъ бы слишкомъ большой, а кража не принесла бы имъ никакой пользы. Все это совершенно ясно.

— Но гдѣ же тогда лошадь?

— Я уже сказала, что она убѣжала или въ Кингсъ-Пайлэндъ, или въ Кэпльтонъ. Она не въ Кингсъ-Пайлэндъ — слѣдовательно, въ Кэпльтонѣ. Примемъ эту гипотезу и посмотримъ, что выйдетъ. Эта часть торфяника, какъ говорилъ инспекторъ, очень твердая и сухая. Но по направленію къ Кэпльтону торфяникъ понижается, и отсюда можно видѣть большую ложбину, въ которой, должно-быть, было очень сыро въ понедѣльникъ ночью. Если наше предположеніе вѣрно, лошадь должна была проскакать черезъ эту ложбину, и тамъ мы и должны искать ея слѣдовъ.

Во время этого разговора мы быстро шли впередъ и черезъ нѣсколько минутъ были у ложбины. По просьбѣ Холмса я пошелъ по правому ея краю, онъ же по лѣвому; но не успѣлъ я сдѣлать и пятидесяти шаговъ, какъ услышалъ громкій крикъ и увидѣлъ, что онъ машетъ мнѣ рукой. Слѣдъ лошади ясно отпечатался на мягкой землѣ

передъ нимъ, а подкова, которую Холмсъ вынулъ изъ кармана, пришлось какъ разъ по отпечатку.

— Видите, что значитъ воображеніе, — сказалъ Холмсъ. — Этого-то качества только и не достаетъ Грегори. Мы вообразили себѣ, что могло бы произойти, дѣйствовали согласно нашему предположенію и оказались правы. Будемъ продолжать.

Мы перешли черезъ болотистую ложбину и прошли около четверти мили по твердому, сухому торфянику. Потомъ мѣстность снова стала понижаться, и снова мы увидѣли слѣды, потеряли ихъ на протяженіи полумили и нашли опять уже у самага Кэпльтона. Холмсъ первый увидѣлъ ихъ и указалъ мнѣ съ выраженіемъ торжества на лицѣ. Слѣдъ мужской ноги виднѣлся рядомъ съ лошадинымъ слѣдомъ.

— Лошадь сначала была одна! — вскрикнулъ я.

— Совершенно вѣрно. Сначала она была одна. Ого! Это что?

Двойной слѣдъ дѣлалъ рѣзкій поворотъ и направлялся къ Кингсъ-Пайлэнду. Холмсъ свистнулъ, и мы оба пошли по слѣду. Холмсъ шелъ, не спуская глазъ со слѣда; я же случайно взглянулъ въ сторону и съ удивленіемъ замѣтилъ, что тѣ же слѣды шли и въ обратномъ направленіи.

— Чудесно, Ватсонъ, — сказалъ Холмсъ, когда я указалъ ему эти слѣды, — вы избавили насъ отъ длинной прогулки, которая привела бы насъ обратно къ своимъ собственнымъ слѣдамъ.

Намъ не пришлось итти далеко. Слѣды оканчивались у асфальтовой дорожки, которая вела къ кэпльтонскимъ конюшнямъ. Навстрѣчу намъ выбѣжалъ грумъ.

— Мы не позволяемъ бродягамъ шляться здѣсь, — сказалъ онъ.

— Я хотѣлъ только спросить кое-что, — сказалъ Холмсъ, запуская указательный и большой пальцы въ карманъ жилета. — Не будетъ слишкомъ рано, если я зайду завтра въ пять часовъ утра, чтобы повидать вашего хозяина, мистера Сайлеса Броуна?

— Господь съ вами, сэръ; ужъ кто-кто, а онъ-то всегда будетъ, когда надо, потому что встаетъ раньше всѣхъ. Но вотъ и онъ самъ, сэръ, и отвѣтитъ на вашъ вопросъ. Нѣтъ, сэръ, нѣтъ; онъ прогонитъ меня, если увидитъ, что я взялъ деньги. Послѣ, если вамъ угодно.

Въ ту минуту, какъ Шерлокъ Холмсъ положилъ обратно въ карманъ вынутую имъ полкрану, изъ воротъ вышелъ пожилой господинъ свирѣпаго вида, съ хлыстомъ въ рукѣ.

— Это что такое, Даусонъ? — крикнулъ онъ. — Что за болтовня! Ступай за дѣло! А вы... какого чорта вамъ здѣсь надо?

— Надо поговорить съ вами минутъ десять, любезный сэръ, — отвѣтилъ Холмсъ самымъ ласковымъ тономъ.

— Некогда мнѣ разговаривать со всякими бродягами. Убирайтесь, а не то спущу собаку.

Холмсъ наклонился и шепнулъ что-то на ухо тренеру. Тотъ сильно вздрогнулъ и вспыхнулъ до ушей.

— Это ложь! — крикнулъ онъ. — Дьявольская ложь!

— Отлично! Станемъ мы обсуждать это здѣсь, при всѣхъ, или переговоримъ у васъ въ домѣ?

— О, войдите, если желаете.

Холмсъ улыбнулся.

— Я задержу васъ только на нѣсколько минутъ, Ватсонъ, — сказалъ онъ. — Ну-съ, я къ вашимъ услугамъ, м-ръ Броунъ.

Прошло минутъ двадцать, и румяная заря перешла въ сѣрыя сумерки, когда Холмсъ и тренеръ вышли изъ дома. Никогда не случалось мнѣ видѣть, чтобы человѣкъ могъ такъ измѣниться за это короткое время, какъ Сайлесъ Броунъ. Лицо его было смертельно блѣдно; на лбу стояли капли пота, а руки тряслись такъ, что хлысть колыхался, какъ вѣтка по вѣтру. Вся его дерзость и заносчивость исчезли, и онъ покорно шелъ рядомъ съ моимъ товарищемъ, словно собака съ хозяиномъ.

— Ваши указанія будутъ исполнены. Все будетъ исполнено, — говорилъ онъ.

— Чтобъ не было ошибки, — сказалъ Холмсъ, оглядываясь на него. Броунъ вздрогнулъ, прочтя угрозу въ его глазахъ.

— О, нѣтъ, ошибки не будетъ. Все будетъ, какъ слѣдуетъ. Сдѣлать измѣненія заранѣе или нѣтъ?

Холмсъ задумался на одно мгновение и потомъ громко расхохотался.

— Нѣтъ, не дѣлайте измѣненій. Я напишу вамъ объ этомъ. Смотрите, безъ плутовства или...

— О, вы можете повѣрить мнѣ, повѣрить вполнѣ.

— Берегите, какъ свою собственность.

— Можете положиться на меня.

— Да, думаю, что могу. Ну, завтра я извѣщу васъ.

Онъ повернулся на каблукахъ, не обративъ вниманія на протянутую ему дрожащую руку, и мы отправились назадъ въ Кингсъ-Пайлэндъ.

— Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать такое соединеніе заносчивости, трусости и низости, какъ

въ мистерѣ Сайлэсѣ Броунѣ, — замѣтилъ Холмсъ дорогой.

— Такъ лошадь у него?

— Онъ попробоваль-было отрицать это, но я такъ подробно описаль ему всѣ его дѣйствія въ то утро, что онъ убѣжденъ, что я слѣдилъ за нимъ. Вы, конечно, замѣтили особую четырехугольную форму носковъ сапогъ на слѣдѣ? Его сапоги какъ разъ подошли къ этимъ слѣдамъ. Къ тому ни одинъ изъ его подчиненныхъ не осмѣлился бы сдѣлать подобной штуки. Я описаль ему, какъ онъ, по обыкновенію вставъ раньше всѣхъ, увидалъ чужую лошадь, бродившей по торфу, какъ онъ подошелъ къ ней и изумился, узнавъ по бѣлому пятну на лбу лошади, отъ котораго она получила свое названіе *), что случай отдаетъ въ его власть единственнаго коня, могущаго побить того, на котораго онъ поставилъ свои деньги. Потомъ я описаль ему, какъ первымъ его порывомъ было отвести лошадь въ Кингс-Пайлэндъ, какъ дьяволъ внушилъ ему скрыть лошадь до окончанія скачекъ, какъ онъ провелъ ее обратно и спряталъ въ Кэпльтонѣ. Когда я подробно разсказаль ему это, онъ пересталь заператься и сталъ думать только о спасеніи своей шкуры.

— Но вѣдь его конюшни были обысканы?

— О, у такого стараго барышника всегда найдется укромное мѣстечко.

— А вы не боитесь оставить лошадь у него? Вѣдь ему выгодно искалѣчить ее.

— Милый мой, онъ будетъ беречь ее, какъ зѣницу ока. Онъ знаетъ, что единственная его надежда

на помилованіе это сохранить лошадь въ полной безопасности.

— Полковникъ Россъ произвелъ на меня впечатлѣніе вообще человѣка, не склоннаго миловать.

— Дѣло касается не одного только полковника Росса. Я слѣдую моему методу и говорю только то, что считаю нужнымъ. Въ томъ-то и выгода моего неофіціального положенія. Не знаю, замѣтили ли вы, Ватсонъ, что полковникъ отнесся ко мнѣ нѣсколько свысока. Вотъ я и хочу немного позавестись на его счетъ. Не говорите ему ничего о лошади.

— Конечно, не скажу безъ вашего позволенія.

— И, само собой разумѣется, это неважный вопросъ въ сравненіи съ тѣмъ, кто убилъ Джона Стрэкера.

— Теперь вы займетесь этимъ дѣломъ?

— Напротивъ, сегодня вечеромъ мы уѣдемъ въ Лондонъ.

Я былъ совершенно пораженъ этими словами моего друга. Мы пробыли только нѣсколько часовъ въ Дэвонширѣ, и мнѣ казалось непонятнымъ, почему онъ бросаетъ поиски, начавшіеся такимъ блестящимъ образомъ. Но я не добился отъ него ни единого слова, пока мы не вернулись въ домъ тренера. Полковникъ и инспекторъ ожидали насъ въ гостиной.

— Мой другъ и я возвращаемся въ Лондонъ съ экспрессомъ, отходящимъ въ двѣнадцать часовъ ночи, — сказала Холмсъ. — Пріятно было подышать чуднымъ воздухомъ Дартмура.

Инспекторъ широко раскрылъ глаза, а у полковника мелькнула на губахъ насмѣшливая улыбка.

*) Silver Blaze — серебристое сіяніе.

— Итакъ, вы потеряли всякую надежду захватить убійцу бѣднаго Стрэкера,—сказаль онъ.

Холмсъ пожалъ плечами.

— Дѣйствительно, встрѣтилось много серьезныхъ препятствій,—сказаль онъ.— Однако я твердо надѣюсь, что ваша лошадь будетъ скакать во вторникъ, и прошу васъ держать жокея наготовѣ. Нѣтъ ли у васъ фотографической карточки м-ра Джона Стрэкера?

Инспекторъ вынулъ изъ кармана конвертъ, взялъ изъ него фотографическую карточку и подалъ ее Холмсу.

— Вы предупреждаете всѣ мои желанія, дорогой Грегори. Могу я попросить васъ подождать одну минуту, пока я поговорю со служанкой.

— Долженъ признаться, я нѣсколько разочаровался въ нашемъ лондонскомъ консультантѣ,— рѣзко сказалъ полковникъ Россъ, когда мой другъ вышелъ изъ комнаты.— Мы ни на шагъ не подвинулись со времени его пріѣзда.

— По крайней мѣрѣ, вы имѣете обѣщаніе, что ваша лошадь будетъ скакать во вторникъ.

— Да, обѣщаніе-то я имѣю, но предпочелъ бы имѣть лошадь,—сказаль полковникъ, пожимая плечами.

Я только что собирался возразить что-нибудь въ защиту моего друга, какъ онъ самъ вошелъ въ комнату.

— Ну-съ, джентльмены, я готовъ отправиться въ Тэвистокъ,—сказаль онъ.

Когда мы сѣли въ экипажъ, одинъ изъ конюховъ держаль дверцу. Очевидно, Холмсу пришла какая-то внезапная мысль, онъ наклонился и дотронулся до рукава конюха.

— У васъ въ загонѣ есть овцы; кто смотритъ за ними?

— Я, сэръ.

— Не случилось ли съ ними чего-нибудь особеннаго за это время?

— Ничего особеннаго, сэръ; только три изъ нихъ охромѣли въ послѣдніе дни.

Я видѣлъ, что Холмсъ былъ очень доволенъ этимъ извѣстіемъ: онъ посмѣивался и потираль руки.

— Попаль въ цѣль, Ватсонъ, прямо въ цѣль!—сказаль онъ, ущипнувъ меня за руку.— Грегори, совѣтую вамъ обратить вниманіе на эту странную эпидемію у овецъ. Поѣзжай, кучеръ!

По выраженію лица полковника Росса было ясно видно, что онъ, попрежнему, невысокаго мнѣнія объ искусствѣ моего друга; зато по лицу инспектора я замѣтилъ, что вниманіе его было сильно возбуждено.

— Вы считаете это важнымъ обстоятельствомъ?—спросиль онъ.

— Чрезвычайно важнымъ.

— Нѣтъ ли еще чего-нибудь, на что вы желали бы обратить мое вниманіе?

— На странное поведеніе собаки ночью.

— Она ничего не дѣлала.

— Вотъ это-то и странно,—замѣтилъ Шерлокъ Холмсъ.

Черезъ четыре дня мы съ Холмсомъ снова ѣхали на поѣздѣ въ Винчестеръ, гдѣ должны были состояться скачки на Уэссекскій призъ. Полковникъ ожидалъ насъ, какъ было условлено, у станціи, и мы поѣхали въ его экипажъ за городъ, на мѣсто скачекъ. Лицо полковника было серьезно и обращеніе чрезвычайно холодно.

— Я не видѣлъ своей лошади,—сказалъ онъ.

— Я надѣюсь, вы узнаете ее, когда увидите?—спросилъ Холмсъ.

Полковникъ сильно разсердился.

— Двадцать лѣтъ я постоянно бываю на скачкахъ, и никто не предлагалъ мнѣ подобнаго вопроса,—сказалъ онъ.—Ребенокъ можетъ узнать „Сильверъ-Блэза“ по бѣлому пятну на лбу и по крапинкамъ на передней ногѣ.

— Какъ пари?

— Тутъ происходитъ что-то странное. Вчера можно было получить пятнадцать на одинъ, но затѣмъ ставки стали все уменьшаться и уменьшаться и теперь еле ставятъ три на одинъ.

— Гмъ!—проговорилъ Холмсъ.—Очевидно, кто-то что-то знаетъ.

Когда экипажъ вѣхалъ въ ограду, я взглянулъ на программу скачекъ.

„Уэссекскій призъ.—1000 совереновъ, съ подписными 50 совереновъ съ каждой для лошадей четырехъ и пяти лѣтъ. 2-й лошади—300 фунтовъ. 3-й—200 фунтовъ. Дистанція одна миля пять восьмыхъ.

1. „Негро“, владѣлецъ м-ръ Хизъ Ньютонъ (красный картузъ, коричневый камзолъ).

2. „Педжелистъ“, владѣлецъ полковникъ Уардлесу (розовый картузъ, черный камзолъ).

3. „Десборо“, владѣлецъ лордъ Бэкуатеръ (желтый картузъ, рукава того же цвѣта).

4. „Сильверъ-Блэзъ“, владѣлецъ полковникъ Россъ (черный картузъ, красный камзолъ).

5. „Ирисъ“, владѣлецъ герцогъ Бальмораль (картузъ и камзолъ полосатые, желтаго и чернаго цвѣта).

6. „Рэсперъ“, владѣлецъ лордъ Сингльфордъ (пурпуровый картузъ, черные рукава).

— Мы положились на ваши слова и сняли нашу вторую лошадь,—сказалъ полковникъ.—Что это? „Сильверъ-Блэзъ“ фаворитъ?

— Пять на четыре противъ „Сильверъ-Блэза“!—ревѣла толпа.—Пять на четыре противъ „Сильверъ-Блэза“! Пятнадцать на пять противъ „Десборо“!

— Лошади въ полномъ составѣ,—замѣтилъ я.— Всѣ шесть налицо!

— Всѣ шесть на лицо? Такъ моя лошадь скачетъ?—кричалъ полковникъ въ сильномъ волненіи.—Но я не вижу ея. Моихъ цвѣтовъ не проѣзжало.

— Проѣхало только пять. Вотъ, должно-быть, она.

Въ эту минуту изъ загородки, гдѣ находились вѣсы, появилась великолѣпная гнѣдая лошадь и прошла мимо насъ легкимъ галопомъ. На ней сидѣлъ жокей въ хорошо всѣмъ извѣстныхъ цвѣтахъ полковника—красномъ и черномъ.

— Это не моя лошадь!—закричалъ владѣлецъ,—у этой нѣтъ на тѣлѣ ни одной бѣлой отмѣтины. Что вы сдѣлали, мистеръ Холмсъ?

— Хорошо, хорошо, посмотримъ, какъ она будетъ скакать,—невозмутимо сказалъ мой другъ.

Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ мой бинокль.

— Великолѣпно! Превосходный стартъ!—вдругъ вскрикнулъ онъ.—Вотъ онѣ показываются изъ-за поворота!

Изъ нашего экипажа прекрасно было видно всѣхъ лошадей; онѣ всѣ шли такъ близко другъ къ другу, что ихъ, казалось, можно было бы покрыть одной попоной, но на половинѣ круга желтый цвѣтъ кэпльтонскій конюшни выдвинулся впередъ. Одна-

ко, прежде чѣмъ лошади поравнялись съ нами, „Десборо“ отсталъ, а лошадь полковника сразу подалась впередъ и была у столба на шесть корпусовъ впереди своего соперника, „Ирисъ“ герцога Бальморала пришла плохой третьей.

— Безъ сомнѣнія это моя лошадь, — задыхаясь и проводя рукой по глазамъ, проговорилъ полковникъ. — Признаюсь, ничего тутъ не понимаю. Не пора ли открыть вашу тайну, мистеръ Холмсъ?

— Да, пора, полковникъ. Вы все узнаете. Пойдемте всѣ вмѣстѣ взглянуть на лошадь. Вотъ она, — продолжалъ онъ, когда мы вошли въ ограду для взвѣшиванія, куда допускались только владѣльцы и ихъ знакомые. — Вамъ стоитъ только вымыть ей виннымъ спиртомъ голову и ноги и вы убѣдитесь, что это — ваша „Сильверъ-Блэзъ“.

— Не могу притти въ себя отъ изумленія.

— Я нашель лошадь у одного барышника и осмѣлился взять ее какъ разъ въ ту минуту, когда ее хотѣли спровадить.

— Дорогой сэръ, вы сдѣлали чудеса. Лошадь совершенно здорова и въ полномъ порядкѣ. Тысячу извиненій за то, что позволилъ себѣ усумниться въ вашемъ искусствѣ. Вы оказали мнѣ большую услугу, возвративъ мнѣ лошадь, и можете еще бдльшую, если найдете убійцу Джона Стрэкера.

— Я уже нашель его, — спокойно сказала Холмсъ.

Полковникъ и я съ изумленіемъ взглянули на него.

— Нашли убійцу? Гдѣ же онъ?

— Здѣсь.

— Здѣсь? Гдѣ?

— Стоитъ въ настоящую минуту возлѣ меня.

Румянецъ гнѣва вспыхнулъ на щекахъ полковника.

— Я вполне сознаю, что многимъ обязанъ вамъ, мистеръ Холмсъ, — сказалъ онъ, — но не могу принять ваши слова иначе, какъ за плохую шутку или за оскорбленіе.

Шерлокъ Холмсъ расхохотался.

— Увѣряю васъ, полковникъ, что не считаю васъ причастнымъ преступленію, — проговорилъ онъ. — Настоящій убійца стоитъ за вами!

Онъ отошелъ въ сторону и положилъ руку на блестящую шею породистаго скакуна.

— Лошадь! — вскрикнули мы съ полковникомъ въ одинъ голосъ.

— Да, лошадь. Ея вина уменьшается, если я скажу вамъ, что она сдѣлала это, защищая себя, и что Джонъ Стрэкерь былъ челоуѣкъ, совершенно недостойный вашего довѣрія. Но вотъ звонокъ, а такъ какъ у меня есть маленькое пари, то отложу подробное объясненіе до болѣе удобнаго случая.

Вечеромъ мы снова сидѣли въ купѣ поѣзда, мчавшагося въ Лондонъ, и я думаю, что путешествіе показалось полковнику Россу такимъ же короткимъ, какъ мнѣ: такъ интересно было слушать рассказъ моего друга о томъ, что произошло въ дартмурскихъ конюшняхъ въ понедѣльникъ ночью и какъ ему удалось узнать всѣ подробности этого происшествія.

— Сознаю, что всѣ выводы, составленные мною на основаніи газетныхъ извѣстій, оказались вполне ошибочными, — сказалъ онъ. — А, между тѣмъ, тамъ были данныя, которыя могли бы служить указа-

ніями, если бы ихъ истинное значеніе не было загромождено другими подробностями. Я поѣхалъ въ Дэвонширъ съ убѣжденіемъ въ виновности Фицроя Симпсона, хотя, конечно, видѣлъ, что противъ него не собрано достаточныхъ уликъ.

„Только тогда, когда мы уже подъѣзжали къ дому тренера, въ головѣ моей внезапно возникла мысль о важномъ значеніи баранины съ перцемъ. Вы, можетъ-быть, помните, что я былъ очень разсѣянъ и остался въ экипажѣ, когда вы всѣ уже вышли. Я удивлялся про себя, какъ это я проглядѣлъ такое важное обстоятельство“.

— Признаюсь, я до сихъ поръ не вижу его важности,—сказалъ полковникъ.

— Это было первое звено въ цѣпи моихъ разсужденій. Опіумъ въ порошокъ не безвкусенъ. Вкусъ не неприятенъ, но замѣтенъ. Если подсыпать его въ какое-нибудь обыкновенное кушанье, но тотъ, кто сталъ бы ѣсть это кушанье, навѣрное, замѣтилъ бы примѣсь и бросилъ бы ѣсть. Перець—именно та приправа, которая можетъ заглушить вкусъ опіума. Никакимъ образомъ нельзя предположить, чтобы посторонній человекъ, какъ Фицрой Симпсонъ, могъ бы устроить такъ, чтобы въ этотъ день ужинъ въ домѣ тренера состоялъ изъ баранины съ приправой изъ перца, и тѣмъ болѣе невозможно предположеніе, чтобы этотъ человекъ явился съ порошкомъ опіа какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда подавалось кушанье, способное скрыть эту примѣсь. Этого нельзя допустить. Итакъ, Симпсонъ устраняется отъ дѣла, и все наше вниманіе сосредоточивается на Стрэкерѣ и его женѣ,—единственныхъ людяхъ, которые могли заказать на ужинъ баранину съ перцемъ. Опіумъ примѣшенъ послѣ

того, какъ была отложена порція для конюха, оставшагося на конюшнѣ, такъ какъ остальные ѣли ужинъ безо всякихъ дурныхъ послѣдствій. Кто же изъ Стрэкеровъ могъ дотронуться до ѣды такъ, чтобы этого не замѣтила служанка?

„Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, я обратилъ вниманіе на молчаніе собаки—одно вѣрное предположеніе неизмѣнно вызываетъ другое. Случай съ Симпсономъ указывалъ на то, что въ конюшнѣ была собака, а между тѣмъ, несмотря на то, что кто-то входилъ туда и увелъ лошадь, собака не лаяла достаточно громко для того, чтобы разбудить спавшихъ на сѣновалѣ конюховъ. Очевидно, ночной посѣтитель былъ хорошо знакомъ ей.“

„Я былъ уже убѣжденъ, или почти убѣжденъ, что Джонъ Стрэкеръ вошелъ ночью въ конюшню и увелъ „Сильверъ-Блэза“. За чѣмъ? очевидно, съ какимъ-то злымъ умысломъ, иначе за чѣмъ бы онъ опоилъ своего конюха? Но я никакъ не могъ понять причины его поступка. Бывали случаи, что тренеры зарабатывали большія деньги, держа пари противъ своихъ лошадей и, обманнымъ образомъ, не давая имъ выигрывать. Иногда они дѣйствуютъ черезъ жокея; иногда употребляютъ болѣе вѣрныя и тонкія средства. Что было тутъ? Я надѣялся, что вещи, найденныя въ карманѣ Стрэкера, помогутъ мнѣ притти къ какому-нибудь заключенію, и не ошибся въ этомъ.“

„Вы, вѣроятно, не забыли страннаго ножика, найденнаго въ рукѣ покойника, ножика, котораго, конечно, ни одинъ человекъ въ здоровомъ умѣ не взялъ бы для самозащиты. Какъ сказалъ намъ докторъ Ватсонъ, этотъ ножъ употребляется при самыхъ тонкихъ операціяхъ, извѣстныхъ хирургіи.“

И въ эту ночь онъ также предназначался для очень тонкой операции. Какъ знатоку скакового дѣла, вамъ, полковникъ, навѣрно извѣстно, что можно сдѣлать легкій порѣзъ сухожилия на бедрѣ лошади такъ искусно, что снаружи ничего не будетъ замѣтно. Въ такомъ случаѣ лошадь начинаетъ слегка прихрамывать, что приписывается или переутомленію, или приступу ревматизма, но никогда не злому умыслу“.

— Мошенникъ! Негодай! — крикнулъ полковникъ.

— Этимъ и объясняется, почему Джонъ Стрэккеръ хотѣлъ увести лошадь изъ конюшни. При малѣйшемъ уколѣ такое чувствительное животное заржало бы такъ, что разбудило бы спавшихъ крѣпкимъ сномъ конюховъ. Поэтому необходимо было произвести операцию на открытомъ воздухѣ.

— Какъ я былъ слѣпъ! — сказалъ полковникъ. — Такъ вотъ для чего ему нужна была свѣчка и почему онъ зажигалъ спичку.

— Безъ сомнѣнія. Но при осмотрѣ его вещей мнѣ посчастливилось открыть не только способъ совершенія преступленія, но и его мотивы. Какъ человѣку свѣтскому, вамъ извѣстно, полковникъ, что люди не носятъ у себя въ карманахъ чужихъ счетовъ. Большинству изъ насъ еле подъ силу справиться и со своими. Я сразу понялъ, что Стрэккеръ жилъ двойной жизнью и имѣлъ постороннія связи. По счету ясно было видно, что существуетъ какая-то дама, не любящая стѣсняться средствами. Несмотря на всю вашу щедрость къ вашимъ служащимъ, едва ли возможно предположить, чтобы они могли покупать своимъ женамъ туалеты въ двѣсти гиней. Я разспросилъ, незамѣтно для нея,

м-съ Стрэккеръ насчетъ платья, на которое былъ представленъ счетъ, и, убѣдившись, что у нея никогда не было подобнаго костюма, замѣтилъ адресъ портнихи, чувствуя, что помощью фотографической карточки Стрэккера мнѣ легко будетъ доказать миѣическое происхожденіе мистера Дербишайра.

„Далѣе все очень просто. Стрэккеръ повелъ лошадь въ яму, откуда не былъ бы видѣнъ свѣтъ. Симпсонъ, когда бѣжалъ, потерялъ галстукъ, а Стрэккеръ поднялъ его, быть-можетъ, думая привязать лошадь за ногу. Очутившись въ ямѣ, Стрэккеръ сталъ позади лошади и зажегъ свѣчу; но лошадь, испуганная внезапнымъ свѣтомъ и почувствовавъ свойственнымъ животнымъ инстинктомъ что-то недоброе, вырвалась и попала стальнымъ копытомъ какъ разъ въ лобъ Стрэккеру. Несмотря на то, что шелъ дождь, онъ, приготовляясь къ операции, снялъ плащъ, и при паденіи ножъ вонзился ему въ бедро. Достаточно ли это ясно?“

— Удивительно! — вскрикнулъ полковникъ. — Удивительно! Какъ будто вы присутствовали при всемъ этомъ.

— Долженъ признаться, что трудно было додуматься до послѣдняго моего вывода. Мнѣ пришло на мысль, что такой предусмотрительный человѣкъ, какъ Стрэккеръ, не предпринялъ бы такой тонкой операции, какъ порѣзъ сухожилия, безъ предварительной практики. На чемъ онъ могъ практиковаться? Мой взглядъ случайно упалъ на овецъ, и я предложилъ вопросъ, отвѣтъ на который, къ собственному моему удивленію, подтвердилъ мое предположеніе.

— Вы вполне уяснили все, м-ръ Холмсъ.

— Вернувшись въ Лондонъ, я отправился къ портнихѣ, которая сразу признала Стрэкера, какъ прекраснаго заказчика по фамиліи Дэрбишайра, и сказала, что жена у него красавица, любящая дорогие наряды. Я не сомнѣваюсь, что изъ-за этой женщины онъ совершенно запутался въ долгахъ и дошелъ до этой гнусной продѣлки.

— Вы объяснили все, кромѣ одного,—сказалъ полковникъ.—Гдѣ же была лошадь?

— Она бродила по болоту, и ее приютилъ одинъ изъ вашихъ сосѣдей. Мнѣ кажется, мы должны дать амнистію въ этомъ случаѣ. Если не ошибаюсь, это Клэпгемъ, и мы будемъ на станціи „Викторія“ минутъ черезъ десять. Если вамъ угодно выкурить сигару у насъ, полковникъ, я буду радъ сообщить вамъ всѣ дальнѣйшія подробности, которыя могутъ интересовать васъ.

Мёсгрэвскій обрядъ.

Въ характерѣ моего друга Шерлока Холмса меня всегда поражала одна аномалія: самый аккуратный и методическій человѣкъ во всемъ, что касалось умственныхъ занятій, аккуратный и даже, до известной степени, изысканный въ одеждѣ, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ безалаберныхъ людей, которые способны свести съ ума того, кто живетъ въ одной квартирѣ съ ними. Я самъ не могу считать себя безупречнымъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ жизнь въ Афганистанѣ развила мою природную склон-

ность къ бродячей жизни сильнѣе, чѣмъ приличествуетъ медику. Но все-таки моей неаккуратности есть границы, и когда я вижу, что человѣкъ держитъ сигары въ корзинѣ для углей, табакъ — въ носкѣ персидской туфли, а письма, на которыя не дано еще отвѣта, прикалываетъ ножомъ въ самую середину деревянной обшивки камина, то начинаю считать себя добродѣтельнымъ человѣкомъ. Я, напримѣръ, всегда думалъ, что стрѣльба изъ пистолета — занятіе, которому слѣдуетъ предаваться на открытомъ воздухѣ, а Холмсъ, иногда, когда на него находить странное расположеніе духа, сидитъ себѣ, бывало, въ своемъ креслѣ и выпускаетъ дробины въ стѣнку, что, конечно, не служило ни къ украшенію комнаты, ни къ очищенію ея атмосферы.

Наши комнаты всегда бывали полны разными химическими снарядами и вещественными доказательствами, которые часто попадали въ совсѣмъ неподходящія мѣста и оказывались то въ масленкѣ, то тамъ, гдѣ ихъ еще менѣе можно было ожидать. Но самый мой тяжелый крестъ составляли бумаги Холмса. Онъ терпѣть не могъ уничтожать документы, особенно имѣвшіе отношеніе къ дѣламъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, а между тѣмъ разобрать ихъ у него хватало энергіи только разъ въ годъ, а иногда и въ два. Какъ я уже упоминалъ въ моихъ замѣткахъ, набросанныхъ безъ всякой связи, за вспышками страшной энергіи, во время которыхъ онъ занимался дѣлами, давшими ему известность, наступала реакція, когда онъ лежалъ цѣлыми днями на софѣ, погруженный въ чтеніе и игру на скрипкѣ, и поднимаясь только для того, чтобы перейти къ столу. Такимъ образомъ, бумаги накапливались мѣсяць за мѣсяцемъ, и всѣ

углы комнаты бывали набиты связками рукописей, которыхъ нельзя было ни сжечь, ни убрать безъ ихъ владѣльца.

Въ одинъ зимній вечеръ, когда мы сидѣли у камина и онъ только что кончилъ вписывать краткія замѣтки въ свою записную книгу, я рѣшился предложить ему употребить слѣдующіе два часа на приведеніе нашей комнаты въ болѣе жилой видъ. Холмсъ не могъ отрицать справедливости моей просьбы, а потому отправился съ плачевнымъ лицомъ въ свою спальню и вскорѣ вышелъ оттуда, таща за собой большой жестяной ящикъ. Онъ поставилъ его посреди комнаты и, тяжело опустившись на стулъ передъ нимъ, открылъ крышку. Я увидѣлъ, что ящикъ наполненъ до трети связками бумагъ, перевязанныхъ красными тесьмами въ отдѣльные пакеты.

— Много тутъ дѣлъ, Ватсонъ, — проговорилъ онъ, смотря на меня лукавымъ взглядомъ. — Я думаю, если бы вы знали, что лежитъ у меня въ этомъ ящикѣ, вы попросили бы меня вынуть оттуда нѣкоторыя бумаги, вмѣсто того, чтобъ укладывать новыя.

— Это, вѣроятно, замѣтки о вашихъ раннихъ работахъ, — спросилъ я. — Мнѣ часто хотѣлось познакомиться съ ними.

— Да, мой мальчикъ, все это дѣла, совершенныя до появленія возвеличившаго меня біографа.

Нѣжнымъ, ласковымъ движеніемъ онъ вынималъ одну связку за другою.

— Не все здѣсь успѣхи, Ватсонъ, — сказалъ онъ, — но есть и хорошенькія задачки. Вотъ воспоминанія о Тарльтонскомъ убійствѣ, о дѣлѣ виноторговца Вамбери, о приключеніи старухи русской, о

странномъ дѣлѣ алюминиеваго костыля, полный отчетъ о кривоногомъ Риколетти и его ужасной женѣ. А вотъ—ага! — это, дѣйствительно, нѣчто выдающееся.

Онъ опустилъ руку на самое дно ящика и вытащилъ маленькій деревянный ящичекъ съ выдвигающейся крышкой, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ держатъ дѣтскія игрушки. Оттуда онъ вынулъ клочокъ смятой бумаги, старинный мѣдный ключъ, деревянный колышекъ съ привязаннымъ къ нему клубкомъ веревокъ и три ржавыхъ металлическихъ кружка.

— Ну-съ, мой милый, какого вы мнѣнія насчетъ этого? — спросилъ онъ, улыбаясь выраженію моего лица.

— Любопытная коллекція.

— Очень любопытная, а связанная съ ними исторія и того любопытнѣе.

— Такъ у этихъ реликвій есть своя исторія?

— Онѣ сами исторія.

— Что вы хотите сказать этимъ?

Шерлокъ Холмсъ вынулъ всѣ вещи одна за другою и разложилъ ихъ на столѣ. Потомъ онъ сѣлъ на стулъ и окинулъ ихъ довольнымъ взглядомъ.

— Вотъ все, что осталось у меня, какъ воспоминаніе о „Мёсгрэвскомъ обрядѣ“, — сказалъ онъ.

Я не разъ слышалъ, какъ онъ упоминалъ объ этомъ дѣлѣ, но не зналъ его подробностей.

— Какъ бы я былъ радъ, если бы вы рассказали мнѣ все подробно, — сказалъ я.

— И оставилъ бы весь этотъ хламъ неубраннымъ? — съ злорадствомъ проговорилъ Холмсъ. — А гдѣ же ваша хваленая аккуратность, Ватсонъ? Впрочемъ, я буду очень радъ, если вы внесете

этотъ случай въ ваши записки; въ немъ есть нѣкоторые пункты, дѣлающіе его единственнымъ въ уголовной хроникѣ не только нашей, но, я думаю, и всякой другой страны. Коллекція достигнутыхъ мною пустячныхъ успѣховъ не была бы полна безъ отчета объ этомъ странномъ дѣлѣ.

Вы, можетъ-быть, помните, какъ дѣло „Глорій Скоттъ“ и мой разговоръ съ несчастнымъ человѣкомъ, судьбу котораго я рассказалъ вамъ, впервые обратили мое вниманіе на профессію, ставшую дѣломъ моей жизни. Вы видите меня теперь, когда мое имя приобрѣло широкую извѣстность и когда общество и официальная власть признаютъ меня высшей инстанціей въ сомнительныхъ случаяхъ. Даже тогда, когда вы только-что познакомились со мной и описали одно изъ моихъ дѣлъ подъ названіемъ „Этюдъ алой краской“, у меня уже была большая, хотя не особенно прибыльная, практика. Поэтому вы и представить себѣ не можете, какъ было мнѣ трудно пробиться въ жизни.

Когда я приѣхалъ въ Лондонъ, я поселился въ улицѣ Монтэгу, какъ разъ у Британскаго музея. Тутъ я жилъ нѣсколько времени, наполняя свои многочисленные часы досуга изученіемъ тѣхъ отраслей науки, которыя могли понадобиться мнѣ. По временамъ наворачивались дѣла, главнымъ образомъ, по рекомендаціи товарищей-студентовъ, такъ какъ въ послѣдніе годы моего пребыванія въ университетѣ тамъ много говорили обо мнѣ и о моемъ методѣ. Третье изъ этихъ дѣлъ было дѣло о „Мѣсгрэвскомъ обрядѣ“, которому я обязанъ первымъ шагомъ къ моему теперешнему положенію, благодаря возбужденному имъ интересу и важнымъ послѣдствіямъ.

Реджинальдъ Мѣсгрэвъ воспитывался въ одномъ колледжѣ со мной, и я былъ нѣсколько знакомъ съ нимъ. Товарищи не особенно любили его, считая гордецомъ, хотя мнѣ лично всегда казалось, что гордость его была напускная и за ней скрывалась робость и неувѣренность въ своихъ силахъ. Наружность его была чисто-аристократическая: тонкій, прямой носъ, большіе глаза, небрежныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящныя манеры. И дѣйствительно, онъ былъ отпрыскомъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій королевства, хотя и по младшей вѣтви, отдѣлившейся отъ сѣверныхъ Мѣсгрэвовъ въ шестнадцатомъ столѣтіи и поселившейся въ восточномъ Суссексѣ, гдѣ замокъ Херлстонъ является, быть-можетъ, древнѣйшимъ изо всѣхъ обитаемыхъ жилищъ графства. На молодомъ человѣкѣ какъ будто лежалъ отпечатокъ его родины, и всякій разъ, что я глядѣлъ на его блѣдное, умное лицо, на поставъ его головы, передъ моими глазами возставали потемнѣвшіе своды, рѣшетчатыя окна и всѣ особенности феодальнаго жилища. Иногда намъ приходилось разговаривать другъ съ другомъ, и я помню, что онъ всегда выказывалъ живѣйшій интересъ къ моему способу изслѣдованій и выводовъ.

Четыре года я не видѣлъ его, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро онъ вошелъ въ мою комнату на улицѣ Монтэгу. Онъ мало измѣнился, одѣтъ былъ по модѣ—онъ всегда былъ франтомъ—и сохранилъ спокойныя, изящныя манеры, которыми отличался прежде.

— Какъ поживаете, Мѣсгрэвъ?—спросилъ я, обмѣнявшись съ нимъ дружескимъ рукопожатіемъ.

— Вы, вѣроятно, слышали о смерти моего бѣднаго отца?—сказалъ онъ. — Онъ умеръ около двухъ

лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ, само собой разумѣется, пришлось взять на себя управленіе хёрлстонскимъ имѣніемъ, а такъ какъ я вмѣстѣ съ тѣмъ депутатъ отъ своего округа, то дѣла у меня много. Вы же, Холмсъ, какъ я слышалъ, стали при-мѣнять на практикѣ тѣ способности, которымъ мы такъ удивлялись въ былое время.

— Да,—отвѣтилъ я,—я пустилъ мои способности въ дѣло.

— Очень пріятно слышать это, такъ какъ вашъ совѣтъ драгоцѣненъ для меня въ настоящее время. У насъ въ Хёрлстонѣ случились очень странныя вещи, а полиціи не удалось ничего выяснить. Дѣло, дѣйствительно, самое необыкновенное и необъяснимое.

Можете себѣ представить, съ какимъ интересомъ я слушалъ его, Ватсонъ. Наконецъ-то передъ мной былъ тотъ случай, котораго я тщетно ожидалъ въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ бездѣйствія. Въ глубинѣ души я былъ увѣренъ, что могу имѣть успѣхъ тамъ, гдѣ другихъ постигла неудача. Теперь мнѣ представляется случай испытать себя.

— Сообщите мнѣ, пожалуйста, всѣ подробности! — вскрикнулъ я.

Реджинальдъ Мѣсгрэвъ сѣлъ противъ меня и закурилъ папиросу, которую я предложилъ ему.

— Надо вамъ сказать,— началъ онъ,— что хотя я и холостъ, но мнѣ приходится держать въ Хёрлстонѣ значительное количество прислуги, такъ какъ это—старинное помѣстье, требующее большого присмотра. Кромѣ того, во время охоты на фазановъ у меня обыкновенно гостятъ знакомые, такъ что нельзя обойтись малымъ числомъ прислуги. Всего у меня восемь служанокъ, поваръ, дворецкій, два

лакея и мальчикъ. Для сада и для конюшенъ, понятно, есть отдѣльные слуги.

„Изо всей этой прислуги дольше всѣхъ у насъ въ домѣ жилъ Брѣнтонъ, дворецкій. Въ молодости онъ былъ учителемъ, но остался безъ мѣста, и отецъ взялъ его къ себѣ. Это человѣкъ очень энергичный, сильнаго характера и скоро сдѣлался незамѣнимымъ въ нашемъ домѣ. Онъ былъ высокъ, красивъ собой, съ великолѣпнымъ лбомъ, и, хотя служилъ у насъ двадцать лѣтъ, теперь ему не болѣе сорока лѣтъ. Удивительно, что при подобной наружности и выдающихся способностяхъ — онъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ и играетъ чуть ли не на всѣхъ инструментахъ — удивительно, говорю я, что онъ такъ долго довольствовался занимаемымъ имъ положеніемъ. Впрочемъ, я думаю, что ему жилось спокойно, и у него не хватало энергія для какой-либо перемѣны. Хёрлстонскаго дворецкаго помнятъ всѣ, кто гостилъ у насъ.

„Но у этого совершенства былъ, однако, одинъ недостатокъ. Онъ нѣсколько донъ-жуанъ, и вы, конечно, можете себѣ представить, что такому человѣку было не трудно разыгрывать эту роль въ спокойномъ деревенскомъ уголкѣ.

„Пока Брѣнтонъ былъ женатъ, все шло хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣлъ, онъ доставлялъ намъ много хлопотъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы надѣялись было, что онъ остепенится, такъ какъ сдѣлалъ предложеніе Рочель Хоуэльсъ, нашей второй горничной; но вскорѣ онъ бросилъ ее и сталъ ухаживать за Джэнетъ Треджелісъ, дочерью главнаго ловчаго. Рочель,—очень хорошая дѣвушка, но вспыльчивая и впечатлительная, какъ истая уроженка Уэльса,—захворала острымъ вос-

паленіемъ мозга и теперъ бродить по дому, или, по крайней мѣрѣ, бродила до вчерашняго дня, какъ черноглазая тѣнь той дѣвушки, какой была прежде.

„Это—первая наша драма въ Хёрлстонѣ, но вторая заставила насъ забыть о ней. Этой второй драмѣ предшествовало позорное изгнаніе дворцаго Брентона.

„Вотъ какъ это случилось. Я уже говорилъ, что это былъ умный человѣкъ. Умъ и погубилъ его, возбудивъ въ немъ ненасытное любопытство относительно вещей, совершенно его не касавшихся. Я ничего не подозрѣвалъ, пока неожиданный случай не открылъ мнѣ глазъ.

„Однажды ночью на прошлой недѣлѣ—именно въ четвергъ—я никакъ не могъ заснуть, выпивъ, по глупости, послѣ обѣда чашку крѣпкого чернаго кофе. Пробившись кое-какъ до двухъ часовъ ночи и потерявъ всякую надежду, я всталъ и зажегъ свѣчу, намѣреваясь продолжать чтеніе романа, который я началъ днемъ. Книга осталась въ бильярдной, а потому я надѣлъ халатъ и отправился за ней.

„Чтобы попасть въ бильярдную, мнѣ надо было спуститься съ лѣстницы и затѣмъ пройти черезъ коридоръ, который ведетъ въ бібліотеку и комнату, гдѣ хранится оружіе. Можете себѣ представить мое изумленіе, когда, заглянувъ въ коридоръ, я увидѣлъ свѣтъ, выходившій черезъ отворенную дверь бібліотеки. Я самъ погасилъ тамъ лампу и заперъ дверь, когда пошелъ спать. Естественно, что первой моей мыслью было, что въ домъ забрались воры. Коридоры Хёрлстона въ изобиліи украшены всякаго рода старымъ оружіемъ. Я схва-

тилъ первую попавшую сѣкуру, поставилъ свѣчу сзади себя, пробрался на цыпочкахъ по коридору и заглянулъ въ открытую дверь.

„Въ бібліотекѣ оказался дворецкій Брентонъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, держа на колѣняхъ какую-то бумагу, похожую на карту или планъ. Онъ поклонился надъ ней, очевидно, въ глубокомъ раздумьѣ. Я остолбенѣлъ отъ изумленія и молча наблюдалъ за нимъ, стоя въ темнотѣ. При слабомъ свѣтѣ маленькаго огарка, стоявшаго на краю стола, я разглядѣлъ, что Брентонъ вполне одѣтъ. Вдругъ онъ всталъ съ кресла, подошелъ къ бюро, стоявшему въ сторонѣ, отперъ его и выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ. Оттуда онъ вынулъ какую-то бумагу; затѣмъ, вернувшись на мѣсто, положилъ ее на столъ рядомъ съ огаркомъ и сталъ разглядывать съ величайшемъ вниманіемъ. Негодованіе охватило меня при видѣ невозмутимаго спокойствія, съ которымъ онъ разсматривалъ наши фамиліные документы. Я невольно сдѣлалъ шагъ впередъ. Брентонъ поднялъ голову и увидѣлъ, что я стою въ дверяхъ. Онъ вскочилъ на ноги съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и сунулъ за пазуху похожую на карту бумагу, которую онъ такъ внимательно изучалъ.

„— Такъ вотъ какъ вы оправдываете довѣріе, которое мы оказывали вамъ?—сказалъ я.—Завтра вы оставите вашу службу.

„Онъ поклонился съ видомъ совершенно уничтоженнаго человѣка и, молча, проскользнулъ мимо меня. Огарокъ былъ еще на столѣ, и при свѣтѣ его я взглянулъ на бумагу, которую Брентонъ вынулъ изъ бюро. Къ моему изумленію, это оказалось вовсе не важнымъ документомъ, а не чѣмъ

инимъ, какъ копіей вопросовъ и отвѣтовъ, употребляющихся при странномъ, старинномъ обычаѣ, называющемся „Мёсгрэвскимъ обрядомъ“. Это,—видъ особой церемоніи, составляющей особенность нашего рода въ теченіе многихъ вѣковъ и совершаемой каждымъ Мёсгрэвомъ при достиженіи совершеннолѣтія. Этотъ обрядъ имѣетъ частное значеніе и можетъ быть интересенъ развѣ только для археолога, какъ наши гербы и девизы. Практической же пользы изъ него не извлечь*.

— Мы лучше послѣ поговоримъ объ этой бу магѣ,—замѣтилъ я.

— Если вы считаете это необходимымъ,—нѣсколько колеблясь, отвѣтилъ Мёсгрэвъ.—Итакъ, буду продолжать свое показаніе. Я заперъ бюро ключемъ, оставленнымъ Брентономъ, и только что повернулся, чтобъ выйти изъ комнаты, какъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что дворецкій вернулся и стоялъ передо мной.

„— Мистеръ Мёсгрэвъ, сэръ!—вскрикнулъ онъ хриплымъ, взволнованнымъ голосомъ.—Я не могу перенести безчестія. Я всегда былъ гордъ не по положенію, и безчестіе убьетъ меня. Кровь моя падетъ на вашу голову, сэръ, если вы доведете меня до отчаянія. Если вы не можете оставить меня у себя послѣ того, что случилось, то, ради Бога, дайте мнѣ мѣсяць срока, какъ будто я самъ отказался и уйду по своей доброй волѣ. Это я могу перенести, мистеръ Мёсгрэвъ, но мнѣ не перенести, если вы выгоните меня изъ дома на глазахъ всѣхъ, кого я такъ хорошо знаю.

„— Вы не заслуживаете снисхожденія, Брентонъ,—отвѣтилъ я.—Ваше поведеніе въ высшей степени неблагоприятно, но такъ какъ вы долго слу-

жили въ нашей семьѣ, я не хочу порочить васъ публично. Однако мѣсяць—это слишкомъ долгій срокъ. Уѣзжайте черезъ недѣлю подъ какимъ угодно предлогомъ.

„— Черезъ недѣлю, сэръ!—закричалъ онъ въ отчаяніи.—Хоть двѣ недѣли... дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли...

„— Недѣлю! повторилъ я.—И то это еще слишкомъ снисходительно.

„Онъ медленно вышелъ изъ комнаты, опустивъ голову на грудь, какъ нравственно убитый человекъ, а я загасилъ свѣчу и вернулся къ себѣ въ комнату.

„Въ продолженіе двухъ дней послѣ этого случая Брентонъ исполнялъ свои обязанности особенно тщательно. Я не намекалъ на прошедшее и съ нѣкоторымъ любопытствомъ ожидалъ, какъ ему удастся скрыть свой позоръ. Но на третье утро онъ не пришелъ ко мнѣ, какъ обыкновенно, за приказаніями на этотъ день. Выходя изъ столовой, я случайно встрѣтилъ горничную Рочель Хоуэльсъ. Я говорилъ вамъ, что она только-что оправилась отъ болѣзни и теперь была такъ страшно блѣдна и худа, что я побранилъ ее, зачѣмъ она работаетъ.

„— Вамъ слѣдовало бы лежать въ постели,—сказалъ я,—за работу же приметесь, когда выздоровѣете.

„Она взглянула на меня съ такимъ страннымъ выраженіемъ, что у меня въ головѣ мелькнула мысль, не сошла ли она съ ума.

„— Я уже достаточно окрѣпла, мистеръ Мёсгрэвъ,—сказала она.

„— Посмотримъ, что скажетъ докторъ,—отвѣтилъ я.—Теперь же оставьте всякую работу и

когда пойдете внизъ, скажите Брѣнтону, что мнѣ нужно его видѣть.

„— Дворецкій пропаль,—сказала она.

„— Пропаль! Какъ пропаль?

„— Пропаль. Никто не видѣлъ его. Въ его комнатѣ его нѣтъ. О! онъ уѣхаль... уѣхаль...

„Она прислонилась къ стѣнѣ и разразилась громкими криками и рѣзкимъ хохотомъ. Испуганный этимъ внезапнымъ истерическимъ припадкомъ, я бросился къ звонку, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Дѣвушку, продолжавшую рыдать и хохотать, отнесли въ ея комнату, а я справился о Брѣнтонѣ. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ исчезъ. Постель его оказалась не тронутой; никто его не видѣлъ послѣ того, какъ онъ ушелъ вечеромъ къ себѣ въ комнату. Трудно было, однако, догадаться, какъ онъ могъ выйти изъ дому, такъ какъ всѣ окна и двери утромъ были найдены запертыми. Платье, часы и даже деньги Брѣнтона оказались въ комнатѣ; не доставало только черной пары, которую онъ обыкновенно носилъ. Не было также туфель, но сапоги оказались налицо. Куда же могъ дворецкій Брѣнтонъ уйти ночью и что съ нимъ случилось!

„Конечно, мы обыскали весь домъ съ чердака до подвала, но нигдѣ не нашли Брѣнтона. Домъ, какъ я уже говорилъ, представляетъ собою цѣлый лабиринтъ, особенно первоначальная постройка, въ которой, собственно, теперь никто не живетъ; однако мы обыскали каждую комнату, каждую каморку и не нашли и слѣда пропавшаго. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ уйти, оставивъ все свое имущество, а между тѣмъ, гдѣ же онъ могъ быть? Я призвалъ мѣстную полицію, но изъ этого

ничего не вышло. Наканунѣ ночью шелъ дождь, мы осмотрѣли лужайку и аллеи вокругъ дома, но напрасну. Таково было положеніе дѣла, когда новое обстоятельство совершенно отвлекло наше вниманіе отъ первоначальной тайны.

„Два дня Рочель Хоуэльсъ была такъ больна, что пришлось на ночь приставить къ ней сидѣлку. Она то лежала въ забытіи, то впадала въ истерику. На третью ночь послѣ исчезновенія Брѣнтона сидѣлка, видя, что больная заснула спокойно, сама задремала въ креслѣ. Когда она проснулась рано утромъ, то увидѣла, что кровать пуста, окно открыто, а больной и слѣда нѣтъ. Меня тотчасъ же разбудили. Я взялъ съ собой двухъ лакеевъ и отправился искать пропавшую дѣвушку. Не трудно было опредѣлить направленіе, по которому она пошла. Подъ окномъ ясно были видны слѣды, которые шли черезъ лужайку къ пруду, гдѣ они исчезали у песчаной дорожки, ведущей изъ имѣнія. Прудъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ 8 футовъ глубины, и вы можете себѣ представить, что мы почувствовали, когда увидѣли, что слѣдъ несчастной дѣвушки вель прямо къ краю пруда.

„Мы сейчасъ же вооружились баграми и принялись за поиски тѣла, но ничего не нашли. Но зато мы вытащили совершенно ужъ неожиданный предметъ. Холщевый мѣшокъ съ массой заржавленнаго, потерявшаго цвѣтъ металла и тусклыми кусочками кремня или стекла. Эта странная находка была все, что намъ удалось выловить изъ озера, и, несмотря на всѣ поиски и разспросы, мы такъ ничего и не знаемъ о судьбѣ Рочели Хоуэльсъ и Ричарда Брѣнтона. Мѣстная полиція просто и приложить ума

не можетъ, и я пришелъ къ вамъ, какъ къ послѣд-
нему убѣжищу“.

Можете себѣ представить, Ватсонъ, съ какимъ
интересомъ я выслушалъ это необычайное стеченіе
обстоятельствъ, какъ я пытался сопоставить ихъ и
найти общую связь между ними.

Исчезъ дворецкій. Исчезла [горничная. Дѣвушка
любила дворецкаго, но потомъ имѣла причину воз-
ненавидѣть его. Она уроженка Уэльса—страстная,
необузданная. Извѣстно, что немедленно послѣ ис-
чезновенія Брѣнтонъ она была въ страшно возбуж-
денномъ состояніи. Она бросила въ прудъ мѣшокъ
съ какими-то странными предметами. Все это фак-
торы, которые слѣдовало принять во вниманіе, но
они не объясняли сути дѣла. Гдѣ исходная точка
этой цѣпи событій? Только конецъ запутанной цѣпи
лежалъ передо мною.

— Мнѣ нужно взглянуть на бумаги, которыя такъ
заинтересовали вашего дворецкаго, что онъ риск-
нулъ потерять мѣсто,—сказалъ я.

— Въ сущности, этотъ нашъ обрядъ—довольно
большая нелѣпость,—отвѣтилъ Мѣсгрэвъ,—извини-
тельная только благодаря своему старинному про-
исхожденію. Копія отвѣтовъ и вопросовъ у меня
съ собой, такъ что можете взглянуть на нее, если
желаете.

Онъ подаль мнѣ бумагу, которую я держу въ
рукахъ въ настоящую минуту. Вотъ тотъ рядъ
странныхъ вопросовъ, на которые долженъ былъ
давать такіе же странные отвѣты каждый изъ Мѣс-
грэвовъ при достиженіи совершеннолѣтія. Я прочту
вамъ отвѣты и вопросы:

— „Чье оно было?

— Того, кого нѣтъ.

— Чье оно будетъ?

— Того, кто будетъ позже.

— Въ какомъ это было мѣсяцѣ?

— Въ шестомъ, считая съ перваго.

— Гдѣ было солнце?

— Надъ дубомъ.

— Гдѣ лежала тѣнь?

— Подъ вязомъ.

— Сколько сдѣлано шаговъ?

— Къ сѣверу десять и десять; къ западу пять
и пять; къ югу два и два; къ востоку одинъ и
одинъ и потомъ внизъ.

— Что мы должны отдать за это?

— Все, что наше.

— Почему мы должны отдать это?

— Изъ-за довѣрія“.

— На оригиналѣ нѣтъ числа, но, судя по орфо-
графіи, онъ относится къ половинѣ семнадцатаго
столѣтія,—замѣтилъ Мѣсгрэвъ.—Боюсь, что этотъ
документъ мало поможетъ вамъ въ раскрытіи тайны.

— Зато онъ представляетъ собою другую тайну,
и еще болѣе интересную, чѣмъ первая, — сказалъ
я.—Можетъ-быть, раскрытіе одной изъ нихъ повле-
четъ за собой раскрытіе другой. Извините меня,
Мѣсгрэвъ, но долженъ сказать, что вашъ дворецкій
кажется мнѣ очень умнымъ человѣкомъ и болѣе
проницательнымъ, чѣмъ десять поколѣній его гос-
подь.

— Я не понимаю васъ,—отвѣтилъ Мѣсгрэвъ.—
Бумага, по моему мнѣнію, не имѣетъ никакого
практическаго значенія.

— А по-моему, она имѣетъ огромное значеніе,
и мнѣ кажется, что Брѣнтонъ раздѣлялъ мой взглядъ.

Вѣроятно, онъ видѣлъ ее раньше той ночи, когда вы поймали его.

— Очень возможно. Мы не скрывали этого.

— Насколько я понимаю, въ ту ночь, когда вы застали его, онъ просто хотѣлъ освѣжить документъ въ своей памяти. Вы говорили, что у него въ рукахъ была карта или планъ, который онъ сличалъ съ рукописью и который спряталъ въ карманъ при вашемъ появленіи.

— Это вѣрно. Но какое могло ему быть дѣло до нашего стариннаго обычая и что можетъ означать вся эта галиматья?

— Мнѣ кажется, что намъ не трудно будетъ узнать это,—сказалъ я.—Если позволите, мы отправимся съ первымъ поѣздомъ въ Суссексъ и на мѣстѣ поближе познакомимся съ этимъ дѣломъ.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, мы уже были въ Хёрлстонѣ. Можетъ-быть, вамъ приходилось видѣть изображеніе знаменитаго стариннаго зданія или читать описанія его, а потому я ограничусь только упоминаніемъ, что оно имѣетъ форму \square , причемъ болѣе длинная линія представляетъ собой новую часть постройки, а короткая—ядро, изъ котораго развилось все остальное. Надъ низкой входной дверью въ центрѣ стараго зданія въ камнѣ высѣчено „1607“ годъ, но знатоки, судя по характеру деревянной и каменной отдѣлки, считаютъ, что домъ построенъ гораздо раньше этого времени. Поразительно толстыя стѣны и крошечныя окна этой части зданія побудили обитателей его выстроить, въ прошломъ столѣтіи, новое крыло, а старый домъ служить теперь кладовой и погребомъ, и то только въ случаѣ необходимости. Великолѣпный паркъ изъ вѣковыхъ деревьевъ окружаетъ все зданіе, а прудъ,

о которомъ упоминалъ мой кліентъ, лежитъ въ концѣ аллеи, ярдахъ въ двухстахъ отъ дома.

У меня, Ватсонъ, уже не было сомнѣнія въ томъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ была только одна тайна, а не три. Я былъ убѣжденъ, что если бы мнѣ только удалось понять значеніе „Мёсгрэвскаго обряда“, то въ рукахъ у меня оказалась бы путеводная нить, которая привела бы меня къ открытію истины о дворцкомъ Брентонѣ и горничной Хоуэльсъ. Поэтому-то я и рѣшилъ приложить всѣ свои старанія къ тому, чтобъ узнать, почему Брентонъ стремился изучить старинную формулу. Очевидно, потому, что замѣтилъ то, что ускользнуло отъ вниманія цѣлаго ряда поколѣній помѣщиковъ и что обѣщало ему какія-то личныя выгоды. Что же это было и какъ оно повліяло на его судьбу?

При чтеніи „обряда“ мнѣ стало вполне ясно, что измѣренія относятся къ какому-нибудь мѣсту, о которомъ упоминается въ документѣ, и что если бы намъ удалось найти это мѣсто, мы попали бы на слѣдъ тайны, которую предки Мёсгрэвовъ нашли нужнымъ облечь въ такую странную форму. Для начала намъ были даны два проводника—дубъ и вязъ. Что касается дуба, то найти его было очень легко. Прямо передъ домомъ, по лѣвую сторону дороги, ведущей къ подѣзду, стоялъ патриархъ между дубами—одно изъ великолѣпнѣйшихъ деревьевъ, какихъ мнѣ когда-либо доводилось видѣть.

— Существовалъ этотъ дубъ во время составленія вашего „обряда“?—спросилъ я, когда мы проѣзжали мимо.

— Онъ стоялъ здѣсь, вѣроятно, во время завоеванія Англии норманнами,—отвѣтилъ Мёсгрэвъ.— Онъ имѣетъ 23 фута въ обхватѣ.

Итакъ, одно изъ моихъ предположеній оказывалось вѣрнымъ.

— Есть у васъ старые вязы?—спросилъ я.

— Вотъ тамъ стоялъ очень старый вязъ, но десять лѣтъ тому назадъ его разбило молніей, и мы спилили его стволъ.

— Вы можете найти это мѣсто, гдѣ стояло это дерево?

— О, да.

— Другихъ вязовъ нѣтъ?

— Старыхъ нѣтъ, но много молодыхъ.

— Мнѣ бы хотѣлось видѣть мѣсто, гдѣ росъ этотъ вязъ.

Мы пріѣхали въ шарабанѣ, и мой кліентъ тотчасъ же, не заходя въ домъ, повелъ меня на опушку лужайки, гдѣ стоялъ прежде вязъ—почти на половинѣ пути между дубомъ и домомъ. Мои изслѣдованія, повидимому, шли успѣшно.

— Я полагаю, невозможно опредѣлить высоту этого вяза?—спросилъ я.

— Могу сразу отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ былъ высотой въ 64 фута.

— Какимъ образомъ вы знаете это?—съ удивленіемъ спросилъ я.

— Когда мой старый учитель давалъ мнѣ, бывало, задачу по тригонометрії, то она всегда касалась измѣренія вершинъ. Мальчикомъ я измѣрилъ каждое дерево и каждое строеніе въ нашемъ помѣстьѣ.

Это была совершенно неожиданная удача. У меня уже оказывалось больше данныхъ, чѣмъ я могъ ожидать за такое короткое время.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ я, — вашъ

дворецкій не предлагалъ вамъ никогда подобнаго вопроса?

Реджинальдъ Мёсгрэвъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня.

— Теперь, когда вы напомнили объ этомъ, я дѣйствительно припоминаю, что Брентонъ спрашивалъ меня нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о высотѣ этого дерева. Они съ шумомъ поспорили изъ-за этого.

Можете себѣ представить, Ватсонъ, какъ пріятно мнѣ было слышать эти слова. Вѣдь такимъ образомъ оказывалось, что я на вѣрномъ пути. Я взглянулъ на солнце. Оно стояло низко на небѣ, и я рассчиталъ, что менѣе чѣмъ черезъ часъ оно будетъ стоять какъ разъ надъ вершиной стараго дуба. Тогда было бы исполнено одно изъ условій, упомянутыхъ въ „обрядѣ“. А тѣнь отъ вяза должна была означать крайнюю точку тѣни, иначе говорилось бы о тѣни отъ ствола. Значитъ, мнѣ слѣдовало опредѣлить, куда падетъ конецъ тѣни отъ вяза, когда солнце станетъ какъ разъ надъ дубомъ.

— Вѣдь это же трудно было сдѣлать, Холмсъ, когда вяза уже не существовало.

— Я зналъ только одно: если Брентонъ могъ сдѣлать это, то могу и я. Къ тому же это было вовсе не такъ трудно. Я пошелъ съ Мёсгрэвомъ въ его кабинетъ и сдѣлалъ колышекъ изъ дерева, къ которому привязалъ длинную веревку съ узломъ на каждомъ ярдѣ. Затѣмъ я взялъ удочку въ шесть футовъ и пошелъ со своимъ кліентомъ къ тому мѣсту, гдѣ прежде стоялъ вязъ. Солнце какъ разъ освѣщало вершину дуба. Я воткнулъ колышекъ въ землю, намѣтилъ направленіе тѣни и измѣрилъ ее. Она оказалась длиною въ 9 футовъ.

Теперь нужно сдѣлать самое пустяжное вычисленіе. Если удочка въ шесть футовъ отбрасываетъ тѣнь въ 9 фут., то дерево въ 64 фут. высоты даетъ тѣнь въ 96 фут., а направленіе обоихъ должно быть, понятно, одинаковое. Я вымѣрилъ разстояніе и дошелъ почти къ стѣнѣ дома, гдѣ я воткнулъ въ землю свой колышекъ. Можете себѣ представить мой восторгъ, Ватсонъ, когда въ двухъ дюймахъ отъ этого мѣста я увидѣлъ въ землѣ воронкообразное углубленіе. Я понялъ, что это отмѣтка, сдѣланная Брѣнтономъ при его измѣреніяхъ, и что, слѣдовательно, я иду по его слѣдамъ.

Я началъ отсчитывать шаги отъ этой точки, опредѣливъ предварительно страны свѣта съ помощью компаса. Десять шаговъ, сдѣланные каждой ногой, пришлось параллельно стѣнѣ дома. Тутъ я опять отмѣтилъ колышкомъ точку, на которой остановился. Затѣмъ я тщательно отмѣрилъ пять шаговъ къ востоку и два къ югу и очутился прямо у порога стараго дома. Два шага къ западу означали, что мнѣ слѣдовало сдѣлать два шага по выложенному плитами коридору — и я стоялъ на мѣстѣ, указанномъ „обрядомъ“.

Никогда въ жизни не приходилось мнѣ испытывать такого сильнаго разочарованія, Ватсонъ. Одно мгновеніе мнѣ казалось, что въ мои вычисленія вкралась какая-то основная ошибка. Лучи заходящаго солнца падали прямо на коридоръ, и я ясно видѣлъ, что старце, вытоптаные камни, которыми онъ былъ вымощенъ, плотно спаяны цементомъ и не сдвигались съ мѣста уже много лѣтъ. Брѣнтонъ не дотрогивался до нихъ. Я постучалъ по полу, но звукъ вездѣ былъ одинаковъ, и нигдѣ не было замѣтно ни трещины, ни пробоины. Къ счастью Мѣс-

грэвъ, который понялъ смыслъ моихъ поступковъ и волновался не менѣе меня, вынулъ рукопись, чтобы провѣрить мои вычисленія.

— И внизъ! — закричалъ онъ. — Вы пропустили „и внизъ“!

Я думалъ, что эти слова означали, что намъ придется рыть землю, но теперь увидѣлъ, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

— Такъ тамъ есть подвалъ? — крикнулъ я.

— Да, такой же старый, какъ и домъ. Сюда, черезъ эту дверь.

Мы спустились по витой каменной лѣстницѣ, и мой товарищъ, чиркнувъ спичку, зажегъ большой фонарь, стоявшій на боченкѣ въ углу. Въ ту же минуту мы убѣдились, что попали въ настоящее мѣсто и что кто-то побывалъ тутъ раньше насъ.

Подвалъ служилъ складомъ для дровъ, но полъня, очевидно, прежде покрывавшія весь полъ, теперь были сложены по сторонамъ такъ, что по срединѣ образовался свободный проходъ. Въ этомъ проходѣ лежала большая тяжелая плита съ заржавленнымъ желѣзнымъ кольцомъ посрединѣ, къ которому былъ привязанъ толстый шерстяной шарфъ.

— Клянусь Юпитеромъ! — вскрикнулъ Мѣсгрэвъ, — это шарфъ Брѣтона. Я видѣлъ его на немъ и готовъ поклясться въ этомъ. Что дѣлалъ тутъ этотъ негодяй?

По моему предложенію вызвали двухъ полицейскихъ, и, въ ихъ присутствіи, я попытался поднять плиту, таща за шарфъ. Я могъ только слегка приподнять ее и только съ помощью одного изъ констэблей мнѣ удалось отодвинуть ее въ сторону. Передъ нами зіяла глубокая черная яма. Мы всѣ

смотрѣли въ нее. Мѣсгрэвъ сталь на колѣни и опустил фонарь.

Передъ нами открылось темное помѣщеніе около семи футовъ въ глубину и футовъ четырехъ въ квадратѣ. У одной стѣны его стоялъ низкій деревянный сундукъ, окованный мѣдью, съ поднятой крышкой, въ которой торчалъ ключъ странной старинной формы. Снаружи ящикъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ пыли, а сырость и черви проѣли дерево, на которомъ виднѣлись кучки грибовъ. Нѣсколько металлическихъ кружковъ, повидимому, старинныхъ монетъ — вотъ такихъ, какія вы видите у меня въ рукѣ — валялось на днѣ сундука, но больше тамъ ничего не было.

Но въ это время мы совершенно забыли и думать о сундукѣ: наши взоры приковались къ тому, что мы увидели рядомъ съ нимъ. То была фигура человѣка, одѣтаго въ черный костюмъ, сидѣвшаго на корточкахъ, положивъ голову на край сундука и охвативъ его обѣими руками. Отъ такой позы вся кровь прилила ему къ головѣ, и никто не могъ бы узнать чертъ этого искаженного, посинѣвшаго лица; но когда мы приподняли тѣло, то мистеръ Мѣсгрэвъ по росту, одеждѣ и волосамъ призналъ въ немъ своего бывшего дворецкаго. Брѣнтонъ умеръ уже нѣсколько днѣй тому назадъ, но на тѣлѣ не было замѣтно ни раны, ни какого-либо поврежденія, которыя могли бы указать причину его страшной смерти. Тѣло вынесли изъ погреба, а мы снова остались передъ загадкой, почти такой же ужасной, какъ та, съ которой мы встрѣтились впервые.

Признаюсь, Ватсонъ, что я началъ сомнѣваться въ успѣхъ моихъ розысковъ, я думалъ, что раз-

рѣшу загадку, какъ только найду мѣсто, указанное въ „обрядѣ“. Но вотъ я стоялъ на этомъ мѣстѣ и, повидимому, былъ такъ же далекъ, какъ прежде, отъ рѣшенія, что скрывалось такъ тщательно семей Мѣсгрэвовъ. Правда, что я пролилъ свѣтъ на судьбу Брѣнтонна, но теперь слѣдовало установить, какимъ образомъ эта судьба постигла его и какую роль играла во всей этой исторіи исчезнувшая женщина. Я присѣлъ на боченокъ въ углу и сталь обдумывать все, что случилось.

Вы знаете, Ватсонъ, мой методъ: въ подобнаго рода случаяхъ я ставлю себя на мѣсто даннаго человѣка и, выяснивъ себѣ предварительно степень его развитія, пробую представить, какъ бы я дѣйствовалъ на его мѣстѣ. Въ данномъ случаѣ дѣло облегчалось тѣмъ, что Брѣнтонъ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ недюжиннаго ума. Онъ зналъ, что дѣло идетъ о какой-то драгоценности. Онъ нашель мѣсто. Онъ увидѣлъ, что плита, закрывающая входъ въ подвалъ, слишкомъ тяжела для того, чтобы ее могъ сдвинуть одинъ человѣкъ. Что же ему оставалось дѣлать? Онъ не могъ получить помощи отъ постороннихъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы ему удалось найти кого-нибудь, кто согласился бы помочь ему и кому бы онъ могъ вполне довѣриться, ему угрожала опасность попасться, когда ему пришлось бы впустить своего сообщника. Лучше было найти себѣ помощника въ домѣ. Но кого? Къ кому могъ онъ обратиться? Эта дѣвушка любила его. Мужчинѣ всегда трудно представить себѣ, что онъ окончательно лишился любви женщины, какъ бы дурно онъ ни поступилъ съ ней. Вѣроятно, Брѣнтонъ снова полюбезничалъ съ Хоуэлсомъ, чтобы помириться съ ней, а затѣмъ сдѣ-

латъ ее своей сообщницей. Они, должно-быть, вмѣстѣ пришли ночью въ погребъ и соединенными силами подняли плиту. До этой минуты ихъ дѣйствія такъ ясно представлялись мнѣ, какъ будто я самъ присутствовалъ при нихъ.

Однако, поднять плиту было дѣломъ труднымъ для двухъ лицъ, изъ которыхъ, къ тому же, одна была женщина. Нелегко это было и для насъ—дюжого суссэкскаго полицейскаго и меня. Что же они могли выдумать, чтобы помочь себѣ? Вѣроятно, то же, что сдѣлалъ бы я самъ. Я всталъ и внимательно осмотрѣлъ разбросанныя по полу полѣнья и почти сразу убѣдился въ основательности моего предположенія. На одномъ полѣнѣ, длиной около 3 футовъ, явственно виднѣлась выемка, а нѣсколько другихъ были сплющены съ боковъ, какъ будто сжатая какою-то тяжестью. Очевидно, приподнявъ плиту, они стали совать одно полѣно за другимъ, пока не образовалось отверстіе настолько большое, что они могли пролѣзть въ него; тогда они положили одно полѣно вдоль отверстія; этимъ и объясняется выемка на его нижнемъ концѣ, такъ какъ плита придавливала его своей тяжестью къ противоположному краю щели. До сихъ поръ все было ясно для меня.

Теперь какимъ образомъ возстановить ночную драму? Очевидно, въ яму спустился только одинъ человѣкъ, и именно Брѣнтонъ. Дѣвушка должна была ожидать его наверху. Брѣнтонъ отперъ сундукъ и, надо полагать, передалъ найденныя имъ вещи сообщницѣ, такъ какъ въ сундукъ вещей не оказалось. А потомъ? Что случилось потомъ?

Вспыхнула ли яркимъ огнемъ жажда мести, тлѣвшая въ душѣ страстной кельтской женщины,

когда она увидѣла въ своей власти человѣка, сдѣлавшаго ей зло... можетъ-быть, большее, чѣмъ подозревали окружающіе. Случайно ли подались полѣнья и плита закрыла входъ въ подвалъ, который сталъ могилой Брѣнтона? Или рѣзкимъ движеніемъ руки она отбросила опору, и плита рухнула на свое мѣсто? Какъ бы то ни было, мнѣ казалось, что я вижу лицо женщины, судорожно сжимающей найденное сокровище и въ безумномъ ужасѣ бѣгущей по винтовой лѣстницѣ, между тѣмъ какъ въ ея ухахъ раздавались снизу глухіе крики и яростные удары въ плиту заживо погребеннаго невѣрнаго любовника.

Итакъ, вотъ тайна ея блѣдности, ея нервнаго состоянія и истерическаго хохота на слѣдующее утро. Но что же было въ сундукѣ? Куда она дѣвала вещи? Вѣроятно, то были обломки металла и кремней, вытасченные изъ озера моимъ кліентомъ. Она бросила ихъ при первомъ удобномъ случаѣ, чтобы скрыть послѣдніе слѣды своего преступленія.

Минуть двадцать я просидѣлъ, не двигаясь, обдумывая происшедшее. Мѣсгрэвъ, весь блѣдный, продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ, раскачивая фонарь и смотря внизъ въ яму.

— Это монеты Карла I,—сказалъ онъ, взявъ нѣсколько кружковъ, оставшихся въ сундукѣ.—Вы видите, мы вѣрно опредѣлили время учрежденія „обряда“.

— Можетъ-быть, мы найдемъ еще что-нибудь, оставшееся отъ Карла I,—вскрикнулъ я. Внезапно мнѣ показалось, что я понялъ значеніе двухъ первыхъ вопросовъ „обряда“. — Дайте мнѣ взглянуть на вещи въ мѣшкѣ, который вы вытащили изъ пруда.

Мы пошли въ кабинетъ, и онъ разложилъ передъ мной обломки. Я понялъ, почему онъ не придалъ имъ никакого значенія: металлъ былъ почти черный, а камни тусклые и безцвѣтные. Я потерялъ одинъ изъ нихъ о рукавъ, и онъ засверкалъ у меня на ладони, словно искра. Одна изъ металлическихъ вещей имѣла видъ двойного кольца, но сильно поломаннаго, такъ, что оно потеряло свою первоначальную форму.

— Вамъ не мѣшаетъ припомнить, что королевская партія существовала въ Англіи и послѣ смерти короля, а когда его приверженцамъ пришлось, наконецъ, бѣжать изъ страны, они, вѣроятно, спрятали куда-нибудь многія изъ своихъ драгоценностей, намѣреваясь вернуться за ними въ болѣе мирныя времена.

— Мой предокъ, сэръ Ральфъ Мёсгрэвъ, былъ ярымъ приверженцемъ Карла II и сопровождалъ короля во всѣхъ его скитаніяхъ, — сказалъ мой другъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ! — замѣтилъ я. — Ну, это обстоятельство доставляетъ послѣднее, недостающее намъ звено. Я долженъ поздравить васъ со вступленіемъ въ обладаніе (хотя и очень трагическимъ образомъ) реликвіи, имѣющей большую цѣнность, но еще большее историческое значеніе.

— Что же это такое? — задыхаясь отъ изумленія, проговорилъ онъ.

— Не болѣе, не менѣе, какъ древняя корона английскихъ королей.

— Корона!

— Именно. Обратите вниманіе на слова „обряда“. Что тамъ говорится? „Чье оно было“. — „Того, кого нѣтъ“. Это послѣ казни Карла. Затѣмъ: „Чье

оно будетъ“. — „Того, кто будетъ позже“. Это говорилось о Карлѣ II, восшествіе на престолъ котораго предвидѣлось заранѣе. По-моему, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это изломанная, потерявшая всякую форму діадема украшала нѣкогда головы королей изъ дома Стюартовъ.

— А какъ она попала въ прудъ?

— Это вопросъ, для отвѣта на который требуется нѣсколько времени, и я изложилъ ему всю длинную цѣпь предположеній и доказательствъ, развитую мною. Уже стемнѣло и луна ярко сіяла на небѣ, прежде чѣмъ я окончилъ свой рассказъ.

— Какъ же случилось, что Карлъ не получилъ своей короны обратно, когда вернулся? — спросилъ Мёсгрэвъ, кладя корону въ холщевой мѣшокъ.

— Ахъ, это вопросъ, который, вѣроятно, никогда не будетъ выясненъ вполне. Повидимому, вашъ предокъ, знавшій эту тайну, умеръ, не объяснивъ почему-то своему потомку значенія оставленнаго имъ документа. Съ того времени и до сихъ поръ документъ переходилъ отъ отца къ сыну, пока, наконецъ, не попалъ въ руки человѣка, сумѣвшего понять тайну и потерявшего жизнь при попыткѣ добыть спрятанное сокровище.

Вотъ исторія „Мёсгрэвскаго обряда“, Ватсонъ. Корона и до сихъ поръ въ Хёрлстонѣ, хотя владѣльцамъ пришлось имѣть дѣло съ судомъ и уплатить значительную сумму денегъ для того, чтобы оставить ее у себя. Я увѣренъ, что, если вы упомянете мое имя, они покажутъ вамъ эту корону. Объ исчезнувшей дѣвушкѣ никто ничего не слышалъ; вѣроятно, она бѣжала изъ Англіи и унесла воспоминанія о своемъ преступленіи въ далекіе края.

Рейгэтскіе помѣщики.

Прошло не мало времени, прежде чѣмъ здоровье моего друга, м-ра Шерлока Холмса, вполне поправилось послѣ его напряженной дѣятельности весной 1887 г. Вопросъ о нидерландско-суматрской компаніи и колоссальныхъ планахъ барона Мопертю еще слишкомъ живъ въ памяти публики и слишкомъ интимно связанъ съ политическими и финансовыми вопросами для того, чтобы касаться его въ этихъ очеркахъ. Однако, слѣдствіемъ его, косвеннымъ образомъ, было появленіе странной, сложной задачи, разрѣшеніе которой дало моему другу возможность ввести новое оружіе въ число употребившихся имъ во время его продолжительной борьбы съ преступленіями.

Въ моихъ замѣткахъ упоминается, что 14-го апрѣля я получилъ телеграмму изъ Ліона, извѣщающую меня, что Холмсъ лежитъ больной въ гостиницѣ Дюлонъ. Спустя сутки я уже стоялъ у его постели и съ облегченіемъ убѣдился, что симптомы его болѣзни не представляли ничего опаснаго. Однако, и его желѣзное сложеніе не выдержало напряженнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во время слѣдствія, продолжавшагося два мѣсяца. За этотъ періодъ онъ работалъ не менѣе пятнадцати часовъ въ сутки, а иногда, какъ онъ признался мнѣ, и по пяти сутокъ безъ отдыха. Блистательный исходъ дѣла не могъ предотвратить реакціи, послѣдовавшей за крайнимъ напряженіемъ силъ, и въ то время, когда имя его гремѣло по всей Евро-

пѣ, а комната, въ которой онъ лежалъ, была положительно завалена поздравительными телеграммами, я нашель его въ полномъ упадкѣ духа. Даже сознаніе, что онъ добился успѣха въ дѣлѣ, съ которымъ не могла справиться полиція трехъ государствъ, и перехитрилъ самаго искуснаго мошенника Европы, не могло вывести его изъ нервной простраціи.

Черезъ три дня мы вмѣстѣ вернулись въ улицу Бэкеръ, но ясно было, что моему другу нужна перемѣна мѣста да и мнѣ мысль провести недѣльку, другую въ деревнѣ казалась очень привлекательной. Мой старинный пріятель, полковникъ Хэйтеръ, котораго я лѣчилъ въ былое время въ Афганистанѣ, жилъ теперь близъ Рейгэта въ Сэрреѣ и не разъ приглашалъ меня погостить у него. Въ послѣдній разъ онъ писалъ, что былъ бы радъ, если бы мой другъ пріѣхалъ со мной. Пришлось пустить въ ходъ разныя дипломатическія уловки, но когда Холмсъ узналъ, что мой пріятель—холостякъ и что гостямъ его предоставляется полная свобода, онъ согласился принять предложеніе и черезъ недѣлю послѣ нашего возвращенія изъ Ліона мы уже сидѣли подъ гостепріимной кровлей полковника. Хэйтеръ былъ славный старый солдатъ, много видавшій на своемъ вѣку, и, какъ я и ожидалъ, у нихъ съ Холмсомъ нашлось много общаго.

Вечеромъ въ день нашего пріѣзда мы всѣ сидѣли въ кабинетѣ полковника, стѣны котораго украшены были оружіемъ. Холмсъ лежалъ на диванѣ, а Хэйтеръ и я пересматривали небольшой запасъ оружія.

— Между прочимъ, — вдругъ сказалъ полковникъ Аристократъ-холостякъ.

никъ,—я возьму къ себѣ наверхъ одинъ изъ этихъ пистолетовъ на случай тревоги.

— Тревоги!—сказалъ я.

— Да, недавно тутъ у насъ былъ переполохъ. Въ прошлый понедѣльникъ напали на домъ одного изъ нашихъ магнатовъ, Эктона. Покража не велика, но воровъ еще не удалось поймать.

— А слѣдовъ никакихъ?—спросилъ Холмсъ, взглядывая на полковника.

— Никакихъ. Но дѣло это пустяшное, одно изъ мелкихъ преступленій, обычныхъ въ нашей мѣстности, слишкомъ ничтожныхъ для того, чтобы заинтересовать васъ, м-ръ Холмсъ, послѣ знаменитаго международнаго дѣла.

Холмсъ сдѣлалъ знакъ рукою, какъ бы отстранить комплиментъ, но по улыбкѣ было видно, что он доволенъ имъ.

— Были въ дѣлѣ какія-нибудь интересныя подробности?

— Кажется, нѣтъ. Воры обшарили библіотекъ, но получили очень мало за свой трудъ. Все там перевернуто вверхъ дномъ, шкафы открыты и ошарены, а исчезли только одинъ разрозненный томъ Гомера въ переводѣ Попа, два подсвѣчника и кладнаго серебра, пресспапье изъ слоновой кости, маленькій дубовый термометръ и пучокъ веревки.

— Что за странный подборъ вещей!—замѣтилъ

— О, молодцы, очевидно, схватили, что имъ и палось подъ руку.

Холмсъ проворчалъ что-то себѣ подъ носъ.

— Мѣстная полиція должна бы заняться этимъ, сказалъ онъ.—Вѣдь очевидно, что...

Но я погрозилъ ему.

— Вы здѣсь для отдыха, мой милый. Ради Бога,

не выдумывайте себѣ новой работы, когда у васъ нервы такъ издерганы.

Холмсъ, съ видомъ комической покорности, взглянулъ на полковника, и разговоръ перешелъ на менѣе опасныя темы.

Однако, судьба рѣшила, чтобы вся моя профессиональная осторожность пропала даромъ, потому что на слѣдующее утро дѣло явилось передъ нами въ такомъ видѣ, что его нельзя было игнорировать, и наше посѣщеніе деревни приняло совершенно неожиданный оборотъ. Мы сидѣли за завтракомъ, когда въ столовую вдругъ вбѣжалъ дворецкій съ совершенно растеряннымъ видомъ.

— Вы слышали новость, сэръ?—задыхаясь, проговорилъ онъ.—Слышали, что случилось у Кеннингэмовъ, сэръ?

— Воровство?—крикнулъ полковникъ, не донесая до рта чашку съ кофе.

— Убийство!

Полковникъ свистнулъ.

— Чортъ возьми!—проговорилъ онъ.— Кто же убить? Самъ мировой или сынъ?

— Ни тотъ, ни другой, сэръ. Убить Вильямъ, кучеръ. Въ самое сердце... и слова ни сказалъ.

— Кто же убилъ его?

— Разбойникъ, сэръ. Выскочилъ, какъ стрѣла, и слѣдъ его простылъ. Онъ только-что влѣзъ въ окно кладовой, какъ Вильямъ бросился на него и поплатился жизнью, спасая имущество своего господина.

— Когда?

— Вчера ночью, сэръ, около полуночи.

— А! Ну, такъ мы сейчасъ отправимся туда,—сказалъ полковникъ, хладнокровно принимаясь

опять за завтракъ. — Скверная исторія, — прибавилъ онъ, когда дворецкій вышелъ изъ комнаты. — Старикъ Кеннингэмъ — одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ помѣщиковъ и весьма порядочный человѣкъ. Это убійство страшно поразить его, потому что кучеръ жилъ у него много лѣтъ и былъ хорошей слуга. Очевидно, это тѣ же негодяи, которые забрались въ Эктонъ.

— И украли такую странную коллекцію? — задумчиво сказалъ Холмсъ.

— Вотъ именно.

— Гмъ! Можетъ-быть, дѣло окажется совершенно простое, но на первый взглядъ оно все же любопытно, не правда ли? Шайка воровъ, дѣйствующая въ извѣстной мѣстности, могла бы нѣсколько разнобразить свои похождения и не нападать въ теченіе нѣсколькихъ дней на два дома въ одномъ округѣ. Когда вчера вечеромъ вы заговорили о предосторожностяхъ, я помню, что мнѣ пришла въ голову мысль, что едва ли какой-либо воръ или воры обратятъ вниманіе на эту мѣстность Англии. Оказывается, однако, что мнѣ слѣдуетъ еще многому поучиться.

— Я думаю, это какой-нибудь мѣстный профессиональ, — сказалъ полковникъ. — Въ такомъ случаѣ онъ, понятно, выбралъ помѣстья Эктона и Кеннингэма, какъ самыя большія.

— И богатія?

— Должны бы быть самыми богатыми; но въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они вели процессъ другъ съ другомъ, который, какъ я полагаю, высосалъ соки изъ обоихъ. У стараго Эктона есть какое-то право на половину имѣнія Кеннингэма, и адвокаты ухватились за это дѣло обѣими руками.

— Если это какой-нибудь мѣстный негодяй, то поймать его не трудно, — зѣвая, проговорилъ Холмсъ. — Хорошо, Ватсонъ, я не стану мѣшаться въ это дѣло.

— Инспекторъ Форрестеръ, сэръ, — проговорилъ дворецкій, растворяя двери.

Въ комнату вошелъ франтоватый молодой человѣкъ съ умнымъ лицомъ.

— Здравствуйте, полковникъ, — сказалъ онъ. — Извините, что помѣшалъ, но мы слышали, что здѣсь м-ръ Шерлокъ Холмсъ изъ улицы Бэкеръ.

Полковникъ указалъ на моего друга. Инспекторъ поклонился.

— Мы думали, что, можетъ-быть, вы согласитесь пойти съ нами, м-ръ Холмсъ.

— Судьба, положительно, противъ васъ, Ватсонъ, — со смѣхомъ сказалъ мой пріятель. — Мы только-что говорили объ этомъ дѣлѣ, инспекторъ. Можетъ-быть, вы сообщите намъ нѣсколько подробностей.

По тому, какъ онъ откинулся на спинку кресла, я увидѣлъ, что всѣ мои увѣщанія будутъ напрасны.

— Въ дѣлѣ Эктона у насъ не было никакихъ данныхъ. Въ этомъ же ихъ очень много, и нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ случаяхъ участвовала одна и та же личность. Человѣка этого видѣли.

— А!

— Да, сэръ. Но онъ убѣжалъ съ быстротой лани, послѣ того, какъ выстрѣлилъ въ бѣднаго Вильяма Кирвана. М-ръ Кеннингэмъ видѣлъ его изъ окна спальни, а м-ръ Алексъ Кеннингэмъ — съ чернаго хода. Тревога поднялась въ три четверти двѣнадцатаго. М-ръ Кеннингэмъ только-что легъ въ постель, а м-ръ Алексъ, уже въ халатѣ, курилъ труб-

ку. Они оба слышали, какъ кучеръ Вильямъ звалъ на помощь, и м-ръ Алекъ бросился внизъ узнать, что случилось. Дверь чернаго хода была отперта, и внизу лѣстницы онъ увидѣлъ двухъ человѣкъ, борющихся другъ съ другомъ. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ, другой упалъ, и убійца бросился въ садъ и перескочилъ черезъ заборъ. М-ръ Кеннингэмъ, выглянувъ изъ окна спальни, видѣлъ, какъ онъ добѣжалъ до дороги, но затѣмъ потерялъ его изъ виду. М-ръ Алекъ нагнулся, чтобы посмотрѣть, нельзя ли помочь умирающему, а негодяй тѣмъ временемъ убѣжалъ. Мы знаемъ только, что это человѣкъ средняго роста, одѣтый въ темную одежду, усердно разыскиваемъ его и надѣемся скоро найти, такъ какъ онъ здѣсь чужой.

— Что дѣлалъ Вильямъ тамъ? Говорилъ онъ что-нибудь передъ смертью?

— Ни слова. Онъ жилъ въ сторожкѣ съ матерью, и такъ какъ былъ очень преданный малый, то мы думаемъ, что онъ пришелъ въ домъ взглянуть, все ли тамъ въ порядкѣ. Понятно, что происшествіе въ помѣстьѣ Эктона заставило всѣхъ быть насторожѣ. Разбойникъ, должно-быть, только-что взломалъ дверь—замокъ оказался сломаннымъ, когда Вильямъ бросился на него.

— Не сказали ли Вильямъ чего-нибудь матери, когда уходилъ изъ дома?

— Она очень стара и глуха, и мы ничего не можемъ добиться отъ нея. Она чуть съ ума не сошла отъ постигшаго ее удара, да и прежде, кажется, не отличалась умомъ. Но у насъ въ рукахъ есть одна замѣчательная вещь. Взгляните, пожалуйста, на это!

Онъ вынулъ маленькій клочокъ бумаги изъ записной книги и разложилъ его на колѣняхъ.

— Вотъ что найдено въ рукѣ убитаго. Повидимому, что это клочокъ, оторванный отъ цѣлаго листа бумаги. Замѣтите, что обозначенное тутъ время какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, когда убили бѣднягу Вильяма. Вы видите, что или убійца вырвалъ отъ него остальную листъ, или, наоборотъ, Вильямъ вырвалъ этотъ клочекъ изъ рукъ убійцы. Дѣло идетъ какъ будто о свиданіи.

Холмсъ взялъ клочокъ бумаги, факсимиле котораго приведено здѣсь.

въ три четверти двѣнадцатаго
узнаете кое-что,
можетъ быть

— Если признать это за назначеніе свиданія, — продолжалъ инспекторъ, — то, конечно, можно предположить, что Вильямъ Кирванъ, хотя и пользовался репутаціей честнаго человѣка, состоялъ въ заговорѣ съ воромъ. Онъ могъ встрѣтиться съ нимъ, помочь ему даже взломать дверь, а затѣмъ между ними могла произойти ссора.

— Это чрезвычайно интересный отрывокъ, — сказалъ Холмсъ, разматривая его съ большимъ вниманіемъ. — Дѣло-то оказывается гораздо сложнѣе, чѣмъ я думалъ, — прибавилъ онъ, опуская голову на руки. Инспекторъ улыбался впечатлѣнію, произведенному этимъ дѣломъ на знаменитаго лондонскаго спеціалиста.

— Ваше послѣднее предположеніе о возможности соглашенія между воромъ и кучеромъ и о томъ, что этотъ клочокъ представляетъ собой отрывокъ

письма одного изъ нихъ, остроумно и не лишено вѣроятія,—заговорилъ, наконецъ, Холмсъ. — Но эта записка открываетъ...

Онъ снова опустилъ голову на руки и сидѣлъ нѣсколько минутъ, погруженный въ глубокое раздумье. Когда онъ поднялъ голову, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что румянецъ игралъ у него на щекахъ, а глаза блестѣли, какъ до болѣзни. Онъ вскочилъ на ноги съ прежней энергіей.

— Знаете что!—сказалъ онъ.—Мнѣ бы хотѣлось хорошенько и спокойно заняться подробностями этого дѣла. Въ немъ есть что-то чрезвычайно привлекательное для меня. Если позволите, полковникъ, я оставлю васъ съ моимъ другомъ Ватсономъ и пройду съ инспекторомъ, чтобы провѣрить правдоподобность фантазіи, пришедшей мнѣ въ голову. Я вернусь черезъ полчаса.

Прошло цѣлыхъ полтора часа, прежде чѣмъ инспекторъ вернулся одинъ.

— Мистеръ Холмсъ рассказываетъ по полю взадъ и впередъ,—сказалъ онъ.—Онъ приглашаетъ насъ всѣхъ отправиться въ домъ.

— Къ мистеру Кеннингэму?

— Да, сэръ.

— Зачѣмъ?

Инспекторъ пожалъ плечами.

— Право, не знаю, сэръ. Между нами, мнѣ кажется, что мистеръ Холмсъ еще не вполне оправился отъ болѣзни. Онъ держитъ себя какъ-то странно и очень возбуждёнъ.

— Мнѣ кажется, вы напрасно тревожитесь,—сказалъ я.—Я всегда убѣждался, что въ его сумашествіи есть извѣстный методъ.

— Или, наоборотъ, въ его методъ сказывается

сумашествіе,—пробормоталъ инспекторъ.—Но онъ горитъ желаніемъ отправиться туда, а потому, если вы готовы, полковникъ, пойдёмте къ нему.

Мы застали Холмса расхаживающимъ взадъ и впередъ по полю, съ опущенной на грудь головой и засунутыми въ карманы брюкъ руками.

— Интересъ дѣла все возрастаетъ,—проговорилъ онъ.—Ватсонъ, ваша поѣздка въ деревню удалась какъ нельзя лучше. Я провелъ чудесное утро.

— Вы были, какъ видно, на мѣстѣ преступленія?—спросилъ полковникъ.

— Да; мы съ инспекторомъ сдѣлали маленькую рекогносцировку.

— И успѣшно?

— Да; мы видѣли нѣсколько интересныхъ вещей. Расскажу вамъ дорогой. Прежде всего мы видѣли тѣло несчастнаго. Онъ, дѣйствительно, какъ и говорили, умеръ отъ выстрѣла изъ револьвера.

— А развѣ вы сомнѣвались въ этомъ?

— О, во всякомъ случаѣ слѣдовало удостовѣриться. Изслѣдованіе наше было не лишнимъ. Потомъ мы поговорили съ мистеромъ Кеннингэмомъ и его сыномъ, которые точно указали намъ мѣсто, гдѣ убійца перескочилъ черезъ заборъ. Это было чрезвычайно интересно.

— Конечно.

— Потомъ мы заглянули къ матери бѣднаго малаго, но ничего отъ нея не узнали, такъ какъ она очень стара и слаба.

— Ну, а результатъ вашихъ изслѣдованій?

— Убѣжденіе, что случай совершенно особенный. Можетъ-быть, наше посѣщеніе нѣсколько выяснитъ

его. Мы съ инспекторомъ, кажется, сходимся во мнѣнїи, что клочокъ бумаги, зажатый въ рукѣ убитаго и указывающій часть смерти его, весьма важный документъ.

— Онъ долженъ служить исходной точкой, мистеръ Холмсъ.

— Онъ и служить ей. Авторъ этой записки заставилъ Вильяма Кирвана встать въ этотъ часъ. Но гдѣ же листъ, отъ котораго оторванъ этотъ клочокъ?

— Я тщательно осмотрѣлъ все мѣсто кругомъ, надѣясь найти его,—сказалъ инспекторъ.

— Онъ былъ вырванъ изъ руки убитаго. Кому было такъ нужно овладѣть имъ? Тому, кого могла уличить эта записка. Что же онъ сдѣлалъ съ ней? По всѣмъ вѣроятіямъ, сунулъ ее въ карманъ, не замѣтивъ, что клочокъ отъ нея остался въ рукѣ убитаго. Если бы намъ удалось добыть остальную часть листка, то, очевидно, мы сдѣлали бы большой шагъ къ открытію тайны.

— Да, но какъ намъ добраться до кармана преступника, не поймавъ его самого?

— Да, да, объ этомъ стоитъ подумать. Затѣмъ еще одинъ пунктъ. Записка была прислана Вильяму. Человѣкъ, написавшій ее, принесъ не самъ, иначе онъ могъ бы передать все на словахъ. Кто же принесъ записку? Или ее прислали по почтѣ?

— Я навелъ справки, — сказалъ инспекторъ. — Вильямъ получилъ вчера послѣ полудня письмо по почтѣ. Конвертъ онъ уничтожилъ.

— Превосходно! — вскрикнулъ Холмсъ, похлопывая инспектора по спинѣ. — Вы видѣли почталіона. Право, прїятно работать съ вами. Ну, вотъ и сто-

рожка; если вы пройдете со мною, полковникъ, я покажу вамъ мѣсто преступленія.

Мы прошли мимо хорошенькаго коттеджа, гдѣ жилъ покойный, и, по аллеѣ, окаймленной дубами, дошли до красиваго стариннаго дома эпохи королевы Анны. Надъ входной дверью стоялъ годъ битвы при Мальплакѣ. Холмсъ и инспекторъ повели насъ кругомъ до чернаго входа, отдѣленнаго садомъ отъ забора, идущаго вдоль дороги. У двери въ кухню стоялъ констэбль.

— Откройте дверь, — сказалъ Холмсъ. — Ну-съ, вотъ на этой лѣстницѣ стоялъ молодой мистеръ Кеннингэмъ и видѣлъ, какъ двое людей боролись какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ теперь. Старикъ мистеръ Кеннингэмъ стоялъ у второго окна налѣво и видѣлъ, какъ убійца убѣжалъ влѣво отъ куста. Видѣлъ это и сынъ. Оба они сходятся на счетъ куста. Тогда мистеръ Алексъ выбѣжалъ и сталъ на колѣни возлѣ раненаго. Земля, какъ вы видите, очень тверда, и тутъ нѣтъ слѣдовъ, которые могли бы помочь намъ.

Въ эту минуту изъ-за угла дома на дорожку сада вышли двое людей. Одинъ изъ нихъ былъ пожилой человѣкъ, съ крупными, рѣзкими чертами лица, съ тяжелымъ взглядомъ глазъ; другой — блестящій молодой человѣкъ; его сияющее, смѣющееся лицо и щегольская одежда составляли странный контрастъ съ приведшимъ насъ сюда дѣломъ.

— Все еще возитесь съ нимъ? — сказалъ онъ Холмсу. — Я думалъ, что вы, лондонцы, сразу схватываете суть дѣла. Оказывается, не такъ-то скоро.

— Ахъ, дайте намъ немножко времени, — добродушно замѣтилъ Холмсъ.

— Да, время понадобится вамъ, — сказалъ моло-

дой Алекъ Кённингэмъ.— По моему, нѣтъ никакихъ уликъ.

— Есть только одна, — отвѣтилъ инспекторъ.— Мы думали, что если бы намъ удалось найти... Боже мой! Что съ вами, мистеръ Холмсъ?

Лицо моего друга вдругъ приняло ужасное выраженіе. Глаза его закатились, черты исказились. Съ подавленнымъ стономъ онъ упалъ ничкомъ на землю. Испуганные внезапностью и силой припадка, мы отнесли его въ кухню. Нѣсколько минутъ онъ лежалъ въ большомъ креслѣ, откинувшись на спинку и тяжело дыша. Наконецъ, онъ всталъ и со сконфуженнымъ видомъ принялся извиняться, что перепугалъ насъ.

— Ватсонъ можетъ вамъ сказать, что я только что оправился послѣ серьезной болѣзни, — объяснилъ онъ.— Я подверженъ этимъ внезапнымъ нервнымъ припадкамъ.

— Не отвезти ли васъ домой въ шарабанъ? — спросилъ старикъ Кённингэмъ.

— Такъ какъ я уже здѣсь, то мнѣ хотѣлось бы удостовѣриться въ одномъ пунктѣ. Это очень легко сдѣлать.

— А именно?

— Видите ли, мнѣ кажется, весьма возможно предположить, что бѣдняга Вильямъ пришелъ не до, а послѣ того, какъ воръ забрался въ домъ. Вы, повидимому, не сомнѣваетесь, что хотя замокъ и былъ взломанъ, но убійца не входилъ въ дверь.

— Мнѣ кажется, это—очевидно,—серьезно отвѣтилъ м-ръ Кённингэмъ.— Вѣдь мой сынъ Алекъ еще не ложился спать и, конечно, слышалъ бы, если бы кто-нибудь ходилъ внизу.

— Гдѣ онъ сидѣлъ?

— Я сидѣлъ и курилъ у себя въ уборной.

— Гдѣ окно уборной?

— Послѣднее слѣва; рядомъ съ окномъ комнаты отца.

— Конечно, у васъ обоихъ еще горѣли лампы?

— Безъ сомнѣнія.

— Странно, — улыбаясь, проговорилъ Холмсъ.— Ну, развѣ не удивительно, что воръ — да къ тому еще опытный воръ—рѣшается ворваться въ домъ, когда видитъ по свѣту, что въ немъ не спятъ еще двое людей.

— Должно-быть, человѣкъ смѣлый.

— Если бы дѣло не было странное, намъ не пришлось бы просить васъ выяснитъ его, — сказалъ м-ръ Алекъ. — Что же касается вашего предположенія, что воръ обокралъ домъ прежде, чѣмъ накрылъ его Вильямъ, то я считаю его вполнѣ нелѣпымъ. Развѣ мы не замѣтили бы безпорядка въ домѣ и не хватились бы похищенныхъ вещей?

— Это зависить отъ того, какія вещи пропали, — сказалъ Холмсъ. — Вы должны помнить, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то совершенно необычнымъ воровомъ. Напримѣръ, вы помните, что онъ унесъ у Эктона?.. Пучокъ веревокъ, пресспапье и еще какіе-то пустяки.

— Мы вполнѣ отдаемся въ ваше распоряженіе, м-ръ Холмсъ, — сказалъ старикъ Кённингэмъ. — Все, что укажете вы или инспекторъ, будетъ исполнено.

— Во-первыхъ, — сказалъ Холмсъ, — мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы предложили награду лично отъ себя—когда еще полиція опредѣлитъ сумму! — а эти вещи нужно дѣлать какъ можно скорѣе. Я на-

бросаль заявленіе: можетъ-быть, вы согласитесь подписать его. Я думаю, пятидесяти фунтовъ будетъ достаточно.

— Я охотно далъ бы и пятьсотъ,—сказаль Кеннингэмъ, беря листъ бумаги и карандашъ, поданный Холмсомъ.—Но здѣсь есть неточность,—прибавиль онъ, взглянувъ на объявленіе.

— Я нѣсколько торопился, когда писалъ.

— Видите ли, вы пишете: „Такъ какъ въ среду, около трехъ четвертей перваго, была сдѣлана попытка...“ и т. д. На самомъ же дѣлѣ было три четверти двѣнадцатаго.

Мнѣ было досадно за сдѣланную ошибку, такъ какъ я зналъ, какъ это будетъ неприятно Холмсу. Онъ отличался точностью въ передачѣ фактовъ, но только что перенесенная имъ болѣзнь, очевидно, потрясла его, и этой маленькой случайности было для меня достаточно, чтобы видѣть, что онъ еще не вполне поправился. Онъ самъ сконфузился на минуту, инспекторъ поднялъ брови, а Алекъ Кеннингемъ громко захохоталъ. Но старый джентльменъ исправиль ошибку и отдалъ Холмсу бумагу.

— Отдайте ее напечатать какъ можно скорѣе,—сказаль онъ. — Мнѣ кажется, это превосходная идея.

Холмсъ аккуратно положиль объявленіе въ записную книжку.

— А теперь,—сказаль онъ,—право, хорошо бы намъ всѣмъ пройтись по дому и убѣдиться, не утащиль ли чего-нибудь этотъ нѣсколько полоумный грабитель.

Прежде чѣмъ войти въ домъ, Холмсъ осмотрѣль взломанную дверь. Очевидно, было всунуто долото

или крѣпкій ножъ, чтобы выдвинуть замокъ обротно.

— У васъ, стало-быть, нѣтъ засова?—спросиль онъ.

— Мы не находили его нужнымъ.

— Вы не держите собаки?

— Держимъ; но она на привязи по другую сторону дома.

— Когда прислуга ложится спать?

— Около десяти.

— Вѣроятно, и Вильямъ ложится въ то же время?

— Да.

— Странно, что онъ не спалъ именно въ эту ночь. Теперь я былъ бы очень радъ, если бы вы были такъ добры и проводили насъ по дому, м-ръ Кеннингэмъ.

Коридоръ, вымощенный плитамъ, съ выходящими въ него кухнями, велъ къ деревянной лѣстницѣ, поднимавшейся въ первый этажъ. Онъ выходиль и на противоположную площадку, съ которой начиналась другая, болѣе нарядная лѣстница, ведшая въ парадную переднюю. На эту площадку выходили двери гостиной и нѣсколькихъ спаленъ, въ томъ числѣ и спальни м-ра Кеннингэма и его сына. Холмсъ шелъ медленно, внимательно приглядываясь къ архитектурѣ дома. По выраженію его лица я видѣль, что онъ напаль на горячій слѣдъ, но никакъ не могъ себѣ представить, куда приведетъ его этотъ слѣдъ.

— Любезный сэръ,—сказаль м-ръ Кеннингэмъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ,—право же, все это совершенно бесполезно. Моя комната тамъ, гдѣ оканчивается лѣстница, а за ней идетъ комната

сына. Предоставляю вамъ судить, могъ ли воръ забраться сюда, не потревоживъ насъ.

— Кажется, придется вернуться и искать новаго слѣда, — замѣтилъ сынъ съ нѣскольکو злобной улыбки.

— Попрошу васъ потерпѣть еще немного. Вотъ, напримѣръ, мнѣ хотѣлось бы знать, какъ далеко можно видѣть изъ оконъ спаленъ. Это, насколько я понялъ, спальня вашего сына, — прибавилъ онъ, отворяя дверь, — а это уборная, гдѣ онъ сидѣлъ и курилъ, когда началась тревога. Куда выходитъ ея окно?

Онъ прошелъ черезъ спальню, отворилъ дверь и окинулъ взглядомъ слѣдующую комнату.

— Надѣюсь, вы довольны теперъ? — спросилъ м-ръ Кеннингэмъ съ досадой въ голосѣ.

— Благодарю васъ; кажется, я видѣлъ все, что нужно.

— Тогда, если это дѣйствительно необходимо, мы можемъ пройти въ мою комнату.

— Если васъ это не затруднитъ.

Мировой судья пожалъ плечами и провелъ насъ въ свою комнату, очень просто убранную. Въ то время, какъ мы подходили къ окну, Холмсъ отсталъ отъ остальныхъ такъ, что онъ и я шли послѣдними въ нашей группѣ. Въ ногахъ у кровати стоялъ маленькій столикъ, а на немъ тарелка съ апельсинами и графинъ съ водой. Въ ту минуту, какъ мы подошли къ нему, Холмсъ, къ несказанному моему изумленію, нагнулся впередъ и преспокойно опрокинулъ столикъ. Графинъ разлетѣлся вдребзги, а фрукты покатались во всѣ стороны.

— Ахъ, Ватсонъ, что вы надѣлали? — хладнокров-

но замѣтилъ Холмсъ. — Въ какой видъ вы привели коверъ?

Я нагнулся въ смущеніи и сталъ подбирать фрукты, понявъ, что мой товарищъ по какой-то извѣстной только ему причинѣ желалъ, чтобы я взялъ вину на себя. Другіе послѣдовали моему примѣру и поставили столикъ на ножки.

— Ахъ! — крикнулъ инспекторъ. — Куда же онъ дѣвался?

Холмсъ исчезъ.

— Подождите минутку, — сказалъ Алексъ Кеннингэмъ. — По-моему, онъ спятилъ съ ума. Отецъ, пойдемъ посмотримъ, куда онъ дѣвался.

Они выбѣжали изъ комнаты. Инспекторъ, полковникъ и я въ недоумѣніи переглядывались между собой.

— Честное слово, я склоненъ раздѣлить мнѣніе мистера Алека, — сказалъ инспекторъ. — Можетъ-быть, это слѣдствіе болѣзни, но мнѣ кажется, что...

Внезапный возгласъ: „На помощь! На помощь! Убьютъ!“ прервалъ его рѣчь. Съ ужасомъ я узналъ голосъ моего друга и выбѣжалъ, какъ безумный, на площадку. Крики, перешедшіе въ хриплый стонъ, неслись изъ комнаты, въ которую мы заходили раньше. Я влетѣлъ сначала въ нее, а потомъ въ смежную уборную. Оба Кеннингэма навалились на лежавшаго на полу Холмса. Младшій душилъ его за горло обѣими руками, а старшій, казалось, старался вывихнуть ему кисть руки. Въ одно мгновеніе мы трое оторвали ихъ отъ Холмса, и онъ съ трудомъ поднялся на ноги, весь блѣдный и сильно измученный.

— Арестуйте этихъ людей, инспекторъ! — задыхаясь, проговорилъ онъ.

— По обвиненію въ чемъ?

— Въ убійствѣ кучера Вильяма Кирвана.

Инспекторъ оглядывался вокругъ въ полномъ недоумѣніи.

— О, м-ръ Холмсъ!—наконецъ, проговорилъ онъ, —я увѣренъ, что вы вовсе не...

— Заполчите и взгляните на ихъ лица!—отрывисто сказалъ Холмсъ.

Никогда въ жизни не приходилось мнѣ видѣть на человѣческомъ лицѣ болѣе полного выраженія сознанія вины. Старикъ казался совершенно пораженнымъ; его лицо съ рѣзко очерченными чертами приняло тяжелое; угрюмое выраженіе. Сынъ же, напротивъ, утратилъ все свое изящество; ярость опаснаго дикаго звѣря засверкала въ его темныхъ глазахъ и исказила красивое лицо. Инспекторъ ничего не сказалъ, но подошелъ къ двери и свистнулъ въ свистокъ. На зовъ явились два констебля.

— Не могу поступить иначе, м-ръ Кеннингэмъ, —сказалъ онъ. — Надѣюсь, что все это окажется нелѣпымъ недоразумѣніемъ. А! Это что! Бросьте.

Онъ взмахнулъ рукой, и на полъ упалъ револьверъ, который навелъ молодой Кеннингэмъ, собираясь застрѣлиться.

— Сохраните эту вещь,—сказалъ Холмсъ, опспѣшно наступая на револьверъ.—Онъ пригодится намъ при слѣдствіи. Но вотъ то, что необходимо намъ.

Онъ протянулъ инспектору маленькій кусокъ смятой бумаги.

— Остальная записка?—спросилъ инспекторъ.

— Именно такъ.

— Гдѣ же она была?

— Тамъ, гдѣ и слѣдовало ожидать. Сейчасъ объясню вамъ все. Мнѣ кажется, полковникъ, что вы съ Ватсономъ можете теперь вернуться домой; я же приду къ вамъ самое большое черезъ часъ. Мнѣ и инспектору нужно поговорить съ арестованными, но я навѣрно вернусь къ завтраку.

Шерлокъ Холмсъ сдержалъ свое слово и черезъ часъ уже входилъ въ курительную комнату полковника въ сопровожденіи пожилого господина невысокаго роста, котораго представили мнѣ какъ м-ра Эктона, въ домѣ котораго произошелъ первый грабежъ.

— Я желалъ, чтобы м-ръ Эктонъ присутвовалъ при моемъ объясненіи этого дѣльца, —сказалъ Холмсъ,—такъ какъ ему вполне естественно интересоваться подробностями его. Боюсь, любезный полковникъ, что вы отъ души жалѣете, что приняли въ свой домъ такого буревѣстника, какъ я.

— Напротивъ,—горячо отвѣтилъ полковникъ,—я считаю, что мнѣ посчастливилось въ томъ, что я могъ изучить вашъ методъ изслѣдованій. Сознаюсь, что результаты превзошли всѣ мои ожиданія. Но я такъ и не понимаю, какія у васъ были данныя для того, чтобы выяснитъ это дѣло.

— Боюсь, что мое объясненіе можетъ разочаровать васъ, но у меня привычка никогда не скрывать своего метода ни отъ моего друга Ватсона, ни отъ кого изъ интеллигентныхъ людей интересующихся ими. Но прежде всего, такъ какъ я нѣсколько потерпѣлъ отъ встряски, заданной мнѣ въ уборной, то намѣреваюсь подкрѣпиться глоточкомъ вашей водки, полковникъ. Я нѣсколько утомился за послѣднее время.

— Надѣюсь, у васъ не было больше нервнаго припадка?

Шерлокъ Холмсъ отъ души расхохотался.

— Въ свое время дойдетъ и до этого,—сказалъ онъ.—Я расскажу вамъ все по порядку и покажу вамъ, какъ я дошелъ до моихъ выводовъ. Пожалуйста, останавливайте меня, если что-либо покажется вамъ неяснымъ.

„Въ искусствѣ сыска чрезвычайно важно умѣть отличить въ массѣ фактовъ случайные отъ существенныхъ. Иначе энергія и вниманіе разсѣиваются вмѣсто того, чтобы сосредоточиться, какъ это необходимо. Въ данномъ случаѣ съ первой минуты у меня не было сомнѣнія, что ключъ ко всему происшествію слѣдуетъ искать въ клочкѣ бумаги, вынутомъ изъ руки мертвеца.

„Прежде чѣмъ итти дальше, я хотѣлъ бы обратить вниманіе на то обстоятельство, что если бы рассказъ Алека Кеннингэма былъ вѣренъ и нападавшій, застрѣливъ Вильяма Кирвана, бѣжалъ *ментально*, то, очевидно, не онъ вырвалъ бумагу изъ рукъ убитаго. А если это сдѣлалъ не онъ, то сдѣлалъ самъ Алекъ Кеннингэмъ, потому что къ тому времени, какъ спустился старикъ, на мѣстѣ происшествія было уже нѣсколько слугъ. Это очень просто, но инспекторъ не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла, потому что точкой его отправленій была невозможность участія мѣстныхъ магнатовъ въ подобнаго рода преступленійхъ. Ну, а у меня нѣтъ никакихъ предразсудковъ, и я всегда послушно иду по всякому слѣду и, такимъ образомъ, въ самой первой стадіи слѣдствія я уже сталъ подозрительно поглядывать на роль, сыгранную мистеромъ Алекомъ Кеннингэмомъ.

„Я очень тщательно изучилъ уголокъ оторванной бумаги, переданный мнѣ инспекторомъ. Мнѣ сразу стало ясно, что онъ составляетъ часть весьма важнаго документа. Вотъ онъ. Не бросается ли вамъ въ глаза что-либо особенное?“

— Почеркъ очень неровный,—сказалъ полковникъ.

— Дорогой сэръ!—вскрикнулъ Шерлокъ Холмсъ,—не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что записка писана двумя лицами по очереди. Обратите вниманіе на букву „т“, написанную твердымъ почеркомъ и съ черточкой надъ буквой въ словахъ „захотите“, „притти“ и сравните ее съ той же буквой въ словѣ „четверть“, написанномъ болѣе слабымъ почеркомъ. Достаточно весьма поверхностнаго анализа, чтобы убѣдиться, что слова „узнаете“, „можетъ быть“ написаны болѣе твердой рукой, а „что“—болѣе слабой.

— Клянусь Юпитеромъ, это ясно, какъ день!—крикнулъ полковникъ.

— Очевидно, задумано было скверное дѣло, и одинъ изъ соучастниковъ, не довѣряя другому, рѣшилъ, чтобы все дѣлалось сообща. Руководителемъ былъ, конечно, тотъ, кто написалъ слова: „захотите“, „узнаете“.

— Изъ чего вы заключаете это?

— Это можно вывести изъ одного сравненія почерковъ. Но у насъ есть и другія, болѣе важныя основанія. Если вы станете внимательно разсматривать этотъ клочокъ, то придете къ заключенію, что чловѣкъ съ болѣе твердымъ почеркомъ первый писалъ слова, оставляя пустыя мѣста, которыя должны были заполнять другой. Оставленные промежутки между словами были иногда слишкомъ малы

и второму пришлось писать очень сжато, чтобы вставить свои слова. Человѣкъ, написавшій свои слова первымъ, безъ сомнѣнiя, и задумалъ все дѣло.

— Превосходно!—вскрикнулъ м-ръ Эктонъ.

— Но весьма поверхностно,—сказала Холмсъ.— Теперь, однако, мы подходимъ къ весьма существенному пункту. Можетъ-быть, вамъ неизвѣстно, что опредѣленiе возраста человѣка по его почерку доведено экспертами до значительной точности. Въ нормальныхъ случаяхъ можно почти навѣрно опредѣлить возрастъ даннаго человѣка. Я говорю въ „нормальныхъ“, потому что болѣзнь и физическая слабость придаютъ почерку характеръ старости, хотя бы больной и былъ молодой человѣкъ. Въ данномъ случаѣ, смотря на смѣлую, твердую руку одного и нѣсколько неувѣренный, хотя еще четкiй почеркъ другого, мы можемъ сказать, что одинъ— молодой человѣкъ, а второй—пожилой, хотя еще не дряхлый.

— Превосходно!—повторилъ м-ръ Эктонъ.

— Но далѣе есть еще одинъ пунктъ, болѣе тонкiй и интересный. Въ обоихъ почеркахъ есть что-то общее, свойственное, очевидно, лицамъ, состоящимъ въ кровномъ родствѣ. Вамъ это можетъ быть болѣе замѣтно въ отдѣльныхъ буквахъ, мнѣ же это ясно по многимъ мелкимъ чертамъ. Я не сомнѣваюсь, что въ этой запискѣ выразилась манера писать всей семьи. Конечно, я сообщаю вамъ только главные результаты моихъ изслѣдованiй. Остальное интересно только для экспертовъ. Какъ бы то ни было, все способствовало подтвержденiю моего впечатлѣнiя, что эта записка написана Кеннингэмами—отцомъ и сыномъ.

„Дойдя до этого заключенiя, я, конечно, поста-

рался вникнуть въ подробности преступленiя и посмотреть, куда онѣ меня поведутъ. Я пошелъ съ инспекторомъ къ дому и осмотрѣлъ все, что можно было видѣть тамъ. Какъ я убѣдился, рана умершему была нанесена изъ револьвера на разстоянiи четырехъ ярдовъ съ небольшимъ. Платье не почернѣло отъ пороха. Очевидно, что Алексъ Кеннингэмъ солгалъ, что выстрѣлъ послѣдовалъ во время борьбы кучера съ воромъ. Затѣмъ—и отецъ и сынъ сходились въ указанiи того мѣста, гдѣ убийца выскочилъ на дорогу. Но тутъ какъ разъ оказывается низина съ сырымъ дномъ. Такъ какъ въ низинѣ не оказалось никакихъ слѣдовъ, то я пришелъ къ убѣжденiю, что Кеннингэмы не только опять солгали, но что въ дѣлѣ вовсе и не было никакого посторонняго лица.

„Оставалось отыскать мотивы этого страннаго преступленiя. Для этого я прежде всего попытался найти причину странной кражи въ домѣ м-ра Эктона. Изъ нѣсколькихъ словъ полковника я понялъ, что между вами, м-ръ Эктонъ, и Кеннингэмами шель какой-то процессъ. Понятно, что мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что они вломились въ вашу библиотеку съ намѣренiемъ добыть нѣкоторые документы, которые могли бы повлiять на ходъ дѣла“.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Эктонъ,— не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнiя въ ихъ намѣренiяхъ. У меня неопровержимыя права на половину ихъ имѣнiя, и если бы имъ удалось найти одну бумагу—къ счастью, она хранится въ несгораемомъ шкафу моего повѣреннаго—они, навѣрно бы, выиграли процессъ.

— Ну, вотъ видите!—сказала, улыбаясь, Холмсъ.— Это была смѣлая, отчаянная попытка, въ которой

я вижу вліяніе молодого Алека. Не найдя ничего, они попытались отвратить подозрѣніе, придавъ нападению видъ обычнаго грабежа, для чего унесли первыя попавшіяся вещи. Это было достаточно ясно, но все же многое оставалось темнымъ для меня. Главное было добыть недостающую часть записки. Я былъ увѣренъ, что Алекъ вырвалъ ее изъ руки убитаго, и сильно подозрѣвалъ, что онъ спряталъ ее въ рукавъ халата. Куда иначе онъ могъ дѣвать ее? Единственный вопросъ состоялъ въ томъ, тамъ ли она еще. Стоило употребить всѣ усилія, чтобъ разъяснить это, и для того мы всѣ отправились въ домъ.

„Кѣннингэмы подошли къ намъ, какъ вѣроятно вы помните, когда мы стояли у кухонной двери. Само собой разумѣется, очень важно было не напоминать имъ о существованіи записки, иначе они сейчасъ бы уничтожили ее. Инспекторъ только-что собирався сообщить имъ, какую важность мы придаемъ этому документу, какъ со мной сдѣлался припадокъ, и разговоръ принялъ другое направленіе“.

— Господи, Боже мой!—со смѣхомъ сказалъ полковникъ.—Неужели вы хотите сказать, что мы потратили наше сочувствіе на притворную болѣзнь?

— Съ профессиональной точки зрѣнія, это было продѣлано изумительно,—сказалъ я, съ удивленіемъ смотря на человѣка, постоянно поражаващаго меня новыми проявленіями своей изобрѣтательности.

— Это искусство часто бываетъ очень полезно,—замѣтилъ Холмсъ.—Оправившись, я прибѣгнулъ къ уловкѣ—быть-можетъ, довольно остроумной—и заставилъ старика Кѣннингэма написать слова „три четверти двѣнадцатаго“, чтобы имѣть возможность сличить ихъ со словами на запискѣ.

— Какой же я былъ оселъ!—вскрикнулъ я.

— Я видѣлъ, какъ васъ огорчила моя слабость,—смѣясь, сказалъ Холмсъ.—Мнѣ было жаль, что приходится огорчать васъ. Мы всѣ пошли наверхъ. Увидавъ во время осмотра уборной, что халатъ виситъ за дверью, я опрокинулъ столикъ, чтобъ отвлечь ихъ вниманіе, и шмыгнулъ обратно въ уборную, чтобъ осмотрѣть карманы. Но я только-что нашелъ (какъ и ожидалъ) записку въ одномъ изъ кармановъ, какъ на меня набросились оба Кѣннингэма и, навѣрно, убили бы меня, если бы вы не подоспѣли и не спасли меня. Я и теперь еще чувствую, какъ молодой Кѣннингэмъ схватилъ меня за горло, а старикъ чуть не вывихнулъ мнѣ руку, стараясь вырвать бумагу. Они, какъ видите, догадались, что я понялъ все, и внезапный переходъ отъ полной безопасности къ полному отчаянію заставилъ ихъ совершенно потерять голову.

„У меня со старикомъ Кѣннингэмомъ былъ короткій разговоръ о мотивѣ преступленіи. Съ нимъ можно было разговаривать, но сынъ его — сущій демонъ, готовый застрѣлиться или застрѣлить кого угодно, если бы у него въ рукахъ очутился револьверъ. Когда старикъ Кѣннингэмъ увидѣлъ, что улики противъ него такъ вѣски, онъ потерялъ мужество и сознался во всемъ. Оказывается, что Вильямъ тайкомъ прослѣдилъ за своими хозяевами въ ночь нападенія на домъ м-ра Эктона и, получивъ такимъ образомъ власть надъ ними, пытался, путемъ угрозы, шантажировать ихъ. Но м-ръ Алекъ слишкомъ опасный человѣкъ для того, чтобъ съ нимъ можно было вести подобнаго рода игру. Съ его стороны было положительно геніальной выдумкой воспользоваться недавними грабежами въ здѣшной мѣст-

ности для того, чтобъ отдѣлаться отъ человѣка, котораго онъ боялся. Вильяма заманили въ ловушку и застрѣлили. Будь записка у нихъ въ рукахъ и обрати они побольше вниманія на нѣкоторыя подробности, весьма возможно, что подозрѣнiе никогда бы не пало на нихъ“.

— А записка?—спросилъ я.

Холмсъ положилъ передъ нами слѣдующую бумагу:

*Если вы придете | въ три четверти двѣнадцатаго |
кз калиткѣ, вы | узнаете кое-что,
что можетъ очень удивить и | можетъ быть
очень полезно вамъ, а также и Анни Моррисонъ.
Только никому не говорите объ этомъ.*

— Я именно ожидалъ найти что-нибудь въ этомъ родѣ,—сказалъ онъ.—Конечно, мы такъ и нѣ знаемъ, какія отношенія существовали между Алекомъ Кеннингэмомъ, Вильямомъ Кирваномъ и Анни Моррисонъ. Результатъ однако показываетъ, что западня была устроена очень искусно. Ватсонъ, я полагаю, что нашъ отдыхъ въ деревнѣ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и завтра я вернусь въ улицу Бэкеръ съ обновленными силами.

Грекъ-переводчикъ.

За все время моего продолжительнаго близкаго знакомства съ Шерлокомъ Холмсомъ мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы онъ упомянулъ о своихъ родныхъ. Онъ рѣдко говорилъ и о своей молодости. Эта сдержанность съ его стороны увеличивала нѣсколько сверхъестественное впечатлѣнiе, которое онъ производилъ на меня, до такой степени, что иногда я начиналъ смотрѣть на него, какъ на феноменъ въ своемъ родѣ, какъ на умъ безъ сердца, какъ на существо, настолько же лишенное всякаго человѣческаго чувства—симпатiи, любви, насколько выдающееся по уму. Его отвращенiе къ женщинамъ и нелюбовь къ новымъ знакомствамъ составляли типическую особенность его спокойнаго характера, не болѣе, однако, чѣмъ его полное молчанiе относительно своихъ родныхъ. Я пришелъ къ убѣжденiю, что онъ сирота, у котораго умерли всѣ родственники, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро, онъ, къ полному моему изумленiю, заговорилъ со мной о своемъ братѣ.

Это было лѣтомъ, послѣ вечерняго чая, во время отрывочнаго, безсвязнаго разговора, въ которомъ мы отъ клубовъ и причинъ измѣненiя наклона эклиптики перешли, наконецъ, къ вопросу объ атавизмѣ и наслѣдственныхъ способностяхъ. Предметомъ нашего спора былъ вопросъ о томъ, насколько каждая способность извѣстной личности унаслѣдуется отъ предковъ и насколько зависитъ отъ воспитанiя въ раннемъ возрастѣ.

— Что касается васъ лично, — сказалъ я, — изъ всего того, что вы рассказывали мнѣ, очевидно, что вашимъ даромъ наблюдательности и замѣчательной способностью къ быстрымъ выводамъ вы обязаны только своей систематической подготовкѣ.

— До нѣкоторой степени да, — задумчиво отвѣтилъ Холмсъ. — Мои предки были помѣщиками, которые, какъ кажется, вели образъ жизни, свойственный ихъ сословію. Но тѣмъ не менѣе, должно-быть, эти способности въ крови у меня. Можеть-быть, я унаслѣдовалъ ихъ отъ бабушки, сестры французскаго художника Вернэ. Художественные задатки выливаются иногда въ самыя странныя формы.

— Но почему вы знаете, что ваши способности унаслѣдованы вами?

— Потому что мой братъ Майкрофтъ одаренъ ими въ еще большей степени, чѣмъ я.

Это было совершенной новостью для меня. Если въ Англіи существуетъ еще одинъ человѣкъ, одаренный такими необычайными способностями, то почему о немъ не знаетъ ни полиція, ни публика? Я предложилъ этотъ вопросъ моему пріятелю, намеркувъ при этомъ, что онъ только изъ скромности признаетъ брата выше себя. Холмсъ засмѣялся.

— Дорогой Ватсонъ, я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто считаетъ скромность добродѣтелью, — сказалъ онъ. — Для логическаго ума всѣ вещи должны быть такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, а цѣнить себя ниже того, что стоишь, такое же отклоненіе отъ истины, какъ и переувеличивать свои достоинства. Поэтому, если я говорю, что Майкрофтъ одаренъ наблюдательной способностью въ большей степени,

чѣмъ я, то можете быть увѣрены, что это точная, непреложная правда.

— Онъ моложе васъ?

— На семь лѣтъ старше.

— Какъ же это онъ неизвѣстенъ?

— О, онъ очень извѣстенъ въ своемъ кругу.

— Въ какомъ же?

— Да, напимѣръ, въ клубѣ Діогена.

Я никогда не слыхалъ объ этомъ учрежденіи, и, должно-быть, это отразилось на моемъ лицѣ, потому что Шерлокъ Холмсъ вынулъ изъ кармана часы и сказалъ:

— Клубъ Діогена страннѣйшій изъ клубовъ Лондона, а Майкрофтъ самый странный изъ людей. Онъ ежедневно бываетъ въ клубѣ отъ трехъ четвертей пятого до восьми часовъ безъ двадцати минутъ. Теперь шесть, и если желаете пройтись въ такой прекрасный вечеръ, то я буду радъ показать вамъ двѣ лондонскихъ диковинки.

Пять минутъ спустя мы уже шли по улицѣ къ Риджентскому цирку.

— Вы удивляетесь, что Майкрофтъ не пользуется своимъ даромъ, чтобы стать сыщикомъ, — сказалъ мой пріятель. — Онъ неспособенъ къ этому занятію.

— Но мнѣ показалось, что вы сказали...

— Я сказалъ, что онъ обладаетъ большей наблюдательностью и способностью дѣлать выводы, чѣмъ я. Если бы искусство сыщика ограничивалось разсужденіями, сидя въ креслѣ, то мой братъ былъ бы величайшимъ въ мірѣ дѣятелемъ въ области открытія преступленій. Но у него нѣтъ ни человѣколюбія, ни энергіи. Онъ не двинется съ мѣста, чтобы провѣрить свои разсужденія, и готовъ скорѣе признать себя неправымъ, чѣмъ потревожить

себя, доказывая свою правоту. Много разъ я обращался къ нему въ затруднительныхъ случаяхъ, и даваемые имъ объясненія всегда оказывались вѣрными. А между тѣмъ онъ совершенно неспособенъ выяснять практическую сторону дѣла, которой надо заняться прежде, чѣмъ дѣло пойдетъ въ судъ.

— Слѣдовательно, это не его профессія?

— Нѣтъ. То, что для меня составляетъ средство жизни,—для него только развлеченіе диллетанта. У него необыкновенная способность разбираться въ цифрахъ, и онъ провѣряетъ книги во многихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Майкрофтъ живетъ въ Палль-Маллѣ и каждое утро ходитъ въ Уайтхолль, а вечеромъ возвращается оттуда. Изъ года въ годъ онъ не дѣлаетъ иныхъ прогулокъ и нигдѣ не бываетъ за исключеніемъ клуба Діогена, помѣщающагося какъ разъ напротивъ его квартиры.

— Это названіе совершенно незнакомо мнѣ.

— Весьма вѣроятно. Въ Лондонѣ, какъ вамъ извѣстно, много людей, которые избѣгаютъ общества или по застѣнчивости, или по нелюдимости. А между тѣмъ, они не противъ того, чтобъ почитать новые журналы и газеты, сидя въ удобныхъ креслахъ. Вотъ для людей подобнаго рода и устроенъ клубъ Діогена, къ членамъ котораго принадлежатъ самые нелюдимые и несообщительные люди въ Лондонѣ. Никто не долженъ обращать ни малѣйшаго вниманія на другого. Нигдѣ, за исключеніемъ приемной комнаты, не разрѣшается разговаривать, трехкратное нарушеніе этого правила, дошедшее до свѣдѣнія правленія, ведетъ къ исключенію виновнаго изъ числа членовъ. Братъ былъ однимъ изъ основателей этого клуба, и я самъ нахожу, что

посѣщеніе его очень успокоительно дѣйствуетъ на нервы.

Разговаривая, мы дошли до Палль-Малля со стороны Сентъ-Джинской улицы. Шерлокъ Холмсъ остановился у одного изъ подъѣздовъ и, сдѣлавъ мнѣ знакъ молчать, провелъ меня въ переднюю. Черезъ стеклянную перегородку я увидѣлъ большую роскошную комнату, гдѣ за газетами сидѣло много людей, каждый въ своемъ уголкѣ. Холмсъ ввелъ меня въ маленькую комнату, гдѣ оставилъ меня, и черезъ минуту вернулся съ незнакомымъ мнѣ человѣкомъ, въ которомъ я сразу узналъ его брата.

Майкрофтъ Холмсъ былъ гораздо выше и плотнѣе Шерлока. Онъ былъ положительно толстъ, но его лицо, хотя и массивное, носило слѣды того же пронизательнаго выраженія, которымъ такъ отличалось лицо его брата. Глаза, особеннаго водянистаго свѣтло-сѣраго цвѣта, казалось, всегда смотрѣли тѣмъ взглядомъ, какъ бы проникающимъ куда-то въ пространство, въ глубину, какой я замѣчалъ у Шерлока только тогда, когда онъ напрягалъ всѣ свои силы.

— Радъ познакомиться съ вами, сэръ,—сказалъ онъ, протягивая широкую, плоскую, какъ ласты тюленя, руку.—Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали писать о Шерлокѣ, я со всѣхъ сторонъ только и слышу о немъ. Между прочимъ, Шерлокъ, я думалъ, что ты зайдешь ко мнѣ на той недѣлѣ, чтобы посоветоваться объ исторіи въ замкѣ. Я думалъ, что, можетъ-быть, она окажется нѣсколько трудноватой для тебя.

— Нѣтъ, я справился съ ней, — улыбаясь, отвѣтилъ мой пріятель.

— Конечно, это Адамсъ?

— Да, Адамсъ.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ съ самаго начала. Братья съли въ нишѣ окна.

— Самое удобное мѣсто для каждаго, кто желаетъ изучить человѣчество,—сказалъ Майкрофтъ.— Взгляните, что за чудные типы! Напримѣръ, вотъ хоть эти двое людей, направляющіеся къ намъ.

— Одинъ—маркеръ, а другой?

— Вотъ именно. Какъ ты думаешь, кто другой?

Незнакомцы остановились передъ окномъ. Нѣсколько мѣловыхъ пятенъ на карманѣ жилета одного изъ нихъ были единственными указаніями на его близость къ бильярду, насколько я могъ замѣтить. Другой былъ смуглый человѣкъ въ сдвинутой на затылокъ шляпѣ и съ нѣсколькими свертками подъ мышкой.

— Должно-быть, бывший военный,—сказалъ Шерлокъ.—И только-что вышедшій въ отставку.

— По-моему, служилъ въ Индіи.

— Офицеръ въ отставкѣ.

— Думаю—артиллеристъ,—сказалъ Шерлокъ.

— И вдовецъ.

— Но имѣетъ ребенка.

— Ребятъ, мой милый, ребятъ.

— Ну, ужъ это слишкомъ,—смѣясь, замѣтилъ я.

— Несомнѣнно, не трудно сказать, что человѣкъ такой выправки, очевидно, привыкшій повелѣвать, съ такимъ загорѣлымъ лицомъ—военный, недавно вернувшійся изъ Индіи,—отвѣтилъ Холмсъ.

— Что онъ недавно оставилъ службу, видно изъ того, что онъ еще носитъ военные сапоги,—замѣтилъ Майкрофтъ.

— Походка у него не кавалериста, а, между

тѣмъ, онъ носилъ фуражку набокъ, что видно по болѣе свѣтлой кожѣ на одной сторонѣ лба. Для сапера онъ слишкомъ тяжеловѣсенъ. Онъ артиллеристъ.

— Потомъ траурный костюмъ указываетъ на то, что онъ потерялъ кого-то очень близкаго. То, что онъ самъ дѣлаетъ покупки, какъ бы указываетъ на то, что онъ лишился жены. Вы видите, онъ покупалъ дѣтскія вещи. По погремушкѣ можно заключить, что у него есть очень маленькій ребенокъ. Жена, вѣроятно, умерла родами. Книга съ картинками подъ мышкой указываетъ на то, что ему приходится заботиться еще о другомъ ребенкѣ.

Я началъ понимать, почему мой пріятель говорить, что его братъ обладаетъ еще большими способностями, чѣмъ онъ. Шерлокъ взглянулъ на меня и улыбнулся. Майкрофтъ взялъ щепотку табаку изъ черепаховой табакерки и смахнулъ порошокъ съ сюртука большимъ краснымъ шелковымъ платкомъ.

— Между прочимъ, Шерлокъ,—сказалъ онъ,—у меня есть нѣчто, какъ разъ по сердцу тебѣ—очень странное дѣло, о которомъ меня просили высказать свое мнѣніе. У меня не хватило энергіи заняться имъ какъ слѣдуетъ, но оно дало мнѣ основаніе для очень интересныхъ предположеній. Если хочешь выслушать факты...

— Съ удовольствіемъ, дорогой Майкрофтъ.

Майкрофтъ написалъ нѣсколько словъ на листкѣ, вырванномъ изъ записной книжки, позвонилъ и отдалъ записку вошедшему лакею.

— Я попросилъ м-ра Меласа зайти сюда,—сказалъ онъ.—Онъ живетъ надъ моей квартирой, и я немного знакомъ съ нимъ. Вотъ почему онъ и об-

ратился ко мнѣ въ своемъ затруднительномъ положеніи. М-ръ Меласъ—грекъ по происхожденію и замѣчательный лингвистъ. Онъ живетъ частью заработкомъ, получаемымъ имъ въ качествѣ переводчика въ судебныхъ мѣстахъ, частью состоя проводникомъ при богатыхъ путешественникахъ съ востока, останавливающихся въ отеляхъ Нортумберландъ-Авеню.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вошелъ маленький, толстый человѣкъ. Оливковое лицо и черные, какъ уголь, волосы ясно выдавали его южное происхожденіе, хотя по разговору его можно было счесть за образованнаго англичанина. Онъ торопливо пожалъ руку Шерлоку Холмсу, и его темные глаза заблестѣли отъ удовольствія, когда онъ узналъ, что этотъ специалистъ желаетъ выслушать его исторію.

— Я не предполагаю, чтобы полиція повѣрила мнѣ... честное слово, не предполагаю,—сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ.—Только потому, что имъ не приходилось слышать ничего подобнаго, они думаютъ, этого и быть не можетъ. Но я не успокоюсь, пока не узнаю, что случилось съ моимъ бѣднякомъ съ пластыремъ на лицѣ.

— Я весь вниманіе, — проговорилъ Шерлокъ Холмсъ.

— Сегодня среда, — началъ м-ръ Меласъ, — ну, такъ это случилось въ понедѣльникъ ночью... понимаете, только два дня тому назадъ. Я—переводчикъ, какъ, вѣроятно, уже сказалъ вамъ мой сосѣдъ. Я перевожу на разные языки, но такъ какъ я грекъ по происхожденію и ношу греческую фамилію, то больше всего имѣю дѣло съ этимъ языкомъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ я состою

главнымъ переводчикомъ съ греческаго языка въ Лондонѣ, и мое имя хорошо извѣстно во всѣхъ отеляхъ.

„Довольно часто случается, что за мной присылаютъ въ самые неподходящіе часы въ случаяхъ какихъ-либо приключеній съ иностранцами, или когда пріѣхавшіе съ поздними поѣздами путешественники требуютъ моихъ услугъ. Поэтому я нисколько не удивился, когда въ понедѣльникъ ночью ко мнѣ явился нѣкій мистеръ Летимэръ, очень элегантный молодой человѣкъ, и попросилъ меня поѣхать съ нимъ въ ожидавшемъ его кэбѣ.

„Къ нему пріѣхалъ по дѣлу одинъ пріятель грекъ,—говорилъ онъ,—и такъ какъ онъ говоритъ только на своемъ языкѣ, то и понадобились услуги переводчика. Изъ его словъ я понялъ, что домъ его находится вблизи, въ Кенсингтонѣ. Казалось, онъ очень торопился, такъ какъ поспѣшно усадилъ меня въ кэбъ, когда мы вышли на улицу.

„Я сказалъ: въ кэбъ, но скоро мнѣ показалось, что я очутился въ каретѣ. Во всякомъ случаѣ экипажъ былъ обширнѣе обыкновеннаго четырехколеснаго лондонскаго орудія пытки, а обивка, хотя потрепанная, была изъ дорогой матеріи. М-ръ Летимэръ усѣлся напротивъ меня, и мы проѣхали по Чарингъ-Кроссу къ Шефтебѣри-Авеню. Затѣмъ мы выѣхали на Оксфордскую улицу, и я только-что заговорилъ было о томъ, что мы дѣлаемъ большой крюкъ, какъ рѣчь моя была прервана необычнымъ поведеніемъ моего спутника.

„Онъ началъ съ того, что вынулъ изъ кармана страшнаго вида кистень, налитый свинцомъ, и сталъ размахивать имъ, какъ бы пробуя его тяжесть и силу, потомъ, не говоря ни слова, положилъ его

на сидѣнье рядомъ съ собой. Послѣ этого онъ поднялъ окна съ обѣихъ сторонъ, и я увидѣлъ, что они заклеены бумагой, какъ будто для того, чтобъ помѣшать мнѣ смотрѣть на улицу.

„— Сожалѣю, что мѣшаю вамъ смотрѣть, м-ръ Меласъ,— сказалъ онъ. — Дѣло въ томъ, что я не хочу, чтобы вы видѣли то мѣсто, куда мы ѣдемъ. Мнѣ было бы неудобно, если бы вы могли найти дорогу туда.

„Можете себѣ представить, какъ я былъ пораженъ этими словами. Мой спутникъ былъ сильный, широкоплечій парень, и, не говоря уже о кистенѣ, я ни въ какомъ случаѣ не могъ бороться съ нимъ.

„— Меня очень удивляетъ ваше поведеніе, м-ръ Летимэръ, — пробормоталъ я. — Вы должны понимать, что поступаете незаконно.

„— Безъ сомнѣнія, это въ своемъ родѣ вольность,— отвѣтилъ онъ,— но мы вознаградимъ васъ за это. Однако, долженъ предупредить васъ, м-ръ Меласъ, что если, въ эту ночь, вы подымете тревогу или сдѣлаете что-либо, что будетъ угрожать моимъ интересамъ, вы навлечете на себя серьезные непріятности. Прошу васъ помнить, что никто не знаетъ, гдѣ вы находитесь, и въ этой каретѣ такъ же, какъ и въ моемъ дѣлѣ, вы вполне въ моей власти.

„Онъ говорилъ спокойно, но въ тонѣ его голоса слышалась угроза. Я продолжалъ сидѣть молча, недоумѣвая, зачѣмъ онъ похитилъ меня.

„Мы ѣхали около двухъ часовъ; я никакъ не могъ догадаться, куда меня везутъ. Иногда по стуку камней можно было думать, что мы ѣдемъ по шоссе, иногда по тихой, спокойной ѣздѣ можно

было предположить, что карета катится по асфальту. Но за исключеніемъ этой разницы въ звукахъ не было ничего, что могло бы помочь мнѣ догадаться, гдѣ мы. Бумага на окнахъ была непроницаема, а переднее окно затянуто синей занавѣской. Мы выѣхали изъ Палль-Малля въ четверть восьмого, а на моихъ часахъ было безъ десяти минутъ девять. Когда нашъ экипажъ, наконецъ, остановился, мой спутникъ опустилъ окно, и я мелькомъ увидѣлъ низкій сводъ подѣзда, гдѣ горѣла лампа. Когда я поспѣшно вышелъ изъ кареты, дверь подѣзда распахнулась, и я очутился въ домѣ. У меня осталось смутное впечатлѣніе, что передъ подѣздомъ была лужайка и деревья. Не могу сказать—была ли то усадьба, или просто домъ въ деревнѣ.

„Въ домѣ горѣла лампа подъ цвѣтнымъ колпакомъ. Огонь ея былъ спущенъ такъ сильно, что я едва могъ разглядѣть довольно большую переднюю, увѣшанную картинами. Въ полумракѣ я замѣтилъ, что дверь намъ отворилъ маленькій, невзрачный, сутуловатый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Когда онъ повернулъ къ намъ свѣтъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ очкахъ.

„— Это м-ръ Меласъ, Гарольдъ? — спросилъ онъ.

„— Да.

„— Отлично! Отлично! Надѣюсь, вы не разсердитесь на насъ, м-ръ Меласъ, но мы не могли обойтись безъ васъ. Если вы хорошо относитесь къ намъ, то не пожалѣете, но если вздумаете сыграть съ нами какую-нибудь штуку, то... сохрани васъ Богъ.

„Онъ говорилъ отрывисто, нервнымъ тономъ,

хихикая между словами, но почему-то онъ внушилъ мнѣ больше страха, чѣмъ мой спутникъ.

„— Что вамъ нужно отъ меня?—спросилъ я.

„— Только, чтобы вы предложили нѣсколько вопросовъ одному господину, греку, который въ гости у насъ, и передали бы намъ его отвѣты. Но говорите только то, что вамъ скажутъ, или... — тутъ онъ опять нервно захихикалъ, — лучше бы вамъ было не родиться.

„Говоря это, онъ отворилъ дверь и ввелъ меня въ комнату, повидимому, роскошно убранную, но также плохо освѣщенную одной, полуспущенной лампой. Комната была большая и по тому, какъ мои ноги утопали въ коврѣ, очевидно, богато меблированная. Я мимоходомъ замѣтилъ бархатные стулья, высокій, бѣлый мраморный каминъ и, какъ мнѣ показалось, съ одной стороны его наборъ японскаго оружія. Какъ разъ подъ лампой стоялъ стулъ; пожилой человѣкъ указалъ мнѣ на него. Молодой вышелъ изъ комнаты и внезапно вернулся черезъ другую дверь, ведя за собой джентльмена, одѣтаго во что-то въ родѣ халата. Джентльменъ медленно приближался ко мнѣ. Когда онъ вошелъ въ кругъ слабого свѣта, бросаемаго лампой, я ужаснулся его вида. Онъ былъ смертельно блѣденъ. Его выпуклые глаза сверкали какъ у человѣка, духъ котораго сильнѣе плоти. Но что поразило меня больше всѣхъ признаковъ физической слабости,—это то, что все его лицо было покрыто полосами пластыря, скрещивавшимися между собой; такимъ же большимъ кускомъ пластыря былъ закрытъ и ротъ.

„— У тебя доска, Гарольдъ? — крикнулъ пожилой, когда вошедшее странное существо скорѣе упало, чѣмъ сѣло на стулъ.—Свободны у него ру-

ки? Ну, дай ему грифель. Предлагайте ему вопросы, м-ръ Меласъ, а онъ будетъ писать отвѣты. Прежде всего, спросите его, готовъ ли онъ подписать бумаги.

„Глаза незнакомца вспыхнули.

„— Никогда, -- написалъ онъ по-гречески на доскѣ.

„— Ни на какихъ условіяхъ? — спросилъ я по приказанію нашего тирана.

„— Только въ томъ случаѣ, если я увижу, что ее будетъ вѣнчать мой знакомый греческій священникъ.

„Пожилой захихикалъ язвительно.

„— Вы вѣдь знаете, что ожидаетъ васъ въ такомъ случаѣ?

„— Лично мнѣ все равно.

„Вотъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ нашего страннаго разговора, частью устнаго, частью письменнаго. Нѣсколько разъ я долженъ былъ спрашивать его, согласится ли онъ подписать бумагу, и нѣсколько разъ передавалъ его негодующій отвѣтъ. Но скоро мнѣ пришла въ голову счастливая мысль. Я сталъ прибавлять свои слова къ каждому вопросу, — сначала невиннаго свойства, чтобы убѣдиться, не понимаетъ ли по-гречески который-нибудь изъ двухъ присутствующихъ. Когда же я увидѣлъ, что они ничего не подозреваютъ, я началъ болѣе опасную игру. Вотъ, приблизительно, нашъ разговоръ.

„— Ваше упрямство только повредитъ вамъ. Кто вы?

„— Мнѣ все равно. Я иностранецъ.

„— Вы сами навлекаете бѣду на себя. Сколько времени вы здѣсь?

„— Пусть будетъ такъ. *Три недѣли.*

„— Состояніе никогда не перейдетъ къ вамъ.
Чѣмъ вы больны?

„— Оно не перейдетъ къ негодяямъ. *Они моятъ меня голодомъ.*

„— Вы будете свободны, если подпишите. *Кому принадлежитъ этотъ домъ?*

„— Я никогда не подпишу. *Не знаю.*

„— Этимъ вы не окажете ей услуги. *Какъ ваше имя?*

„— Пусть она сама скажетъ мнѣ это. *Кратидесъ.*

„— Вы увидите ее, если подпишете. *Откуда вы?*

„— Такъ, значить, я никогда не увижу ее. *Изъ Афинъ.*

„Еще пять минутъ, мистеръ Холмсъ, и я узналъ бы всю исторію подъ самымъ носомъ этихъ господъ. Мой слѣдующій вопросъ уяснилъ бы мнѣ все, но въ это мгновенье отворилась дверь, и въ комнату вошла какая-то женщина. Я разглядѣлъ только, что она была высока ростомъ, граціозна, съ черными волосами и въ какомъ-то свободномъ бѣломъ платьѣ.

„— Гарольды!—сказала она по-англійски съ иностраннымъ акцентомъ.—Я не могу оставаться дольше; такъ скучно оставаться одной, съ... о, Боже мой, это Павелъ!

„Послѣднія слова она проговорила по-гречески, и въ то же мгновенье незнакомецъ съ судорожнымъ усиліемъ сорвалъ со рта пластырь и съ крикомъ: „Софія, Софія!“ бросился въ объятія женщины. Объятія ихъ длились, однако, лишь секунду. Молодой человѣкъ поспѣшно бросился къ незнакомкѣ и вытолкалъ ее изъ комнаты, а пожилой легко

справился со своей истощенной жертвой и вытащилъ его въ противоположную дверь. На одно мгновенье я остался одинъ въ комнатѣ и вскочилъ на ноги съ смутной надеждой узнать, что это за домъ, въ которомъ я находился. Къ счастью, однако я не успѣлъ ничего предпринять: поднявъ голову, я увидѣлъ, что старшій изъ мужчинъ стоитъ въ дверяхъ, пристально смотря на меня.

„— Довольно, м-ръ Меласъ,—сказалъ онъ.—Вы видите, что мы заставили васъ принять участіе въ нашемъ интимномъ дѣлѣ. Мы бы не стали беспокоить васъ, если бы нашъ другъ, говорящій по-гречески и начавшій переговоры, не долженъ былъ вернуться на востокъ. Намъ необходимо было замѣнить его кѣмъ-нибудь, и мы очень обрадовались, узнавъ, что вы хорошо знаете греческій языкъ.

„Я поклонился.

„— Вотъ пять совереновъ,—продолжалъ онъ, подходя ко мнѣ.—Надѣюсь, что вы останетесь довольны этимъ вознагражденіемъ. Но помните,—прибавилъ онъ, слегка дотронувшись до моей груди и хихикнувъ,—что если вы проговоритесь хоть одной человѣческой душѣ, то да сжалится Господь надъ вашей душой.

„Не могу вамъ передать, какое отвращеніе, какой ужасъ внушалъ мнѣ этотъ человѣкъ. Теперь, когда на него падалъ свѣтъ лампы, я могъ лучше разглядѣть его. Лицо у него было блѣдное, съ рѣзкими чертами, съ маленькой остроконечной рѣденькой бородкой. Говоря, онъ вытягивалъ лицо и передергивалъ губами и вѣками, словно человѣкъ, страдающій пляской св. Витта. Я невольно подумалъ, что его странный смѣхъ былъ также симп-

томомъ нервной болѣзни. Но самое ужасное въ его лицѣ были глаза — сѣрые, стального цвѣта, съ холоднымъ блескомъ, съ выраженіемъ злобной, непреклонной жестокости въ глубинѣ.

— Мы узнаемъ, если вы проговоритесь, — сказалъ онъ. — У насъ есть свои способы добывать нужныя намъ свѣдѣнія. Ну-съ, экипажъ ожидаетъ васъ, и мой другъ проводитъ васъ домой.

„Меня поспѣшно провели по передней и втокнули въ карету такъ, что я опять успѣлъ увидѣть только деревья и садъ. М-ръ Летимэръ шелъ за мной по пятамъ и молча сѣлъ на свое прежнее мѣсто напротивъ меня. Снова, въ полномъ безмолвіи, съ поднятыми стеклами, мы проѣхали безконечное пространство, пока, наконецъ, карета не остановилась. Только-что пробило полночь.

— Вы выйдете здѣсь, м-ръ Меласъ, — сказала мой спутникъ. — Сожалѣю, что приходится оставить васъ такъ далеко отъ вашего дома, но дѣлать нечего. Всякая ваша попытка послѣдовать за каретой послужитъ вамъ только во вредъ.

„Говоря это, онъ отворилъ дверцу, и только-что я успѣлъ выпрыгнуть, какъ кучеръ ударилъ по лошади, и экипажъ быстро помчался. Я въ изумленіи оглянулся вокругъ. Я былъ на пустырь, поросшемъ темными группами кустарниковъ. Вдали виднѣлась линія домовъ, въ верхнихъ этажахъ которыхъ кое-гдѣ мелькали огни. Съ другой стороны я увидѣлъ красные сигнальные фонари желѣзной дороги.

„Экипажъ, въ которомъ я пріѣхалъ, уже исчезъ изъ виду. Я продолжалъ стоять, оглядываясь и стараясь догадаться, гдѣ бы я могъ быть, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то подходитъ ко мнѣ

въ темнотѣ. Когда незнакомецъ подошелъ ближе, то оказался желѣзнодорожнымъ сторожемъ.

— Можете мнѣ сказать, что это за мѣсто? — спросилъ я.

— Уандсуортъ-Коммонъ, — отвѣтилъ сторожъ.

— Могу я попасть на поѣздъ, идущій въ городъ?

— Если пройдетъ до станціи Клэпхэмъ, — это съ милію отсюда, — то поспѣете какъ разъ къ послѣднему поѣзду.

„Такъ и окончилось мое приключеніе, м-ръ Холмсъ. Не знаю, гдѣ я былъ, съ кѣмъ говорилъ, не знаю ничего, кромѣ того, что рассказала вамъ. Знаю только, что тамъ происходитъ что-то ужасное и что мнѣ хотѣлось бы помочь этому несчастному. На слѣдующій же день я рассказалъ всю исторію м-ру Майкрофту Холмсу, а затѣмъ полиціи.“

Нѣсколько времени мы сидѣли молча, выслушавъ этотъ необычный рассказъ. Затѣмъ Шерлокъ Холмсъ взглянулъ на брата и спросилъ:

— Сдѣланы какіе-нибудь шаги?

Майкрофтъ взялъ газету „Daily News“, лежавшую на столѣ.

— „Награда тому, кто сообщитъ какія-либо свѣдѣнія о мѣсто нахожденіи джентльмена-грека, Павла Кратидеса изъ Афинъ, не умѣющаго говорить по-англійски. Такая же награда тому, кто сообщитъ что-либо о дамѣ-гречанкѣ, по имени Софія. X. 2473“. Это объявленіе было помѣщено во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ, но отвѣта не послѣдовало.

— Не справлялись въ греческомъ посольствѣ?

— Справлялся. Тамъ ничего не знаютъ.

Такъ надо телеграфировать начальнику полиціи Афинахъ.

Вся энергія нашей семьи сосредоточилась на Шерлокѣ,—сказала Майкрофтъ, оборачиваясь ко мнѣ.—Ну, такъ берись за это дѣло и дай мнѣ знать, если оно удастся тебѣ.

— Конечно,—отвѣтилъ мой пріятель, вставая со стула.—Я сообщу обо всемъ и тебѣ и м-ру Меласу. А пока, м-ръ Меласъ, будь я на вашемъ мѣстѣ, я сталъ бы остерегаться, такъ какъ эти негодяи узнали по объявленіямъ, о томъ, что вы выдали ихъ.

На пути домой Холмсъ зашелъ на телеграфъ и послалъ нѣсколько телеграммъ.

— Видите, Ватсонъ, мы во всякомъ случаѣ не потеряли даромъ вечера,—замѣтилъ онъ.—Нѣкоторые изъ самыхъ интересныхъ моихъ дѣлъ попали ко мнѣ черезъ Майкрофта. Въ только-что слышанномъ нами загадочномъ происшествіи есть нѣсколько особенныхъ чертъ, хотя, въ общемъ, оно допускаетъ только одно объясненіе.

— Вы надѣетесь выяснитъ это дѣло?

— Ну, зная столько, сколько уже извѣстно намъ, было бы странно, если бы мы не открыли всего. У васъ у самого, должно-быть, уже составилась какая-нибудь теорія насчетъ слышаннаго нами.

— Въ общихъ чертахъ—да.

— Ну, что же вы думаете?

— Мнѣ кажется очевиднымъ, что эта молодая гречанка увезена молодымъ англичаниномъ, Гарольдомъ Летимэромъ.

— Откуда?

— Можетъ-быть, изъ Афинъ.

Шерлокъ Холмсъ покачалъ головой.

— Этотъ молодой человѣкъ не говоритъ ни на по-гречески. Барышня порядочно говоритъ англійски. Изъ этого можно вывести заключеніе, что она уже нѣсколько времени находится въ Англіи, а онъ никогда не бывалъ въ Греціи.

— Ну, хорошо. Предположимъ тогда, что она пріѣхала въ Англію и этотъ Гарольдъ уговорилъ ее бѣжать съ нимъ.

— Это болѣе вѣроятно.

— Тогда братъ—я думаю, она приходится ему сестрой—пріѣзжаетъ въ Англію, чтобы вмѣшаться въ ихъ отношенія. По неосторожности онъ попадаетъ въ руки молодого человѣка и его пожилого товарища. Они хватаютъ пріѣзжаго и стараются силой принудить его подписать какія-то бумаги, чтобы завладѣть состояніемъ молодой дѣвушки, опекуномъ которой онъ, можетъ-быть, состоитъ. Онъ отказывается. Для того, чтобы вести разговоры, имъ нуженъ былъ переводчикъ, и они напали на м-ра Меласа. Раньше у нихъ былъ другой переводчикъ. Дѣвушкѣ не говорили о пріѣздѣ брата, и она узнала объ этомъ совершенно случайно.

— Превосходно, Ватсонъ!—вскрикнулъ Холмсъ.— Я дѣйствительно думаю, что вы недалеки отъ истины. Видите, всѣ карты въ нашихъ рукахъ, остается только бояться насилія со стороны этихъ господъ. Если они дадутъ намъ достаточно времени, мы накроемъ ихъ.

— Но какъ найти, гдѣ находится ихъ домъ?

— Ну, если наши предположенія правильны и имя этой дѣвушки—Софія Кратидесъ (или, по крайней мѣрѣ, это ея прежняя фамилія), то нетрудно будетъ напасть на ея слѣдъ. Эта наша главная

надежда, такъ какъ братъ, повидимому, совершенно чужой здѣсь. Ясно, что прошло уже нѣсколько времени съ тѣхъ поръ, какъ Гарольдъ вступилъ въ сношенія съ этой дѣвушкой,—во всякомъ случаѣ, нѣсколько недѣль,—такъ какъ братъ успѣлъ узнать это въ Греціи и прѣхать сюда. Если они жили въ одномъ мѣстѣ все это время, то мы должны получить какой-нибудь отвѣтъ на публикацію Майкрофта.

Во время этого разговора мы дошли до нашего дома въ улицѣ Бэкеръ. Холмсъ первый поднялся по лѣстницѣ и, отворивъ дверь въ нашу комнату, вздрогнулъ отъ удивленія. Я заглянулъ ему черезъ плечо и также изумился. Майкрофтъ Холмсъ сидѣлъ въ креслѣ и курилъ трубку.

— Входи, Шерлокъ! Войдите, сэръ! — любезно проговорилъ онъ, улыбаясь при видѣ нашихъ изумленныхъ лицъ.—Ты не ожидалъ отъ меня такой прыти, Шерлокъ? Но это дѣло имѣетъ что-то особенно привлекательное для меня.

— Какъ ты попалъ сюда?

— Я обогналъ васъ въ кэбѣ.

— Открылось что-нибудь новое?

— Я получилъ отвѣтъ на публикацію.

— А!

— Да, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ вы ушли.

— И что же?

Майкрофтъ Холмсъ вынулъ листъ бумаги.

— Вотъ записка,—сказалъ онъ,—написанная мягкимъ перомъ на дорогой бумагѣ цвѣта кремъ, пожилымъ, болѣзненнымъ человѣкомъ. Вотъ что онъ пишетъ: „Сэръ, въ отвѣтъ на ваше объявленіе отъ сегодняшняго числа, могу сообщить вамъ, что я

очень хорошо знаю молодую дѣвушку, о которой идетъ рѣчь. Если вы потрудитесь зайти ко мнѣ, я сообщу вамъ нѣкоторыя подробности ея грустной исторіи. Въ настоящее время она живетъ въ Бекенгэмѣ, въ имѣніи „Мирты“. Съ почтеніемъ Дж. Дэвенпортъ“.

— Онъ пишетъ изъ Нижняго Брикстона,—сказалъ Майкрофтъ Холмсъ;—какъ думаешь, Шерлокъ, не съѣздитъ ли намъ къ нему, чтобы разспросить его.

— Жизнь брата дороже исторіи сестры, мой милый Майкрофтъ. Я думаю, мы заѣдемъ въ Scotland-Yard за инспекторомъ Грегсономъ и отсюда проѣдемъ прямо въ Бекенгэмъ. Мы знаемъ, что человѣкъ обреченъ на смерть, и каждый лишній часъ имѣетъ громадное значеніе.

— Не захватить ли намъ съ собой м-ра Меласа,—предложила я,—намъ можетъ понадобиться перюдчикъ.

— Превосходно,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ,—пошлите за экипажемъ и поѣдемъ немедленно.

Говоря это, онъ выдвинулъ ящикъ стола, и я замѣтилъ, что онъ сунулъ револьверъ въ карманъ.

— Да,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ.—Изъ всего слышаннаго я заключилъ, что мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайно опасной шайкой.

Почти совсѣмъ стемнѣло, когда мы подѣхали къ дому на Паль-Маллѣ, гдѣ жилъ м-ръ Меласъ. Какъ разъ передъ нами за нѣмъ заѣхалъ какой-то господинъ и увезъ его съ собой.

— Не можешь ли сказать, куда?—спросилъ Майкрофтъ Холмсъ.

— Не знаю,—отвѣтила женщина, которая отперла намъ дверь.—Знаю только, что онъ уѣхалъ въ каретѣ вмѣстѣ съ джентльменомъ.

— Этотъ джентльменъ не называлъ себя по фамилиі?

— Нѣтъ, сэръ.

— Это былъ высокій, красивый, молодой брюнетъ?

— О, нѣтъ, сэръ; господинъ небольшого роста, въ очкахъ, съ худымъ лицомъ, но съ очень пріятными манерами: онъ смѣялся все время, пока говорилъ.

— Ёдемъ скорѣе!—отрывисто крикнулъ Шерлокъ Холмсъ.

— Дѣло становится очень серьезнымъ!—замѣтилъ онъ, когда мы ѣхали въ „Scotland-Yard“.— Эти люди опять захватили Меласа. Онъ человѣкъ не храбраго десятка, какъ они замѣтили въ ту ночь. Этотъ негодяй сумѣлъ запутать его, какъ только явился къ нему. Безъ сомнѣнія, имъ понадобились его профессиональныя услуги, но, воспользовавшись ими, они, пожалуй, захотятъ наказать его за то, что считаютъ предательствомъ съ его стороны.

Мы надѣялись, что по желѣзной дорогѣ доѣдемъ въ Бекенгэмъ скорѣе, чѣмъ въ экипажѣ. Однако, когда мы доѣхали до „Scotland-Yard“, то принуждены были употребить болѣе часа на то, чтобъ дожидаться инспектора Грегсона и выполнить нѣкоторыя формальности, необходимыя для того, чтобъ проникнуть въ домъ. Было уже безъ четверти десять, когда мы пріѣхали на станцію, и половина одиннадцатаго, когда всѣ четверо высадились въ Бекенгэмѣ. Проѣхавъ полмили отъ станціи, мы очутились передъ „Миртами“—большимъ,

мрачнымъ домомъ, стоявшимъ особнякомъ вдали отъ дороги. Тутъ мы опустили экипажъ и пошли по дорогѣ.

— Въ окнахъ темно, — замѣтилъ инспекторъ. — Домъ, кажется, пустъ.

— Наши птички улетѣли, и гнѣздышко опустѣло,—сказала Холмсъ.

— Почему вы говорите такъ?

— Съ часъ тому назадъ здѣсь проѣхала тяжело нагруженная повозка.

Инспекторъ разсмѣялся.

— Я видѣлъ слѣдъ колесъ при свѣтѣ фонаря у воротъ, но почему вы знаете, что повозка была тяжело нагружена?

— Вы, можетъ-быть, замѣтили, что тѣ же слѣды колесъ идутъ и въ другую сторону. Но колеи, которыя идутъ отъ воротъ, гораздо глубже, такъ что можно навѣрно сказать, что на повозкѣ были тяжелыя вещи.

— Вы нѣсколько перехитрили меня, — сказалъ, пожимая плечами, инспекторъ; — не легко намъ будетъ попасть въ домъ. Но попробуемъ прежде, не услышитъ ли насъ кто-нибудь.

Онъ принялся громко стучать молоткомъ у двери и звонить въ колокольчикъ, но совершенно безуспѣшно. Холмсъ исчезъ куда-то, но вернулся черезъ нѣсколько минутъ.

— Я отворилъ одно окно,—сказалъ онъ.

— Хорошо, что вы на нашей сторонѣ, а не противъ нея, м-ръ Холмсъ, — замѣтилъ инспекторъ, увидѣвъ, какъ ловко мой другъ отперъ задвижку. — Ну, мнѣ, кажется, въ этомъ случаѣ мы можемъ войти, не дожидаясь приглашенія.

Одинъ за другимъ, мы пробрались въ большую

комнату, повидимому, ту самую, въ которую былъ введенъ м-ръ Меласъ. Инспекторъ зажегъ фонарь, и при свѣтѣ его мы могли рассмотретьъ двѣ двери, занавѣску, лампу, японскія вещи, — все то, что описывалъ грекъ. На столѣ стояло два стакана, пустая бутылка изъ-подъ водки и остатки ѣды.

— Это что?—внезапно сказалъ Холмсъ.

Мы всѣ остановились и прислушались. Откуда-то надъ нашими головами доносился тихій, жалобный звукъ, походившій на стонъ. Холмсъ бросился къ двери и выбѣжалъ въ переднюю. Печальный звукъ несся сверху. Холмсъ бросился наверхъ, инспекторъ и я за нимъ, а Майкрофтъ старался не отставать отъ насъ, насколько ему позволяла его тучность.

Во второмъ этажѣ мы увидали три двери; изъ средней изъ нихъ и неслись зловѣщіе звуки, то понижавшіеся до бормотанья, то переходившіе въ рѣзкій визгъ. Дверь была заперта, но ключъ въ замкѣ оказался снаружи. Шерлокъ поспѣшно отворилъ дверь и вбѣжалъ въ комнату, но черезъ мгновеніе выскочилъ назадъ, схватившись рукой за горло.

— Это уголья!—вскрикнулъ онъ.—Погодите. Это пройдетъ.

Заглянувъ въ комнату, мы увидѣли, что она освѣщалась только синимъ, тусклымъ пламенемъ, колебавшимся надъ небольшимъ мѣднымъ таганомъ, стоявшимъ среди комнаты. Пламя бросало мертвенно неестественный кругъ на полъ. Въ тѣни мы замѣтили неясныя очертанія двухъ людей, прижавшихся къ стѣнѣ. Изъ открытой двери пахло ужасными ядовитыми испареніями, отъ которыхъ мы закашлялись и чуть было не задохлись. Холмсъ

бросился на верхъ лѣстницы, чтобы впустить свѣжій воздухъ, потомъ кинулся въ комнату, открылъ окно и выбросилъ таганъ въ садъ.

— Черезъ минуту можно будетъ войти, — задыхаясь, проговорилъ онъ. — Гдѣ свѣчка? Я думаю, въ такой атмосферѣ нельзя зажечь спички. Подержи фонарь у двери, Майкрофтъ, а мы вытащимъ ихъ. Ну, беритесь!

Мы бросились къ отравленнымъ и вытащили ихъ на площадку. Оба были безъ чувствъ, съ посинѣвшими губами, распухшими, налитыми кровью лицами и вышедшими изъ орбитъ глазами. Лица ихъ были до такой степени искажены, что только по черной бородѣ и коренастой фигурѣ мы могли узнать грека-переводчика, съ которымъ разстались только нѣсколько часовъ тому назадъ въ клубѣ Діогена. Онъ былъ крѣпко связанъ по рукамъ и ногамъ, а надъ однимъ глазомъ виднѣлись слѣды сильнаго удара. Другой, связанный такимъ же образомъ, былъ высокой, до крайности истощенный мужчина, съ лицомъ, уродливо испещреннымъ полосами липкаго пластыря. Онъ пересталъ стонать, когда мы положили его на полъ, и для меня было достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться, что для него уже не нужно нашей помощи. Но мистеръ Меласъ былъ еще живъ и менѣе чѣмъ черезъ часъ, съ помощью нашатырнаго спирта и водки, мнѣ удалось привести его въ себя. Онъ открылъ глаза, и я имѣлъ удовольствіе убѣдиться въ томъ, что моя рука спасла его отъ мрачной долины смерти, гдѣ сходятся всѣ дороги.

Исторія, которую онъ разсказалъ намъ, оказалась простой и подтвердила всѣ наши предположенія. Посѣтитель, пришедшій къ мистеру Меласу,

вынулъ изъ рукава ножъ и такъ напугалъ грека угрозой мгновенной смерти, что вторично увезъ его съ собой. Этотъ хихикающій негодяй имѣлъ на несчастнаго лингвиста почти гипнотическое вліяніе. Меласъ не могъ даже говорить о немъ безъ дрожи и не блѣднѣя. Его поспѣшно увезли въ Бекенгэмъ, и тамъ ему пришлось быть переводчикомъ при свиданіи еще болѣе драматическомъ, чѣмъ первое: англичане угрожали плѣннику немедленной смертью, если онъ не согласится на ихъ требованія. Наконецъ, видя, что никакія угрозы не дѣйствуютъ, они втолкнули его обратно въ его тюрьму и, упрекнувъ Меласа въ предательствѣ, обнаружившемся въ объявленіи въ газетѣ, оглушили его ударомъ палки; онъ потерялъ сознание и окомнился только тогда, когда мы привели его въ чувство.

Таково было странное приключеніе, случившееся съ грекомъ переводчикомъ и до сихъ поръ еще неполнѣ объясненное. Повидавшись съ джентльменомъ, отвѣтившимъ на публикацію, мы узнали, что несчастная молодая дѣвушка происходила изъ богатой греческой семьи и пріѣзжала въ Англію къ своимъ знакомымъ. Тамъ она встрѣтилась съ молодымъ человѣкомъ, Гарольдомъ Летимэромъ, который пріобрѣлъ надъ ней сильное вліяніе и уговорилъ ее бѣжать съ нимъ. Ея знакомые, неприятно пораженные этимъ случаемъ, ограничились тѣмъ, что извѣстили ея брата, жившаго въ Аѳинахъ, и затѣмъ умыли руки. Братъ, по пріѣздѣ въ Англію, по неосторожности попалъ въ руки Летимэра и его сообщника, Вильсона Кемпа, человѣка съ самымъ темнымъ прошлымъ. Негодяи, увидѣвъ, что незнакомецъ, по незнанію англійскаго языка, совершенно безпомощенъ въ ихъ рукахъ, держали

его плѣнникомъ въ своемъ домѣ и, жестокимъ обращеніемъ и голодомъ, пытались заставить его отречься въ ихъ пользу отъ своего состоянія и отъ состоянія сестры. Дѣвушка не знала о его пребываніи въ домѣ, а пластырь на его лицѣ былъ наклеенъ для того, чтобы было труднѣе узнать его въ случаѣ неожиданной встрѣчи. Но, несмотря на эту предосторожность, она съ женской наблюдательностью сразу узнала его при первомъ посѣщеніи переводчика. Впрочемъ, бѣдная дѣвушка была также плѣнницей, такъ какъ въ домѣ не было никого, кромѣ человѣка, исполнявшаго роль кучера, и его жены, которые оба были сообщниками заговорщиковъ. Убѣдившись, что тайна ихъ открыта, а отъ плѣнника ничего не добьешься, негодяи бѣжали съ дѣвушкой изъ нанятаго ими меблированного дома, сначала отомстивъ, какъ они думали, и тому, съ кѣмъ имъ не удалось сладить, и выдавшему ихъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы получили изъ Будапешта интересную газетную вырѣзку. Въ ней сообщалось о трагической смерти двухъ англичанъ, путешествовавшихъ съ какой-то женщиной. Оба они были найдены заколотыми, и венгерская полиція предполагала, что они нанесли другъ другу смертельныя раны во время ссоры. Но мнѣ кажется, что Холмсъ держится иного мнѣнія, и до сихъ поръ онъ предполагаетъ, что если бы можно было отыскать гречанку, мы узнали бы, какъ было отомщено все зло, причиненное ей и брату.

Морской договоръ.

Июль мѣсяцъ, въ годъ моей женитьбы, останется навсегда памятнымъ мнѣ, благодаря тремъ интереснымъ дѣламъ, въ которыхъ мнѣ посчастливилось принимать участіе вмѣстѣ съ Шерлокомъ Холмсомъ и изучать его методъ. Дѣла эти записаны у меня подъ названіемъ „Второе пятно“, „Морской договоръ“ и „Усталый капитанъ“. Но первое изъ нихъ касается интересовъ самыхъ знатныхъ фамилій Англій, и поэтому не можетъ быть опубликовано въ настоящее время. А между тѣмъ ни одно изъ дѣлъ, которыми занимался Холмсъ, не можетъ служить лучшей иллюстраціей его аналитическаго метода, ни одно не произвело болѣе сильнаго впечатлѣнія на близкихъ къ Холмсу сотрудниковъ. У меня до сихъ поръ хранится почти буквальныи докладъ о свиданіи, во время котораго Холмсъ указываетъ всѣ подробности дѣла г. Дюбюку, начальнику парижской полиціи, и Фрицу фонъ-Вальдбауму, извѣстному данцигскому специалисту. Оба эти специалиста совершенно напрасно потратили много энергіи на разслѣдованіе этого дѣла. Но рассказать все можно будетъ только въ грядущемъ столѣтіи, а пока я опишу второе изъ записанныхъ мною происшествій, угрожавшее было стать важнымъ національнымъ вопросомъ и отличающееся нѣсколькими подробностями, придающими ему единственный въ своемъ родѣ характеръ.

Въ школѣ я былъ очень близокъ съ однимъ изъ мальчиковъ—Перси Фельпсомъ. Ровесникъ мнѣ по

годамъ, онъ былъ старше меня на два класса. Способности у него были блестящія; онъ получалъ всѣ награды, какія только давались въ школѣ, и закончилъ тѣмъ, что получилъ стипендію, которая дала ему возможность продолжать свою побѣдоносную карьеру въ Кэмбриджѣ. Насколько я помню, у него была знатная родня, и еще маленькими мальчиками мы знали, что братъ его матери—лордъ Хольдхёрстъ, извѣстный консерваторъ. Это знатное родство приносило ему въ школѣ мало пользы; напротивъ, намъ казалось интереснымъ повалить и отколотить именно его. Другое дѣло, когда онъ вступилъ въ свѣтъ. До меня доносились слухи, что, благодаря его способностямъ и знатнымъ связямъ, онъ получилъ хорошее мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ совершенно исчезъ изъ моей памяти до тѣхъ поръ, пока слѣдующее письмо не напомнило мнѣ объ его существованіи:

„Брайарбрэ, Уокингъ.

„Любезный Ватсонъ, я не сомнѣваюсь, что вы помните „головастика“ Фельпса, бывшаго въ пятомъ классѣ, когда вы учились въ третьемъ. Можетъ-быть, вы слышали, что благодаря вліянію дяди, я получилъ хорошее мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и пользовался тамъ довѣріемъ и уваженіемъ до тѣхъ поръ, пока ужасное несчастіе не разрушило вдругъ всей моей карьеры.

„Безполезно было бы описывать вамъ всѣ подробности этого несчастнаго случая. Если вы согласитесь исполнить мою просьбу, то мнѣ придется лично рассказать вамъ все. Я только-что оправился отъ воспаления мозга, которое продолжалось девять недѣль, и еще очень слабъ. Не мо-

жете ли вы навѣстить меня и привести съ собой вашего друга, м-ра Холмса? Мнѣ хотѣлось бы узнать его мнѣніе насчетъ одного дѣла, хотя зна-токи и увѣряютъ меня, что больше ничего уже нельзя сдѣлать. Попытайтесь уговорить его и при-ѣзжайте какъ можно скорѣе. Въ томъ ужасномъ состояніи, въ которомъ я нахожусь, каждая минута кажется часомъ. Скажите ему, что если я не про-силъ его совѣта раньше, то не потому, чтобы сомнѣвался въ его талантности, а оттого, что ли-шился способности соображать съ той самой мину-ты, какъ ударъ постигъ меня. Теперь разсудокъ вернулся ко мнѣ, но я боюсь думать слишкомъ много, чтобы не вызвать повторенія припадка. Я еще такъ слабъ, что, какъ видите, принужденъ диктовать письмо. Постарайтесь привезти его.

Вашъ старый товарищъ
Перси Фельпсъ“.

Что-то въ этомъ письмѣ,—можетъ-быть, усилен-ныя мольбы о приглашеніи Шерлока Холмса,—тро-нуло меня. Тронуло настолько, что даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ представлялась какая-нибудь трудная задача, я выполнилъ бы ее; а тутъ я хо-рошо зналъ, что Холмсъ любитъ свое искусство и всегда готовъ оказать помощь всякому, кто нуж-дается въ ней. Жена согласилась со мной, что не слѣдуетъ терять ни минуты, и потому черезъ часъ послѣ завтрака я уже былъ въ своей прежней квартирѣ на улицѣ Бэкеръ.

Холмсъ сидѣлъ у стола въ халатѣ, весь погру-женный въ какой-то химическій опытъ. Большая изогнутая реторта неистово кипѣла на голубоватомъ пламени бунзеновской лампочки и дистиллирован-

ныя капли собирались въ двухлитровую мензурку. Мой пріятель еле взглянулъ на меня, когда я во-шелъ въ комнату. Видя, что онъ занятъ какимъ-то важнымъ опытомъ, я усѣлся въ кресло и сталъ ждать. Онъ погружалъ свою стеклянную трубочку то въ одинъ сосудъ, то въ другой и, наконецъ, поставилъ на столъ пробирку. Въ правой рукѣ у него былъ лоскутокъ лакмусовой бумаги.

— Вы пришли какъ разъ въ критическую мину-ту,—проговорилъ онъ. Если эта бумажка останет-ся синей—хорошо; если же станетъ красной, то дѣло идетъ о жизни человѣка.

Онъ опустилъ бумажку въ пробирку, и она сразу окрасилась въ темно-красный цвѣтъ.

— Гмъ! я такъ и думалъ!—вскрикнулъ Холмсъ.— Черезъ минуту я къ вашимъ услугамъ, Ватсонъ. Табакъ вы найдете въ персидской туфлѣ.

Онъ подошелъ къ письменному столу, набросалъ нѣсколько телеграммъ и отдалъ ихъ мальчику. Потомъ онъ бросился въ кресло и, поднявъ колѣ-ни, охватилъ ихъ руками.

— Самое обыкновенное убійство,—сказалъ онъ.— Мнѣ кажется, у васъ есть что-то получше. Вы пря-мо буревѣстникъ преступленій, Ватсонъ. Что тамъ такое?

Я подалъ ему письмо, которое онъ прочелъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ.

— Немногое узнаешь изъ этого; не правда ли?— замѣтилъ онъ отдавая письмо обратно.

— Почти ничего.

— Только почеркъ интересный.

— Но вѣдь писалъ не онъ самъ.

— Вотъ именно. Это женскій почеркъ.

— Навѣрно мужской!—сказалъ я.

— Нѣтъ, женскій, и почеркъ женщины съ рѣдкимъ характеромъ. Видите, для начала изслѣдованія недурно знать, что кліентъ состоитъ въ близкихъ отношеніяхъ съ человѣкомъ исключительнымъ по своимъ добрымъ или хорошимъ качествамъ. Это заинтересовало меня. Если вы готовы, то отправимся сейчасъ же въ Уокингъ и взглянемъ на дипломата, находящагося въ такомъ печальномъ состояніи, и на даму, пишущую письма подъ его диктовку.

Намъ посчастливилось попасть на ранній поѣздъ въ Ватерлоо, и менѣе чѣмъ черезъ часъ мы уже были въ сосновыхъ лѣсахъ и среди вереска Уокинга. Брайарбрэ оказался большимъ особнякомъ, стоявшимъ среди обширнаго парка, въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ станціи. Мы послали наши карточки, и насъ ввели въ изящно убранную гостиную, куда къ намъ скоро вышелъ довольно полный господинъ, встрѣтившій насъ очень гостеприимно. На видъ ему было скорѣе подъ сорокъ, чѣмъ подъ тридцать лѣтъ, но щеки его были такъ румяны, а глаза такъ веселы, что онъ производилъ впечатлѣніе пухлаго шаловливаго ребенка.

— Какъ я радъ, что вы пріѣхали,—сказалъ онъ, радушно пожимая намъ руки.—Перси все утро спрашивалъ про васъ. Онъ, бѣдняга, цѣпляется за каждую соломенку. Его отецъ и мать просили меня повидаться съ вами, такъ какъ имъ тяжело всякое упоминаніе объ этомъ дѣлѣ.

— Мы не знаемъ никакихъ подробностей,—замѣтилъ Холмсъ.—Вы, какъ я замѣчаю, также не членъ ихъ семьи.

Нашъ новый знакомецъ сначала удивился, потомъ взглянулъ внизъ и разсмѣялся.

— Вы, вѣроятно, видѣли монограмму „Дж. Г.“ на моемъ брелокѣ,—сказалъ онъ.—Одно мгновеніе я подумалъ, что вы слишкомъ догадливы. Меня зовутъ Джозефъ Гаррисонъ, и такъ какъ Перси долженъ жениться на моей сестрѣ Анни, то я стану его родственникомъ. Вы увидите мою сестру въ его комнатѣ; въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ она неусыпно ухаживаетъ за нимъ. Не пойти ли намъ къ нему сейчасъ же? Я знаю, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ожидаетъ васъ.

Комната, куда онъ повелъ насъ, была въ одномъ этажѣ съ гостиной. Она представляла собой нѣчто среднее между будуаромъ и спальней и была вся заставлена цвѣтами. Молодой человѣкъ, очень блѣдный и истощенный, лежалъ на кушеткѣ у открытаго окна, черезъ которое доносился чудный запахъ изъ сада и напоенный ароматами лѣтній воздухъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла женщина, которая встала при нашемъ появленіи.

— Уйти мнѣ, Перси?—спросила она.

Онъ удержалъ ее за руку.

— Какъ поживаете, Ватсонъ?—ласково сказалъ онъ.—Я никогда не узналъ бы васъ съ этими усами, да, я думаю, и вы не признали бы меня. Это, вѣроятно, вашъ знаменитый другъ м-ръ Шерлокъ Холмсъ?

Я представилъ ихъ другъ другу и мы сѣли. Толстый господинъ вышелъ изъ комнаты, но сестра его осталась и продолжала держать руку больного. Это была женщина поразительной наружности—небольшого роста, слишкомъ полная, но съ чуднымъ, оливковымъ цвѣтомъ лица, большими, темными, какъ у итальянки, глазами и роскошными черными волосами. Яркій цвѣтъ ея лица еще бо-

лѣе отгѣнялъ худобу и смертельную блѣдность молодого человѣка.

— Не буду отнимать у васъ времени и сразу перейду къ дѣлу,—сказалъ онъ, приподнимаясь на кушеткѣ. Я былъ счастливъ, м-ръ Холмсъ, успѣхъ сопровождалъ меня во всемъ, какъ вдругъ на канунѣ женитьбы, внезапное, страшное несчастье разбило всѣ мои надежды на будущее.

„Можетъ-быть, Ватсонъ говорилъ в.мѣ, что я служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и, благодаря вліянію моего дяди, лорда Хольдхѣрста, быстро получилъ отвѣтственное мѣсто. Когда дядя сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ сталъ давать мнѣ конфиденціальныя порученія, и такъ какъ мнѣ удавалось всегда успѣшно выполнять ихъ, то онъ, наконецъ, вполне убѣдился въ моихъ способностяхъ и тактѣ.

„Почти десять недѣль тому назадъ—именно 23-го мая—онъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату и, похваливъ меня за успѣшное окончаніе даннаго мнѣ дѣла, сказалъ, что хочетъ дать мнѣ новое конфиденціальное порученіе.

„— Вотъ,—сказалъ онъ, вынимая сѣрый свертокъ изъ своего бюро,—вотъ оригиналь секретнаго договора между Англіей и Италіей, нѣкоторыя слухи о которомъ, къ сожалѣнію, уже проникли въ печать. Крайне важно скрыть остальное. Французское, или русское, посольства заплатили огромныя деньги, чтобы узнать подробности этихъ бумагъ. Я ни за что не выпустилъ бы ихъ изъ своего бюро, если бы не нужны были копіи. Есть у тебя въ канцеляріи письменный столъ?

„— Да, сэръ.

„— Ну, такъ возьми договоръ и запри его въ

столъ. Я отдалъ приказаніе, чтобы ты остался позже другихъ, такъ что ты можешь переписать бумаги на свободѣ, не боясь, что кто-нибудь подсматривать. Когда кончишь, запри въ столъ оригиналь и копію и отдай мнѣ лично завтра и то и другое.

„Я взялъ бумаги и...“

— Извините, одну минутку,—сказалъ Холмсъ;— во время этого разговора вы были одни?

— Совершенно одни.

— Въ большой комнатѣ?

— Тридцать фуговъ по каждой стѣнѣ.

— Въ срединѣ ея?

— Приблизительно, да.

— И говорили тихо?

— Дядя всегда говоритъ замѣчательно тихо. Я же почти ничего не говорилъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Холмсъ, закрывая глаза,—пожалуйста, продолжайте.

— Я сдѣлалъ все, какъ онъ велѣлъ, и сталъ ожидать, когда уйдутъ другіе чиновники. Одному изъ нихъ, работавшему въ моей комнатѣ, Чарльзу Гору, надо было додѣлать какую-то работу. Я оставилъ его и пошелъ обѣдать. Когда я вернулся, онъ уже ушелъ. Мнѣ очень хотѣлось поскорѣе окончить работу, такъ какъ я узналъ, что Джо-зефъ—мистеръ Гаррисонъ, котораго вы только-что видѣли,—въ городѣ и поѣдетъ въ Уокингъ съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ, на который я также рассчитывалъ попасть если будетъ возможно.

„Когда я сталъ разсматривать договоръ, то убѣдился, что дядя нисколько не преувеличивалъ его значенія. Не буду сообщать вамъ подробностей, скажу только, что онъ опредѣлялъ положеніе Ве-

ликобританіи относительно тройственного союза и преуказывалъ образъ дѣйствія страны въ случаѣ, если французскій флотъ пріобрѣтетъ большія преимущества надъ итальянскимъ въ Средиземномъ морѣ. Разбирались вопросы специально морскіе. Въ концѣ стояли подписи сановниковъ, подписавшихъ договоръ. Я пробѣжалъ бумагу глазами и принялся списывать ее.

„Этотъ длинный документъ, написанный по-французски, содержалъ двадцать шесть отдѣльныхъ статей. Я писалъ, какъ только могъ скоро, но къ девяти часамъ успѣлъ списать только девять статей и потерялъ всякую надежду попасть на поѣздъ. Какая-то сонливость и тупость овладѣли мной— частью подъ вліяніемъ обѣда, а частью вслѣдствіе работы въ теченіе цѣлаго дня. Я подумалъ, что, можетъ-быть, чашка кофе освѣжитъ меня. Въ маленькой комнаткѣ подъ лѣстницей всегда дежуритъ курьеръ, который, въ случаѣ нужды, можетъ сварить на спиртовой лампочкѣ кофе для заработавшихся чиновниковъ. Я позвонилъ, чтобы онъ пришелъ.

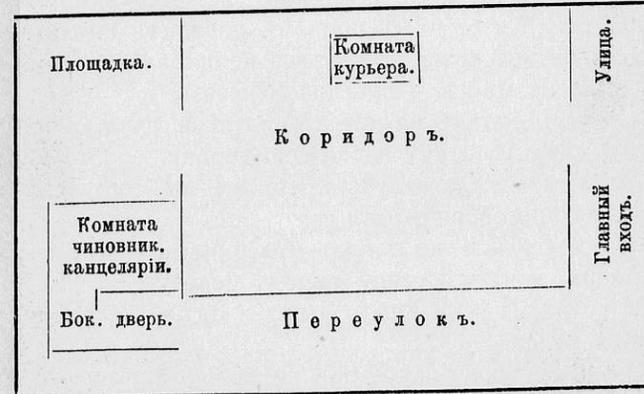
„Къ моему удивленію, на зовъ явилась какая-то толстая пожилая женщина съ грубымъ лицомъ, въ передникѣ. Она сказала, что она жена курьера и занимается поденной работой. Я приказалъ ей дать кофе.

„Я переписалъ еще двѣ статьи и, почувствовавъ еще большую сонливость, всталъ и принялся ходить по комнатѣ, чтобы размять ноги. Кофе мнѣ еще не подали. Не понимая причины задержки, я отворилъ дверь въ коридоръ и пошелъ узнать, въ чемъ дѣло. Отъ комнаты, въ которой я работалъ, идетъ слабо освѣщенный коридоръ. Онъ заканчи-

вается извилистой лѣстницей, внизу которой находится комната курьера. На половинѣ лѣстницы есть маленькая площадка, на которую подъ прямымъ угломъ выходитъ другой коридоръ. Этотъ коридоръ ведетъ, по другой маленькой лѣстницѣ, къ маленькой двери, черезъ которую ходитъ прислуга, а также чиновники для сокращенія пути изъ Чарльзъ-Стритъ. Вотъ грубый набросокъ расположенія комнатъ“.

— Благодарю васъ. Мнѣ кажется, я вполне понимаю васъ,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ.

— Чрезвычайно важно, чтобы вы обратили вниманіе на этотъ пунктъ. Я спустился по лѣстницѣ въ переднюю и увидѣлъ, что курьеръ крѣпко спитъ, сидя передъ кофейникомъ, стоявшимъ на спиртовой лампочкѣ. Вода въ кофейникѣ кипѣла такъ жаростно, что брызги ея падали на полъ. Я только-что протянулъ руку, чтобы растолкать курьера,

продолжавшаго спать крѣпчайшимъ сномъ, какъ надъ головой его раздался сильный звонъ коло-

кольчика. Онъ проснулся, вскочилъ на ноги и съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня.

„— Мистеръ Фельпсъ, сэръ!—проговорилъ онъ.

„— Я пришелъ посмотрѣть, готовъ ли мой кофе.

„— Я кипятилъ воду, да и заснулъ, сэръ.

„Онъ посмотрѣлъ на меня и затѣмъ, съ выраженіемъ еще большаго изумленія, взглянулъ на все еще продолжавшій звонить колокольчикъ.

„— Если вы здѣсь, сэръ, то кто же звонить въ колокольчикъ? — спросилъ онъ.

„— Колокольчикъ?—сказалъ я. — Что это за колокольчикъ?

„— Это колокольчикъ изъ той комнаты, въ которой вы работали.

„Ужасъ оледенилъ мнѣ сердце. Значить, кто-нибудь былъ въ комнатѣ, гдѣ на столѣ лежалъ мой драгоценный договоръ. Я, какъ безумный, сбѣжалъ съ лѣстницы и побѣжалъ по коридору. Ни въ коридорѣ, ни въ комнатѣ никого не было, мистеръ Холмсъ. Все было въ полномъ порядкѣ, но порученныхъ мнѣ бумагъ на столѣ не оказалось. Копія лежала на мѣстѣ, а оригиналъ исчезъ.“

Холмсъ сидѣлъ на креслѣ, потирая руки. Я видѣлъ, что дѣло ему вполне по сердцу.

— Скажите, пожалуйста, что же вы тогда сдѣлали?—проговорилъ онъ.

— Я сейчасъ же понялъ, что воръ, должно-быть, пробрался на лѣстницу черезъ боковую дверь. Я бы встрѣтился съ нимъ, если бы онъ вошелъ другимъ ходомъ.

— Вы увѣрены, что онъ не могъ прятаться все время въ комнатѣ или въ коридорѣ, слабо освѣщенномъ по вашимъ словамъ?

— Это совершенно невозможно. Крыса не могла

бы спрятаться въ комнатѣ или въ коридорѣ. Тамъ нѣтъ ни одного укромнаго мѣстечка.

— Благодарю васъ. Продолжайте.

— Курьеръ угадалъ по моему поблѣднѣвшему лицу, что произошло что-то неладное, и пошелъ за мной наверхъ. Мы оба быстро пробѣжали по коридору и по крутой лѣстницѣ, которая ведетъ на Чарльзъ-Стритъ. Дверь была заперта, но не на замокъ. Мы распахнули ее и выбѣжали на улицу. Я хорошо помню, что въ эту минуту на сосѣдней церкви пробило три удара. Было три четверги десятаго.

— Это чрезвычайно важно,—проговорилъ Холмсъ, записывая на манжеткѣ рукава.

— Ночь была очень темная; накрапывалъ теплый дождикъ. На Чарльзъ-Стритѣ было безлюдно, но въ концѣ Уайтголля царило обычное оживленіе. Безъ шляпъ мы выбѣжали на улицу, на отдаленномъ концѣ которой стоялъ полицейскій.

„— Произошло воровство!—задыхаясь, проговорилъ я. — Изъ министерства иностранныхъ дѣлъ украденъ очень важный документъ. Не проходилъ ли здѣсь кто-нибудь?

„— Я стою здѣсь четверть часа, сэръ,—отвѣтилъ полицейскій. — За это время прошла только одна пожилая высокая женщина въ шали.

„— Ахъ, это моя жена, — сказалъ курьеръ. — А больше никто не проходилъ?

„— Никто.

„— Ну, значитъ, воръ прошелъ другой дорогой,—проговорилъ курьеръ, дергая меня за рукавъ.

„Но я не удовольствовался этимъ; къ тому же очевидныя старанія курьера увести меня только усилили мои подозрѣнія.

„— Въ которую сторону пошла эта женщина?— крикнулъ я.

„— Не знаю, сэръ. Я видѣлъ ее, но не обратилъ особаго вниманія. Мнѣ показалось, что она торопилась куда-то.

„— Какъ давно это было?

„— О, только нѣсколько минутъ тому назадъ!

„— Минутъ пять?

„— Да, не болѣе того.

„— Сэръ, вы только теряете время, когда важна каждая минута — повѣрьте мнѣ на слово: старуха моя тутъ ни при чемъ, и пойдѣте въ тотъ конецъ улицы. Ну, если вы не пойдѣте, я пойду одинъ,— и онъ бросился въ другую сторону.

„Но я догналъ его и схватилъ за рукавъ.

„— Гдѣ вы живете?—спросилъ я.

„— № 16 Анви-Лэнъ, Брикстонъ,—отвѣтилъ онъ,— но не идите по ложному слѣду, мистеръ Фельпсъ. Пойдѣте въ другой конецъ улицы и посмотримъ, не узнаемъ ли тамъ чего-нибудь.

„Я ничего не терялъ, исполняя его совѣтъ, и потому мы оба вмѣстѣ съ полицейскимъ бросились на противоположный конецъ улицы. Народу тамъ было очень много, но такъ какъ погода была сырая, то всѣ торопились укрыться куда-нибудь. Прогуливающихъ, къ которымъ можно было бы обратиться съ вопросами, не оказывалось.

„Затѣмъ мы вернулись въ канцелярію и обыскали всю лѣстницу и коридоръ, но безуспѣшно. Коридоръ, ведущій въ комнату, покрытъ свѣтлымъ линолеумомъ, на которомъ очень ясно отпечатлѣвается всякое пятно. Мы внимательно оглядѣли его, но не нашли слѣдовъ ногъ“.

— Дождь шелъ цѣлый вечеръ?

— Начиная съ семи часовъ.

— Какъ же такъ женщина, вошедшая въ комнату около девяти, не запачкала линолеума своими грязными сапогами?

— Я радъ, что вы предложили этотъ вопросъ. Онъ мнѣ пришелъ также въ голову тогда. Поденщицы обыкновенно снимаютъ сапоги внизу у курьера и надѣваютъ туфли.

— Это очевидно. Итакъ, слѣдовъ не было видно, несмотря на сырую погоду? Сцѣпленіе обстоятельствъ, дѣйствительно, очень интересное. Что же вы затѣмъ сдѣлали?

— Мы обыскали и комнату. Потайной двери тутъ не могло быть, а окна находятся на высотѣ тридцати футовъ отъ земли; оба они были заперты изнутри. Коверъ исключаетъ всякую мысль о люкѣ, а потолокъ самый простой, выбѣленный клеевой краской. Я готовъ прозакладывать свою жизнь, что воръ вышелъ черезъ дворъ.

— А каминъ?

— Тамъ нѣтъ его. Есть только печка. Шнурокъ колокольчика виситъ какъ разъ направо отъ моего стола. Тотъ, кто звонилъ, подошелъ для этого прямо къ столу. Но зачѣмъ бы преступнику звонить въ колокольчикъ? Это просто неразрѣшимая задача.

— Дѣйствительно, случай необычайный. Что же вы предприняли потомъ? Вы, вѣроятно, осмотрѣли всю комнату, чтобы найти какіе-либо слѣды преступника — окурокъ сигары, оброненную перчатку или шпильку, или какую-нибудь другую мелочь?

— Тамъ не было ничего подобнаго.

— А запаха?

— Ну, мы объ этомъ не подумали.

— Ахъ, запахъ табаку имѣлъ бы для насъ очень важное значеніе въ этомъ случаѣ.

— Я никогда не курю самъ и поэтому думаю, что замѣтилъ бы запахъ табаку. Вообще не было положительно никакихъ данныхъ. Единственнымъ осязательнымъ фактомъ является то обстоятельство, что жена курьера—миссисъ Тэнджей — торопливо ушла изъ даннаго мѣста. Самъ курьеръ объяснилъ только, что она уходила почти всегда въ то время. Полицейскій и я рѣшили, что лучше всего схватить эту женщину, пока бумаги еще у нея.

„Между тѣмъ слухъ объ этомъ происшествіи дошелъ до полиціи. Явился сыщикъ, м-ръ Форбсъ, и энергично принялся за дѣло. Мы наняли экипажъ и черезъ полчаса пріѣхали по данному адресу. Намъ отворила дверь какая-то молодая женщина, оказавшаяся старшей дочерью м-съ Тэнджей. Она сказала, что мать еще не возвращалась, и попросила насъ подождать ее въ передней комнатѣ.

„Минуть черезъ десять кто-то постучался въ дверь, и тутъ мы сдѣлали первую серьезную ошибку, за которую я упрекаю себя. вмѣсто того, чтобъ отворить дверь самимъ, мы допустили дочь сдѣлать это и слышали, какъ она сказала: „Мать, тутъ дожидаются тебя двое людей“. Мгновеніе спустя мы услышали чьи-то поспѣшные шаги. Форбсъ распахнулъ дверь, и мы оба вбѣжали въ заднюю комнату или кухню, но женщина обогнала насъ. Она смотрѣла на насъ вызывающимъ взглядомъ. Внезапно она узнала меня, и выраженіе полного изумленія показалось на ея лицѣ.

„— Да неужели же это м-ръ Фельпсъ изъ канцеляріи!—вскрикнула она.

„— Ну, а за кого же вы приняли насъ, когда убѣжали?—спросилъ мой товарищъ.

„— Я думала, вы за долгомъ,—отвѣтила она.— У насъ тутъ вышли непріятности съ однимъ торговцемъ.

„— Это вы неудачно придумали, — отвѣтилъ Форбсъ. — У насъ имѣются данныя предполагать, что вы взяли важную бумагу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и убѣжали, чтобъ отдать ее кому-то. Вы поѣдете съ нами въ полицію, и васъ обыщутъ тамъ.

„Напрасно она протестовала и сопротивлялась. Привели карету, и мы отправились всѣ втроемъ. Но сначала мы осмотрѣли кухню, и особенно плиту, чтобы посмотрѣть, не сожгла ли она бумагъ въ ту минуту, какъ осталась одна. Однако мы не нашли ни золы, ни какихъ бы то ни было остатковъ. Какъ только мы пріѣхали въ „Scotland Yard“, мы велѣли немедленно приставленной для этого женщинѣ обыскать ее. Я ждалъ съ мучительной тревогой результатовъ обыска. Бумагъ у подозреваемой не оказалось.

„Тогда только я понялъ весь ужасъ моего положенія. До тѣхъ поръ я только дѣйствовалъ, и дѣятельность заглушала мысли. Я былъ такъ увѣренъ въ томъ, что найду договоръ, что не рѣшался даже подумать о томъ, что будетъ, если онъ пропалъ. Но теперь дѣлать было нечего, и я могъ на досугъ уяснить себѣ мое положеніе. Это было ужасно! Ватсонъ можетъ сказать вамъ, что въ школъ я былъ нервнымъ, чувствительнымъ мальчикомъ. Таковъ ужъ я по натурѣ. Я подумалъ о

дядѣ и его товарищамъ по кабинету, о позорѣ, который я навлекъ на него, на себя, на всѣхъ моихъ родныхъ. Что изъ того, что я жертва необыкновеннаго случая? Никакія случайности не допускаются тамъ, гдѣ затронуты дипломатическіе интересы. Я погибъ, погибъ постыдно, безнадежно. Не помню, что я сдѣлалъ. Думаю, что разыгралъ цѣлую сцену. Мнѣ смутно припоминается, какъ вокругъ меня собралась толпа чиновниковъ, старавшихся утѣшить меня. Одинъ изъ нихъ отвезъ меня на Ватерлоо и посадилъ въ поѣздъ, шедшій въ Уокингъ. Я думаю, онъ проводилъ бы меня до дома, если бы въ томъ же поѣздѣ не ѣхалъ докторъ Феррьеръ, который живетъ по сосѣдству со мной. Докторъ чрезвычайно любезно согласился взять меня на свое попеченіе и хорошо сдѣлалъ, потому что на станціи у меня сдѣлался припадокъ, и прежде чѣмъ мы доѣхали до дома, я сталъ буйнымъ и сумасшедшимъ.

„Можете себѣ представить, каково было состояніе боихъ близкихъ, когда звонокъ доктора разбудилъ ихъ и они увидѣли меня въ подобномъ положеніи. Бѣдная Анни — вотъ она — и моя мать были въ полномъ отчаяніи. Докторъ Феррьеръ слышалъ кое-что на станціи отъ сыщика и передалъ имъ все. Понятно, это не улучшило дѣла. Очевидно было, что у меня будетъ продолжительная болѣзнь. Поэтому Джозефа выгнали изъ его уютной спальни и помѣстили тутъ меня. Здѣсь я лежалъ цѣлыхъ девять недѣль, мистеръ Холмсъ, безъ сознанія. У меня было воспаленіе мозга. Если бы не уходъ миссъ Гаррисонъ и не лѣченіе доктора — вы бы не говорили сегодня со мной. Анни ухаживала за мной днемъ, а по ночамъ за мной

смотрѣла сидѣлка, такъ какъ въ припадкахъ бѣшенства я былъ способенъ на все. Разсудокъ мой прояснялся медленно, а память вернулась только въ послѣдніе три дня. По временамъ я желаю, чтобы она и вовсе не возвращалась. Первымъ моимъ дѣломъ было телеграфировать м-ру Форбсу, въ рукахъ котораго находится дѣло. Онъ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ, что, несмотря на всѣ усилія, ему не удалось найти нити, за которую можно было бы ухватиться. Курьера и его жену спрашивали чрезвычайно подробно, но не могли ничего добиться отъ нихъ. Тогда подозрѣніе полиціи пало на молодого Горо, который, если помните, оставался въ этотъ вечеръ на службѣ позже другихъ. Единственнымъ поводомъ къ подозрѣнію являлось то обстоятельство, что онъ остался, когда ушли другіе, и носить французскую фамилію; но я началъ работу только послѣ его ухода, а его родные, хотя и гугенотскаго происхожденія, но по своимъ симпатіямъ и традиціямъ такіе же англичане, какъ мы съ вами. Подозрѣнія ничѣмъ не подтвердились, и дѣло на томъ и окончилось. Обращаюсь къ вамъ, м-ръ Холмсъ, какъ къ послѣдней моей надеждѣ. Если и вы не поможете мнѣ, то моя честь и карьера погублены навѣки“.

Больной, обезсиленный долгимъ разсказомъ, опустился на подушку, и добровольная сидѣлка дала ему выпить какого-то подкрѣпляющаго лѣкарства. Холмсъ молча сидѣлъ, откинувъ голову и закрывъ глаза. Посторонній могъ бы подумать, что онъ слушаетъ совершенно безучастно, но я видѣлъ, что онъ былъ весь вниманіе.

— Вы рассказали все такъ ясно, — наконецъ, проговорилъ онъ, — что мнѣ остается предложить вамъ

очень мало вопросовъ. Однако есть одинъ чрезвычайно важный. Вы никому не рассказывали о возложенномъ на васъ порученіи?

— Никому.

— А напимѣрь, миссъ Гаррисонъ?

— Нѣтъ. Я не былъ въ Уокингѣ въ промежуткѣ между полученіемъ порученія и его выполненіемъ.

— И не видѣлись, случайно, съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ?

— Нѣтъ.

— Знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ ходъ въ канцелярію?

— О, да, всѣ.

— Впрочемъ, разъ вы говорите, что никому не рассказывали про договоръ, то эти вопросы не идутъ къ дѣлу.

— Я ничего не говорилъ.

— Что вы знаете о курьерѣ?

— Ничего, кромѣ того, что онъ отставной солдатъ.

— Какого полка?

— Слышалъ, что гвардейскаго... „Кольдстримъ“

— Благодарю. Не сомнѣваюсь, что Форбсъ общить мнѣ нѣкоторыя подробности. Чиновники отлично умѣютъ собирать факты, хотя не всегда используютъ ихъ... Что за прелестный цвѣтокъ—розы!

Онъ прошелъ мимо кушетки къ открытому окну и приподнялъ склонившійся стебель розы, любуясь на красивое сочетаніе пурпуроваго и зеленаго цвѣтовъ. Для меня это увлеченіе являлось новой чертой въ характерѣ Холмса, такъ какъ мнѣ ни разу

не приходилось видѣть, чтобы онъ особенно интересовался такими предметами.

— Нѣтъ ничего, въ чемъ выводы были бы такъ необходимы, какъ въ религіи,—проговорилъ Холмсъ, прислоняясь къ ставнямъ. — Человѣкъ разсуждающій можетъ тутъ построить все какъ въ точныхъ наукахъ. Мнѣ кажется, что нашу высшую увѣренность въ благодати Провидѣнія можно основывать именно на цвѣтахъ. Все другое — силы, желанія, пища—насуточная необходимость. А эта роза — роскошь. Ея запахъ и цвѣтъ—украшенія жизни, но не необходимыя условія ея. Только благодать даетъ излишества, и потому-то я говорю, что цвѣты должны поддерживать въ насъ надежду.

Во время этой тирады Холмса выраженіе удивленія и разочарованія показалось на лицѣ Перси Фельпса и его сидѣлки. Онъ впалъ въ мечтательное настроеніе, продолжая держать розу въ рукахъ. Миссъ Гаррисонъ прервала молчаніе.

— Какъ вы полагаете, есть надежда разрѣшить эту тайну, м-ръ Холмсъ?—спросила она съ отъѣнкомъ колкости въ голосѣ.

— О, тайну!—отвѣтилъ онъ, вздрогнувъ и какъ бы возвращаясь къ прозѣ жизни. — Было бы нелѣпымъ отрицать, что дѣло чрезвычайно трудное и сложное, но обещаю вамъ хорошенько заняться имъ и сообщить всѣ обстоятельства, которыя обратятъ на себя мое вниманіе.

— Видите ли вы какую-либо нить?

— Вы дали мнѣ цѣлыхъ семь, но конечно, мнѣ нужно испробовать ихъ прежде, чѣмъ рѣшить, пригодны ли онѣ.

— Вы подозреваете кого-нибудь?

— Самого себя...

— Какъ? Что это значить?

— Подозрѣваю самого себя въ томъ, что вывелъ заключенія слишкомъ поспѣшно.

— Такъ отправляйтесь въ Лондонъ и провѣрьте ваши заключенія.

— Превосходный совѣтъ, миссъ Гаррисонъ,— сказалъ Холмсъ, вставая.— Я думаю, Ватсонъ, это лучшее, что мы можемъ сдѣлать. Не предавайтесь ложнымъ надеждамъ, м-ръ Фельпсъ. Дѣло очень запутанное.

— Я буду ожидать васъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ,— отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Хорошо, я приѣду завтра утромъ съ тѣмъ же поѣздомъ, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, не сообщу вамъ ничего новаго.

— Да благословитъ васъ Богъ за это обѣщаніе,— воскликнулъ больной;— я оживаю при мысли, что возможно что-нибудь сдѣлать. Между прочимъ, я получилъ письмо отъ лорда Хольдхѣрста.

— Ага! Что же онъ пишетъ?

— Письмо холодное, но не рѣзкое. Я думаю, отъ рѣзкости его удержала моя серьезная болѣзнь. Онъ повторяетъ, что дѣло чрезвычайно важное, и прибавляетъ, что ничего не будетъ предпринято относительно моей будущности — подъ этими словами онъ, конечно, подразумѣваетъ отставку,— пока я не поправлюсь и мнѣ не представится возможность исправить бѣду.

— Ну, это разумно и деликатно,— сказалъ Холмсъ.— Ёдемъ, Ватсонъ. Въ городѣ намъ предстоитъ много дѣла.

М-ръ Джозефъ Гаррисонъ отвезъ насъ на станцію, и скоро мы уже неслись въ портсмутскомъ поѣздѣ.

— Очень весело въѣзжать въ Лондонъ по одной изъ этихъ линій, которыя проходятъ такъ высоко, и откуда вамъ открывается видъ на дома, подобные этому.

Я думалъ, что онъ шутить, потому что видъ былъ довольно мрачный, но онъ скоро объяснилъ свою мысль.

— Посмотрите на эти большія, отдѣльныя группы построекъ, возвышающіяся надъ сланцевыми крышами, какъ кирпичные острова среди моря свицоваго свѣта.

— Школьныя зданія.

— Маяки, мой милый! Свѣтильники будущаго! Сѣменные коробочки съ сотнями свѣтлыхъ зернышекъ въ каждой, изъ которыхъ выйдетъ будущее, лучшее, болѣе умное поколѣніе Англіи. Какъ вы думаете, этогъ Фельпсъ не пьетъ?

— Думаю, что нѣтъ.

— И я полагаю то же. Но слѣдуетъ допускать всякія предположенія. Бѣдняга попалъ въ сильную передрагу, и еще вопросъ, удастся ли намъ выручить его. Что вы думаете о миссъ Гаррисонъ?

— Дѣвушка съ сильнымъ характеромъ.

— Да, но порядочная, или я сильно ошибаюсь. Она и ея братъ — единственныя дѣти желѣзнаго фабриканта, гдѣ-то около Нортумбэрленда. Фельпсъ сдѣлалъ ей предложеніе, сталъ ея женихомъ во время путешествія въ прошломъ году, и она приѣхала сюда, въ сопровожденіи брата, чтобы познакомиться съ своими будущими родными. Тутъ произошла катастрофа, и она осталась ухаживать за своимъ возлюбленнымъ. Брату Джозефу понравилось здѣсь, и онъ также остался. Какъ видите, я навелъ уже нѣсколько справокъ. Но сегод-

нашній день весь долженъ быть посвященъ справкамъ.

— Моя практика...—началь я.

— О, если ваши дѣла интереснѣе моихъ...—возразилъ Холмсъ нѣсколько рѣзко.

— Я хотѣлъ только сказать, что моя практика можетъ обойтись безъ меня день другой — теперь вѣдь самое тихое время года.

— Превосходно,—сказалъ Холмсъ. Хорошее расположение духа вернулось къ нему.—Ну, такъ мы вмѣстѣ займемся дѣломъ. Я думаю, прежде всего намъ нужно повидаться съ Форбсомъ. Онъ, вѣроятно, расскажетъ намъ всѣ необходимыя подробности такъ, что мы будемъ знать, какъ подойти къ дѣлу.

— Вы сказали, что нашли нить.

— Даже нѣсколько; но пригодности ихъ мы можемъ испытать только путемъ новыхъ справокъ. Труднѣе всего выслѣдить преступленіе, цѣль котораго неизвѣстна. Нельзя сказать этого про данное преступленіе. Кому оно можетъ быть полезно? Французскому посланнику, русскому, тому, кто можетъ продать бумаги одному изъ нихъ, и, наконецъ, лорду Хольдхѣрсту.

— Лорду Хольдхѣрсту?

— Вѣдь возможно допустить, что государственнй дѣятель можетъ быть въ такомъ положеніи, что случайное исчезновеніе подобнаго документа не особенно огорчило бы его.

— Только не человѣкъ такой безупречной репутаціи, какъ лордъ Хольдхѣрстъ.

— Однако намъ нельзя не принять этого во вниманіе. Мы сегодня повидаемся съ благороднымъ

лордомъ и увидимъ, не скажетъ ли онъ намъ чего-нибудь. А пока я уже навожу справки.

— Уже наводите?

— Да, со станціи Уокингъ я телеграфировалъ во всѣ вечернія лондонскія газеты. Вотъ какое объявленіе появится въ нихъ.

Онъ передалъ мнѣ листокъ бумаги, вырванной изъ записной книжки. На немъ было написано карандашемъ:

„10 фунтовъ награды тому, кто сообщитъ номеръ кэба, привезшаго сѣдока къ подъѣзду министерства иностранныхъ дѣлъ или неподалеку отъ него 23-мая въ три четверти десятаго вечера. Дать знать 221, улица Бэкеръ“.

— Вы увѣрены, что воръ пріѣхалъ въ кэбъ?

— Если и не въ кэбъ—неважность. Но если м-ръ Фельпсъ не ошибается, говоря, что въ комнатѣ негдѣ скрыться, то воръ долженъ былъ притти извнѣ. Если онъ пришелъ въ такую сырую ночь и не оставилъ слѣдовъ на линолеумѣ, который осматривали черезъ нѣсколько минутъ послѣ происшествія, то весьма вѣроятно, что онъ пріѣхалъ въ кэбъ. Да, мнѣ кажется, что мы смѣло можемъ остановиться на кэбѣ.

— Это возможно.

— Вотъ одна изъ тѣхъ нитей, о которыхъ я говорилъ. Она можетъ довести насъ до чего-нибудь. А затѣмъ колокольчикъ... главнѣйшая особенность дѣла. Отчего зазвонилъ колокольчикъ? Можетъ-быть, воръ дернулъ его, бравирая опасность? Или, можетъ-быть, кто-нибудь бывший съ воровъ дернулъ звонокъ, чтобы предупредить преступленіе. Была ли это простая случайность? Или...

Холмсъ снова погрузился въ глубокое, безмолв-

ное раздумье, но мнѣ, привыкшему ко всѣмъ его настроеніямъ, показалось, что въ его умѣ возникла внезапно новая догадка.

Было двадцать минутъ четвертаго, когда мы приѣхали на вокзалъ и, наскоро позавтракавъ въ буфетѣ, отправились въ „Scotland Yard“. Холмсъ уже телеграфировалъ Форбсу, и онъ ожидалъ насъ. Это былъ маленькій человекъ съ пронизательнымъ, но вовсе не любезнымъ выраженіемъ лисьяго лица. Онъ встрѣтилъ насъ холодно и сталъ еще холоднѣе, когда услышалъ причину нашего посѣщенія.

— Слышалъ я о вашемъ способѣ вести дѣла, м-ръ Холмсъ,—колко проговорилъ онъ.—Пользуетесь всѣми данными, добытыми полиціей, а потомъ стараетесь окончить дѣло сами, набросивъ тѣнь на тѣхъ, которые начали розыски.

— Напротивъ,—возразилъ Холмсъ.—Изъ пятидесяти трехъ моихъ послѣднихъ дѣлъ мое имя упоминается только въ четырехъ, а въ сорока девяти остальныхъ вся честь принадлежитъ полиціи. Я не вижу васъ въ томъ, что это неизвѣстно вамъ: вы молоды и неопытны; но если желаете достигнуть успѣха въ вашей новой дѣятельности, то вамъ слѣдуетъ работать со мной, а не противъ меня.

— Я былъ бы очень радъ нѣкоторымъ указаніямъ,—сказалъ сыщикъ, измѣняя тонъ.—До сихъ поръ, правда, я не имѣлъ никакого успѣха.

— Какіе шаги вы сдѣлали?

— Подозрѣніе пало на курьера Тэнджей. Аттестать изъ полка у него прекрасный, и никакихъ уликъ противъ него нѣтъ. Но жена у него плохая. Я думаю, она знаетъ больше, чѣмъ говорить.

— Вы прослѣдили за ней?

— Мы приставили къ ней одну изъ нашихъ женщинъ. М-съ Тэнджей пьетъ; наша повѣренная два раза разговаривала съ ней, когда та была навеселѣ, но ничего не добились.

— Насколько я слышалъ, у нихъ была назначена продажа съ аукціона.

— Да, но долгъ былъ уплаченъ.

— Откуда они взяли деньги?

— Онъ получилъ свою пенсію; но вообще незамѣтно, чтобы у нихъ были деньги.

— Чѣмъ она объяснила свое появленіе на звонки м-ра Фельпса?

— Она сказала, что мужъ ея очень усталъ, и она хотѣла помочь ему.

— Конечно, это подтверждается тѣмъ, что много позднѣе онъ оказался спящимъ на стулѣ. Итакъ, противъ него нѣтъ уликъ, кромѣ репутаціи жены. Спросили вы ее, почему она такъ спѣшила въ тотъ вечеръ? Ея поспѣшность обратила на нее вниманіе констэбля.

— Она запоздала и торопилась домой.

— Указали вы ей на то, что вы и м-ръ Фельпсъ были у нея на квартирѣ раньше ея, хотя она вышла на двадцать минутъ раньше васъ?

— Она объясняетъ это разницей между омнибусомъ и кэбомъ.

— Объяснила она, почему, придя домой, пробѣжала прямо въ кухню?

— Потому что тамъ у нея лежали деньги, которыми она уплатила долгъ.

— Однако, у нея есть отвѣтъ на все. Спрашивали ли вы ее, не видѣла ли она кого-нибудь на Чарльзъ-Стритѣ?

— Только констэбля.

— Ну, вы, кажется, допросили ее достаточно подробно. Что вы еще сдѣлали?

— Въ продолженіе девяти недѣль слѣдили за Горо, но безуспѣшно. Противъ него нѣтъ ни малѣйшихъ уликъ.

— Еще что?

— Да, ничего, нѣтъ вовсе уликъ.

— Есть у васъ какое-нибудь предположеніе, отчего звонилъ колокольчикъ?

— Долженъ сознаться, что теряюсь въ догадкахъ. Надо обладать большимъ хладнокровіемъ, чтобы сдѣлать такую штуку.

— Да, очень странный поступокъ. Очень благодаренъ вамъ за сообщенія. Дамъ вамъ знать, если удастся предоставить виновнаго. Идемъ, Ватсонъ.

— Куда же мы отправимся теперь?—спросилъ я, когда мы вышли на улицу.

— Поѣдемъ интервьюировать лорда Хольдхёрста, кабинетъ-министра и будущаго премьера Англии.

Намъ посчастливилось застать лорда Хольдхёрста въ его помѣщеніи на Доунингъ-Стритъ. Холмсъ послалъ свою визитную карточку, и насъ сейчасъ же приняли. Государственный дѣятель принялъ насъ со свойственной ему старомодной вѣжливостью и усадилъ насъ на роскошныя кресла, стоявшія по бокамъ камина. Стоя между нами на коврѣ, лордъ Хольдхёрстъ, высокій, тонкій, съ рѣзко очерченными, задумчивымъ лицомъ, съ кудрявыми, преждевременно посѣдѣвшими волосами, казался оцицетвореніемъ не часто встрѣчающаго типа истаго благороднаго вельможи.

— Ваша фамилія очень знакома мнѣ, м-ръ Холмсъ, — улыбаясь, проговорилъ онъ. — И, конечно,

я не сомнѣваюсь насчетъ цѣли вашего посѣщенія. Только одинъ случай, происшедшій въ здѣшнемъ министерствѣ, могъ привлечь ваше вниманіе. Можно узнать, чьи интересы вы представляете?

— Интересы м-ра Перси Фельпса, — отвѣтилъ Холмсъ.

— Ахъ, моего несчастнаго племянника! Вы понимаете, что именно вслѣдствіе нашего родства мнѣ труднѣе защитить его, чѣмъ любого посторонняго. Боюсь, что этотъ случай очень дурно отразится на его карьерѣ.

— Но если документъ будетъ найденъ?

— Тогда, конечно, дѣло другое.

— Мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, лордъ Хольдхёрстъ.

— Буду счастливъ дать вамъ всѣ свѣдѣнія, какія только могу.

— Наставленія относительно переписки документа вы давали въ этой комнатѣ?

— Да.

— Слѣдовательно, врядъ ли кто могъ подслушать васъ?

— И рѣчи не можетъ быть объ этомъ.

— Говорили ли вы кому-нибудь, что намѣреваетесь отдать переписать договоръ?

— Никому.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Совершенно увѣренъ.

— Ну, если вы ничего не говорили о документѣ и м-ръ Фельпсъ также не говорилъ, а кромѣ васъ никто не зналъ объ этомъ, то присутствіе вора въ комнатѣ является случайнымъ. Онъ просто воспользовался подвернувшимся ему счастливымъ случаемъ.

Лордъ Хольдхёрстъ улыбнулся.

— Тутъ уже кончается предѣлъ моихъ знаній,— сказалъ онъ.

Холмсъ задумался на одно мгновеніе.

— Есть одинъ очень важный пунктъ, о которомъ я хочу поговорить съ вами,— сказалъ онъ.— Насколько я знаю, вы опасались очень серьезныхъ послѣдствій въ томъ случаѣ, если бы договоръ сталъ извѣстенъ?

Тѣнь пробѣжала по выразительному лицу министра.

— Да, послѣдствія могутъ быть очень серьезныя.

— И они уже обнаружались?

— Нѣтъ еще.

— Если договоръ попадетъ во французское или русское посольство, вы, вѣроятно, узнаете объ этомъ?

— Конечно,—отвѣтилъ лордъ Хольдхёрстъ, и на лицѣ его выразилось неудовольствіе.

— Такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло уже почти десять недѣль и о бумагахъ ничего не слышно, то нельзя ли предположить, что, по какой-либо причинѣ, она не попала ни въ одно изъ посольствъ?

Лордъ Хольдхёрстъ пожалъ плечами.

— Нельзя же предположить, м-ръ Холмсъ, чтобы воръ укралъ договоръ только для того, чтобы вставить его въ рамку и повѣсить на стѣну.

— Можетъ-быть, онъ поджидаетъ, кто дастъ высшую цѣну?

— Если подождать еще немного, то ничего не получить. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ договоръ перестанетъ быть тайной.

— Это чрезвычайно важно,—сказалъ Холмсъ.—

Конечно, можно предположить внезапную болѣзнь вора...

— Напримѣръ, воспаленіе мозга?—спросилъ министръ, бросая проницательный взглядъ на своего собесѣдника.

— Я этого не говорю,—невозмутимо отвѣтилъ Холмсъ.—Но мы отняли у васъ слишкомъ много дорогого времени, лордъ Хольдхёрстъ, а потому позвольте проститься съ вами.

— Полнаго успѣха, кто бы ни былъ виновный,—сказалъ Хольдхёрстъ, провожая насъ до дверей.

— Прекрасный человѣкъ,—замѣтилъ Холмсъ, когда мы вышли на улицу.—Но трудно ему поддерживать свое положеніе съ должнымъ достоинствомъ. Онъ далеко не богатъ. Вы, конечно, замѣтили, что на сапогахъ новыя подметки? Ну, Ватсонъ, не стану васъ больше отвлекать отъ вашей работы: сегодня я ничего не буду дѣлать; подожду отвѣта на объявленіе насчетъ кэба. Но былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы поѣхали со мной завтра утромъ въ Уокингъ съ тѣмъ же поѣздомъ, какъ сегодня.

На слѣдующее утро я встрѣтилъ его на станціи, и мы вмѣстѣ поѣхали въ Уокингъ. Онъ сказалъ мнѣ, что не получилъ отвѣта на объявленіе и не узналъ никакихъ новыхъ данныхъ. Выраженіе лица Холмса, когда онъ хотѣлъ, было невозмутимо, какъ у краснокожаго, и по его виду я не могъ вывести заключенія, доволенъ ли онъ положеніемъ дѣла, или нѣтъ. Какъ я помню, онъ разговаривалъ о системѣ измѣреній Бертильона и восторгался французскимъ ученымъ.

Больного мы нашли, какъ и раньше, на попеченіи его усердной сидѣлки. На видъ ему было го-

раздо лучше. Когда мы вошли, онъ всталъ съ кушетки и свободно пошелъ навстрѣчу намъ.

— Что новаго?—торопливо спросилъ онъ.

— Какъ я и опасался, не могу сказать вамъ ничего вѣрнаго, — отвѣтилъ Холмсъ. — Видѣлъ я и Форбса, и вашего дядюшку, и началъ розыски по двумъ слѣдамъ; можетъ-быть, что-нибудь и выйдетъ изъ этого.

— Такъ вы не отчаиваетесь?

— Нисколько.

— Да благославить васъ Богъ за это!—вскринула миссъ Гаррисонъ.— Не будемъ только терять надежды и терпѣнія—и правда откроется.

— Мы можемъ вамъ рассказать больше, чѣмъ вы намъ,—сказалъ Фельпсъ, сядясь на кушетку.

— Я надѣялся на это.

— Да, сегодня ночью съ нами случилось происшествіе, которое могло бы имѣть весьма важныя послѣдствія, — проговорилъ Фельпсъ. Выраженіе лица его стало очень серьезнымъ, и нѣчто похожее на страхъ мелькнуло въ его глазахъ.— Знаете ли, я начинаю думать, что я безсознательно являюсь центромъ какого-то ужаснаго заговора, направленного противъ моей жизни и чести.

— А!—вскрикнулъ Холмсъ.

— Это кажется невѣроятнымъ, потому что, насколько я знаю, у меня нѣтъ враговъ. Но послѣ того, что произошло ночью, я не могу притти къ иному заключенію.

— Пожалуйста, расскажите мнѣ все.

— Надо вамъ сказать, что въ эту ночь я спалъ въ первый разъ со времени моей болѣзни одинъ въ комнатѣ, безъ сидѣлки. Мнѣ было настолько лучше, что я рѣшилъ обойтись безъ нея, но оста-

вилъ себя ночникъ. Около двухъ часовъ утра я заснулъ, но былъ внезапно разбуженъ какимъ-то легкимъ шумомъ, какъ будто мышь грызла доску. Нѣсколько времени я прислушивался къ этому звуку. Звукъ становился все громче и громче, и, наконецъ, у окна послышался металлическій лязгъ. Я поднялся на кровати въ полномъ изумленіи. Всякое сомнѣніе исчезло. Кто-то просовывалъ инструментъ въ узкую щель между створками ставенъ и приподымалъ болтъ.

„Затѣмъ наступила пауза, длившаяся минутъ десять. Очевидно, кто-то прислушивался, не проснулся ли я отъ шума. Потомъ я услышалъ, какъ открылось окно медленно, съ тихимъ скрипомъ. Я не могъ выдержать дольше, потому что нервы мои ужъ не тѣ, что прежде, вскочилъ съ кровати и распахнулъ ставни. У окна, на землѣ, притаился какой-то человѣкъ. Онъ исчезъ съ быстротой молніи, такъ что я не могъ разсмотрѣть его. На немъ было что-то въ родѣ плаща, которымъ онъ прикрывалъ нижнюю часть лица. Въ одномъ я только не сомнѣваюсь—это въ томъ, что въ рукахъ у него было какое-то орудіе, какъ-будто длинный ножъ. Я ясно видѣлъ блескъ его, когда незнакомецъ бросился бѣжать“.

— Это чрезвычайно интересно,—сказалъ Холмсъ.—Ну, что же вы сдѣлали тогда?

— Будь я сильнѣе, я выскочилъ бы въ открытое окно и бросился бы за нимъ. Но въ настоящемъ моемъ состояніи я только позвонилъ и поднялъ на ноги весь домъ. Это заняло нѣсколько времени, такъ какъ звонокъ проведенъ въ кухню, а вся прислуга спитъ наверху. Но на мой крикъ явился Джозефъ и разбудилъ остальныхъ. Джозефъ и грумъ

нашла слѣды на цвѣточной клумбѣ подь окномъ, но послѣдніе дни погода стояла такая сухая, что они рѣшили, что бесполезно искать продолженія слѣдовъ на травѣ. Они сказали мнѣ, что на деревянной изгороди вдоль дороги остались знаки, показывающіе, что кто-то перелѣзалъ черезъ нее, причемъ сломалъ верхушку одного изъ кольевъ. Я еще ничего не говорилъ мѣстной полиціи, потому что хотѣлъ раньше посоветоваться съ вами.

Этотъ рассказъ, казалось, произвелъ необычайное впечатлѣніе на Шерлока Холмса. Онъ всталъ со стула и въ неописуемомъ волненіи принялся ходить по комнатѣ.

— Несчастіе никогда не приходитъ одно, — сказалъ Фельпсъ, улыбаясь, хотя было ясно, что ночное происшествіе нѣсколько потрясло его.

— Да, достаточно-таки ихъ выпало на вашу долю, — сказалъ Холмсъ. — Какъ вы думаете, могли бы вы пройти со мной вокругъ дома?

— О, да, мнѣ бы хотѣлось выйти на солнце. Джозефъ пойдетъ съ нами.

— И я также, — сказала миссъ Гаррисонъ.

— Извините, — сказалъ Холмсъ, покачивая головой, — но я попрошу васъ остаться на нашемъ мѣстѣ.

Молодая дѣвушка сѣла на стулъ съ недовольнымъ видомъ. Братъ ея присоединился къ намъ, и мы всѣ вчетверомъ вышли изъ дома и, обогнувъ лужайку, подошли къ окну комнаты молодого дипломата. Какъ онъ говорилъ, на цвѣточной клумбѣ виднѣлись слѣды ногъ, но они были очень неясны и безнадежно спутаны. Холмсъ нагнулъся, разсматривая ихъ, и черезъ мгновеніе поднялся и пожалъ плечами.

— Врядъ ли кто-нибудь могъ бы вывести что-нибудь изъ этого, — сказалъ онъ. — Обойдемъ кругомъ всего дома, посмотримъ, почему воръ выбралъ именно эту комнату. По-моему, большія окна гостиной и столовой должны бы скорѣе привлечь его вниманіе.

— Они виднѣе съ дороги, — замѣтилъ м-ръ Джозефъ Гаррисонъ.

— Ахъ, да, конечно. Онъ могъ бы попробовать забраться черезъ эту дверь. Куда она ведетъ?

— Это — задній ходъ, черезъ который ходятъ торговцы. Понятно, эта дверь запирается на ночь.

— Бывали у васъ когда-нибудь подобныя покушенія?

— Никогда, — отвѣтилъ нашъ клиентъ.

— Есть у васъ въ домѣ серебро или какія-либо цѣнности, которыя могли бы привлечь воровъ?

— Ничего цѣннаго.

Холмсъ обошелъ кругомъ дома, засунувъ руки въ карманъ, съ непривычнымъ для него небрежнымъ видомъ.

— Между прочимъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Джозефу Гаррисону, — я слышалъ, что вы нашли мѣсто, гдѣ воръ перелѣзъ черезъ заборъ. Пойдемъ, взглянемъ на него.

Молодой человѣкъ подвелъ насъ къ мѣсту, гдѣ верхушка кола была расщеплена. Холмсъ, оторвавъ кусокъ, посмотрѣлъ критическимъ взглядомъ.

— Вы думаете, что этотъ кусокъ отломленъ только вчера? По-моему, это случилось давно.

— Можетъ-быть.

— Нѣтъ слѣдовъ, которые указывали бы, что кто-нибудь перескочилъ на другую сторону. Здѣсь

кажется, намъ нечего дѣлать. Пойдемъ въ спальню и обсудимъ дѣло.

Перси Фельпсъ шелъ очень медленно, опираясь на руку своего будущего зятя. Холмсъ быстро прошелъ по лужайкѣ, и мы съ нимъ подошли къ открытому окну раньше другихъ.

— Миссъ Гаррисонъ,—сказалъ Холмсъ многозначительнымъ тономъ,—вы должны оставаться здѣсь весь день. Оставайтесь во что бы то ни стало цѣлый день тамъ, гдѣ вы находитесь теперь. Это чрезвычайно важно.

— Конечно, я исполню ваше желаніе, м-ръ Холмсъ,—сказала удивленная дѣвушка.

— Когда пойдете спать, закройте дверь снаружи и оставьте ключъ у себя. Обѣщайте мнѣ сдѣлать это.

— А Перси?

— Онъ поѣдетъ съ нами въ Лондонъ.

— А я должна остаться здѣсь?

— Вы должны сдѣлать это ради него. Вы можете быть полезной ему. Обѣщайте скорѣе!

Она утвердительно кивнула головой какъ разъ въ ту минуту, какъ остальные подошли къ окну.

— Чего это ты киснешь тамъ, Анни?—крикнулъ ей братъ.—Выйди-ка на солнышко!

— Нѣтъ, благодарю, Джозефъ. У меня немного болитъ голова, а здѣсь въ комнатѣ такъ прохладно и хорошо.

— Что вы предполагаете дѣлать теперь, м-ръ Холмсъ?—спросилъ Перси Фельпсъ.

— Видите, занимаясь этимъ второстепеннымъ дѣломъ, намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду главное. Вы могли бы очень помочь мнѣ, поѣхавъ со мной въ Лондонъ.

— Сейчасъ?

— Какъ можно скорѣе. Скажемъ, черезъ часъ.

— Я чувствую себя достаточно сильнымъ для этого, если бы я могъ дѣйствительно быть полезнымъ.

— Вы какъ нельзя болѣе.

— Можеть-быть, вы желаете, чтобы я остался тамъ на ночь?

— Я только-что хотѣлъ предложить это вамъ.

— Значить, если мой ночной пріятель снова навѣститъ меня, то увидитъ, что птичка улетѣла. Мы всѣ въ вашихъ рукахъ, м-ръ Холмсъ, и вы должны говорить намъ, что мы должны дѣлать. Можеть-быть, вы желаете, чтобы Джозефъ поѣхалъ съ нами и присматривалъ за мной?

— О, нѣтъ! Мой другъ Ватсонъ — медикъ, какъ вамъ извѣстно; онъ и присмотритъ за вами. Если позволите, мы позавтракаемъ здѣсь, а потомъ отправимся всѣ трое въ городъ.

Его предложеніе было принято. Миссъ Гарри-сонъ, согласно совѣту Холмса, отказалась выйти изъ спальни. Я не понималъ маневровъ моего пріятеля. Можеть-быть, онъ просто хотѣлъ удержать барышню отъ свиданія съ Фельпсомъ. Молодой человекъ, обрадованный сознаниемъ выздоровленія и возможностью дѣйствовать, завтракалъ съ нами въ столовой. Холмсъ приготовилъ намъ еще сюрпризъ: онъ проводилъ насъ на станцію, посадилъ въ вагонъ и затѣмъ спокойно объявилъ, что не намѣренъ уѣзжать изъ Уокинга.

— Тутъ есть два — три пункта, которые мнѣ хотѣлось бы выяснитъ до отъѣзда,—сказалъ онъ.— Ваше отсутствіе, м-ръ Фельпсъ, облегчитъ до извѣстной степени это дѣло. Ватсонъ, будьте добры,

когда приѣдете въ Лондонъ, отправляйтесь прямо въ улицу Бэкеръ съ нашимъ пріятелемъ и оставайтесь съ нимъ, пока я не приѣду. Вы — старые товарищи по школѣ, и вамъ есть о чемъ поговорить. М-ра Фельпса вы можете помѣстить въ спальнѣ; я буду дома къ завтраку, такъ какъ есть поѣздъ, который приходитъ въ Ватерлоо въ восемь часовъ.

— А какъ же насчетъ разслѣдованій въ Лондонѣ?—замѣтилъ Фельпсъ.

— Мы можемъ завтра заняться этимъ. Я полагаю, что въ настоящее время мое присутствіе полезнѣе здѣсь.

— Скажите тамъ, въ Брайэрбрэ, что я надѣюсь вернуться завтра къ вечеру, — крикнулъ Фельпсъ, когда поѣздъ двинулся отъ платформы.

— Врядъ ли я попаду въ Брайэрбрэ, — отвѣтилъ Холмсъ и весело махнулъ рукой, когда мы отъѣхали отъ станціи.

Фельпсъ и я много говорили объ этомъ неожиданномъ поступкѣ Холмса, но ничего не могли придумать.

— Я полагаю, что онъ хочетъ узнать что-нибудь насчетъ вчерашняго нападенія. Что касается меня, то я не вѣрю, чтобы это былъ простой воръ.

— Что же вы думаете?

— Даю вамъ слово — можете, если хотите, написать это разстройству нервовъ — но мнѣ кажется, что кругомъ меня идетъ серьезная политическая интрига, и, по вполнѣ непонятной для меня причинѣ, заговорщики умышляютъ противъ моей жизни. Это звучитъ чрезвычайно высокопарно и нелѣпо, но обратите вниманіе на факты! Зачѣмъ вору

пытаться пробраться въ спальню да еще съ длиннымъ ножомъ въ рукахъ?

— Вы увѣрены, что это не было долото?

— О, нѣтъ, это былъ ножъ. Я ясно видѣлъ, какъ сверкнуло лезвѣе.

— Но съ чего стануть такъ яростно преслѣдовать васъ?

— Ахъ! въ этомъ-то и вопросъ.

— Ну, если Холмсъ думаетъ то же самое, то, можетъ-быть, этимъ и можно объяснить его дѣйствія. Если ваше предположеніе вѣрно, то, поймавъ того, кто покушался на васъ ночью, онъ можетъ легко найти и похитителя морского договора. Глупо же предполагать, что у васъ два врага, одинъ изъ которыхъ обворовываетъ васъ, а другой угрожаетъ вашей жизни.

— Но м-ръ Холмсъ сказалъ, что онъ не возвратится въ Брайэрбрэ.

— Я уже давно знаю его и знаю, что онъ ничего не дѣлаетъ безъ основательнаго повода, — сказалъ я, и нашъ разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Денекъ выдался тяжелый. Фельпсъ былъ еще слабъ послѣ продолжительной болѣзни, раздражителенъ и нервенъ вслѣдствіе перенесенныхъ имъ потрясеній. Напрасно я старался заинтересовать его Афганистаномъ, Индией, специальными вопросами, — всѣмъ, что только могло бы отвлечь отъ его мыслей. Онъ постоянно возвращался къ утерянному договору, выказывалъ свое удивленіе, свои предположенія о томъ, что дѣлаетъ Холмсъ, какіе шаги предпринимаетъ лордъ Хольдхерстъ, какія новости мы получимъ утромъ. Къ вечеру волненіе его достигло высшаго напряженія.

— Вы безусловно доверяете Холмсу? — спросил онъ.

— Я былъ свидѣтелемъ многихъ замѣчательныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ принималъ участие.

— Но ему никогда не удавалось освѣщать мракъ, подобный тому, который царитъ въ данномъ случаѣ?

— О, мнѣ извѣстно, что онъ разрѣшалъ вопросы потрудиѣе вашего.

— Но не такого важнаго значенія?

— Не знаю. Насколько мнѣ извѣстно, ему были поручены весьма важныя дѣла трехъ царствующихъ домовъ Европы.

— Вы хорошо его знаете, Ватсонъ? Онъ такъ непроницаемъ, что я положительно не понимаю его. Какъ вы думаете, есть у него надежда на успѣхъ?

— Онъ ничего не говорилъ.

— Это дурной знакъ.

— Напротивъ, я замѣтилъ, что онъ всегда говоритъ, если не попалъ на слѣдъ. Въ противоположномъ случаѣ и когда онъ еще не вполне увѣренъ въ вѣрности своихъ предположеній, онъ бываетъ очень молчаливъ. Ну, мой другъ, нервничаніемъ дѣлу не пособишь, поэтому ложитесь-ка спать, чтобы завтра встать свѣжимъ и готовымъ ко всему, что можетъ ожидать васъ.

Наконецъ, мнѣ удалось уговорить его послѣдовать моему совѣту, хотя, судя по его возбужденному виду, я не надѣялся, что онъ будетъ спать. Волненіе его заразило и меня, и я метался полночи, раздумывая о странной тайнѣ и придумывая сотни объясненій, одно невозможнѣе другого. Зачѣмъ Холмсъ остался въ Уокингъ? Почему онъ просилъ

миссъ Гаррисонъ остаться цѣлый день въ комнатѣ больного? Почему онъ не сказалъ обитателямъ Брайэрбрэ, что намѣревается остаться тамъ? Я напрасно ломалъ голову, стараясь найти объясненія этихъ фактовъ, пока, наконецъ, не заснулъ.

Я проснулся въ семь часовъ и тотчасъ же пошелъ въ комнату Фельпса. Онъ былъ страшно блѣденъ и измученъ бессонной ночью. Первымъ его вопросомъ было, пріѣхалъ ли Холмсъ.

— Онъ будетъ здѣсь въ обѣщанное время, ни минуты раньше или позже, — сказалъ я.

И слова мои оказались справедливыми, такъ какъ тотчасъ послѣ восьми часовъ къ подъѣзду быстро подкатила карета, и изъ нея вышелъ нашъ другъ. Стоя у окна, мы увидѣли, что лѣвая рука у него подвязана, а лицо блѣдно и сердито. Онъ пошелъ въ подъездъ, но прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ онъ поднялся на верхъ.

— У него такой видъ, какъ будто онъ потерпѣлъ неудачу! — вскрикнулъ Фельпсъ.

Я принужденъ былъ сознаться, что онъ правъ.

— Въ концѣ концовъ, слѣдуетъ предположить, что разгадка тайны находится въ городѣ, — сказалъ я.

Фельпсъ тяжело вздохнулъ.

— Не знаю почему, но я такъ надѣялся на его возвращеніе, — сказалъ онъ. — Но вѣдь вчера рука у него не была подвязана? Что же случилось съ нимъ.

— Вы не ранены, Холмсъ? — спросилъ я, когда мой другъ вошелъ въ комнату.

— Пустая царапина... благодаря собственной моей неловкости, — отвѣтилъ онъ, раскланиваясь съ нами. — Ваше дѣло, м-ръ Фельпсъ, дѣйствительно,

одно изъ самыхъ темныхъ, которыя мнѣ приходилось распутывать.

— Я боялся, что оно окажется выше вашихъ силъ.

— Замѣчательно интересный случай.

— Повязка указываетъ на какія-то приключенія, — замѣтилъ я. — Не расскажете ли вы намъ, что случилось съ вами?

— Послѣ завтрака, мой милый Ватсонъ. Вспомните, что сегодня утромъ я дышалъ воздухомъ Сёррея на протяженіи тридцати миль. Вѣроятно, нѣтъ отвѣта на мое объявленіе о № кэба? Ну, что же, нельзя ожидать удачи во всемъ.

Столъ былъ уже накрытъ, и только-что я собрался позвонить, какъ м-ссъ Гѣдзонъ принесла чай и кофе. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ закрытыми блюдечками, и мы всѣ усѣлись у стола: Холмсъ страшно голодный, я — полный любопытства, Фельпсъ въ глубочайшемъ уныніи.

— М-ссъ Гѣдзонъ оказалась на высотѣ обстоятельствъ, — сказалъ Холмсъ, снимая покрывало съ блюда, на которомъ лежали тушеные цыплята. — Ея стряпня нѣсколько однообразна, но она, какъ шотландка, умѣетъ приготовить подходящій завтракъ. Что тамъ у васъ, Ватсонъ?

— Ветчина и яйца, — отвѣтилъ я.

— Хорошо. А вы что покушаете, м-ръ Фельпсъ? Цыпленка, яицъ? Положить вамъ или вы сами возьмете?

— Благодарю васъ, я не могу ѣсть, — сказала Фельпсъ.

— Ну, полноте! Попробуйте-ка блюдо, которое передъ вами.

— Благодарю васъ; право не могу.

— Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, вы не откажетесь положить мнѣ, — сказалъ Холмсъ, лукаво подмигивая.

Фельпсъ поднялъ крышку, громко вскрикнулъ и устремилъ неподвижный взоръ въ одну точку. Лицо его стало блѣднѣе блюда, на которое онъ смотрѣлъ. По срединѣ блюда, наискось, лежалъ свертокъ голубовато-сѣрой бумаги. Фельпсъ схватилъ его, прочелъ, пожирая глазами, и, какъ бѣшеный, пустился скакать по комнатѣ, прижимая бумагу къ груди и взвизгивая отъ восторга. Потомъ онъ бросился въ кресло въ полномъ изнеможении, такъ что намъ пришлось дать ему водки, чтобы предотвратить обморокъ.

— Ну, ну, — успокоительно сказалъ Холмсъ, поглаживая его по плечу. — Нехорошо было съ моей стороны такъ поразить васъ, но Ватсонъ вамъ скажетъ, что я люблю драматическія положенія.

Фельпсъ схватилъ его руку и поцѣловалъ.

— Да благословить васъ Богъ! — вскрикнулъ онъ. — Вы спасли мою честь.

— Ну, знаете, вѣдь и моя была задѣта, — возразилъ Холмсъ. — Увѣряю васъ, что мнѣ такъ же невыносимо было бы не добиться успѣха въ дѣлѣ, какъ вамъ не исполнить даннаго вамъ порученія!

Фельпсъ запряталъ драгоценный документъ въ самый глубокий карманъ сюртука.

— У меня не хватаетъ духа прервать вашъ завтракъ, а между тѣмъ я умираю отъ нетерпѣнія узнать, гдѣ и какъ вы достали договоръ.

Шерлокъ Холмсъ проглотилъ чашку кофе и занялся яичницей съ ветчиной. Потомъ онъ всталъ, зажегъ трубку и усѣлся въ свое кресло.

— Разскажу вамъ, что я сдѣлалъ сначала и что случилось потомъ,—сказалъ онъ.— Разставшись съ вами на станціи, я сдѣлалъ восхитительную прогулку по очаровательной мѣстности Сёррея и дошелъ до хорошенькой деревушки Райплей, гдѣ напился чаю въ гостиницѣ, наполнилъ свою фляжку и запасся сандвичами. Я остался тамъ до вечера, а потомъ отправился въ Уокингъ и какъ разъ послѣ заката солнца очутился на большой дорогѣ у Брайэрбрэ. Я подождалъ, пока на дорогѣ не стало народу — да, кажется, и вообще эта дорога не очень многолюдна—и перелѣзъ черезъ заборъ въ паркъ.

— Но вѣдь, навѣрно, калитка была отперта?— замѣтилъ Фельпсъ.

— Да, но у меня особые вкусы въ подобныхъ случаяхъ. Я выбралъ мѣсто, гдѣ стоятъ три сосны, и подъ ихъ защитой перелѣзъ черезъ заборъ такъ, что никто не могъ увидѣть меня. Перебравшись на другую сторону, я поползъ отъ куста къ кусту—доказательствомъ чего можетъ служить плачевное состояніе моихъ брюкъ, пока не доползъ до группы рододендроновъ какъ разъ противъ окна вашей спальни; тутъ я присѣлъ на корточки и сталъ ждать. Шторы въ вашей комнатѣ не были опущены, и я могъ видѣть миссъ Гаррисонъ, сидѣвшую у стола за чтеніемъ. Было четверть одиннадцатаго, когда она захлопнула книгу, закрыла ставни и вышла изъ комнаты. Я слышалъ, какъ она затворила дверь и повернула ключъ въ замкѣ.

— Ключъ?—спросилъ Фельпсъ.

— Да, я просилъ миссъ Гаррисонъ запереть дверь снаружи и взять съ собой ключъ, когда она пойдетъ спать. Она строго выполнила всѣ мои ука-

занія, и безъ ея участія договоръ не лежалъ бы у васъ въ карманѣ. Итакъ, она ушла, огни въ домѣ потухли, а я продолжалъ сидѣть, скорчившись, подъ рододендронами.

„Ночь была чудная, но ждать было очень скучно. Правда, въ этомъ ожиданіи было своего рода возбужденіе, напоминавшее то, которое охватываетъ охотника, когда онъ лежитъ у ручья, подстерегая крупную дичь. Однако время тянулось очень медленно почти также медленно, какъ въ ту ночь, когда мы съ вами, Ватсонъ, сидѣли въ ночной тѣмѣ, ища разрѣшенія тайны „пестрой ленты“. Церковные часы въ Уокингѣ отбивали каждую четверть, а мнѣ, по временамъ, казалось, что они совсѣмъ остановились. Наконецъ, около двухъ часовъ ночи, я услышалъ тихій звукъ открываемаго засова и скрипъ ключа. Мгновеніе спустя, отворилась боковая дверь, и при свѣтѣ луны я увидѣлъ м-ра Джозефа Гаррисона, выходящаго изъ дома“.

— Джозефа!—вскрикнулъ Фельпсъ.

— Онъ былъ безъ шляпы, но на плечѣ у него былъ накинутъ черный плащъ, которымъ онъ могъ мгновенно закрыть себѣ лицо, въ случаѣ нужды. Онъ крался въ тѣни вдоль стѣны. Дойдя до окна вашей комнаты, онъ всунулъ длинный ножъ въ щель между рамами и отодвинулъ задвижку. Открывъ окно и просунувъ ножъ между ставнями, онъ отперъ и ихъ. Изъ моей засады я отлично видѣлъ внутренность комнаты и каждое движеніе м-ра Гаррисона. Онъ зажегъ двѣ свѣчи на каминѣ и потомъ приподнялъ уголь ковра у двери. Онъ наклонился и вынулъ кусокъ изъ паркета; такіе куски обыкновенно оставляются для того, чтобъ можно было добраться до соединенія газовыхъ

трубъ. Эта доска, конечно, прикрывала то мѣсто, откуда идетъ газовая труба, снабжающая газомъ кухню, находящуюся внизу. Изъ потайного мѣстечка онъ вынулъ вотъ этотъ свертокъ бумагъ, задвинулъ доску, прикрылъ ее ковромъ, затушилъ свѣчи и попалъ прямо въ мои объятія, такъ какъ я поджидалъ его за окномъ. Ну, мистеръ Джозефъ оказался опаснѣе, чѣмъ я думалъ. Онъ бросился на меня съ ножомъ, и мнѣ пришлось два раза повалить его на землѣ, причемъ онъ порѣзалъ мнѣ руку, прежде чѣмъ я справился съ нимъ. Страшно было выраженіе единственного глаза, которымъ онъ могъ видѣть по окончаніи борьбы, но онъ выслушалъ мои доводы и отдалъ бумаги. Получивъ ихъ, я отпустилъ его, а сегодня утромъ телеграфировалъ Форбсу всѣ подробности. Если ему удастся поймать пташку, тѣмъ лучше! Но если, какъ я сильно подозреваю, онъ найдетъ гнѣздышко опустѣвшимъ, тѣмъ лучше для правительства. Мнѣ кажется, что какъ лорду Хольдхѣрсту, такъ и м-ру Перси Фельпсу было бы приятно, если бы это дѣло не дошло до суда.

— Боже мой!—съ трудомъ проговорилъ нашъ клиентъ.—Неужели вы хотите сказать, что въ продолженіе этихъ долгихъ мучительныхъ десяти недѣль украденныя бумаги были въ той же комнатѣ, гдѣ я?

— Да.

— Джозефъ! Джозефъ, негодяй и воръ!

— Гмъ! Боюсь, что Джозефъ гораздо хуже и опаснѣе, чѣмъ можно было бы судить по его внѣшнему виду. Изъ того, что я слышалъ отъ него сегодня утромъ, я вывелъ заключеніе, что онъ много потерялъ на биржѣ и готовъ на все на свѣтѣ,

чтобы поправить свое состояніе. Такъ какъ онъ страшный эгоистъ, то и не задумался пожертвовать счастьемъ своей сестры и вашей репутаціей, когда ему представился удобный случай поправить свои дѣла.

Перси Фельпсъ откинулся на спинку стула.

— У меня кружится голова,—сказалъ онъ.—Ваши слова ошеломили меня.

— Главное затрудненіе въ вашемъ дѣлѣ было изобиліе данныхъ,—началъ Холмсъ своимъ наставительнымъ тономъ.—Все существенное скрывалось массой ненужныхъ мелочей. Изъ всѣхъ представленныхъ намъ фактовъ нужно было выбрать только тѣ, которые казались наиболѣе важными, и затѣмъ подобрать ихъ по порядку такъ, чтобы возстановить, дѣйствительно, замѣчательную цѣль событій. Я сталъ подозрѣвать Джозефа на основаніи того факта, что вы собирались ѣхать съ нимъ домой вечеромъ, и потому было естественно, чтобы онъ заѣхалъ за вами въ министерство, хорошо извѣстное ему. Когда я узналъ, что кто-то пытался пробраться въ спальню, въ которой, кромѣ Джозефа, никто не могъ скрыть ничего, я вспомнилъ, что вы рассказывали намъ, какъ вы пріѣхали съ докторомъ и вытѣснили Джозефа изъ спальни, и мои подозрѣнія перешли въ увѣренность; тѣмъ болѣе, что покушеніе было произведено въ первую же ночь, когда не было сидѣлки, и ясно указывало на то, что человѣку, пытавшемуся пробраться въ спальню, были хорошо извѣстны всѣ домашнія привычки.

— Какъ я былъ слѣпъ!

— Факты вашего дѣла, насколько я могъ установить ихъ, слѣдующіе. Джозефъ Гаррисонъ во-

шелъ въ канцелярію черезъ дверь, выходящую на Чарльзъ-Стритъ, и, хорошо зная дорогу, вошелъ прямо въ комнату, въ которой вы занимаетесь, какъ только вышли оттуда. Видя, что тамъ никого нѣтъ, онъ позвонилъ, и въ эту минуту ему бросилась въ глаза лежавшая на столѣ бумага. Онъ сразу увидѣлъ, что случай отдаетъ ему въ руки государственный документъ чрезвычайной важности; въ одно мгновеніе онъ сунулъ его въ карманъ и ушелъ съ нимъ. Если припомните, прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ сонный курьеръ обратилъ ваше вниманіе на колокольчикъ, и этого времени было вполне достаточно, чтобы воръ могъ скрыться. Съ первымъ же поѣздомъ онъ уѣхалъ въ Уокингъ и, разсмотрѣвъ свою добычу и убѣдившись въ ея громадномъ значеніи, спряталъ документъ въ вполне надежномъ мѣстѣ, намѣреваясь вынуть его оттуда черезъ день или два и огнесте въ французское посольство или въ другое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы получить хорошую цѣну за эту бумагу. Тутъ вы внезапно вернулись. Его тотчасъ же выселили изъ его комнаты, и съ этого времени въ ней было постоянно, по крайней мѣрѣ, двое людей, которые мѣшали ему достать спрятанное сокровище. Было, дѣйствительно, отчего сойти съ ума. Но, наконецъ, ему показалось, что представился удобный случай. Онъ попробовалъ пробраться въ вашу комнату, но вашъ чуткій сонъ помѣшалъ ему. Вы помните, что въ этотъ вечеръ вы не приняли обычнаго лѣкарства?

— Да, помню.

— Я думаю, что онъ принялъ мѣры, чтобы усилить дѣйствіе лѣкарства, и вполне рассчитывалъ, что вы будете безъ сознанія. Я понялъ, что онъ

повторить эту попытку, когда это можно будетъ сдѣлать безопасно. Вашъ отъѣздъ явился для него желаннымъ случаемъ. Я продержалъ миссъ Гаррисонъ въ комнатѣ весь день для того, чтобъ онъ не могъ заподозрѣть насъ. Потомъ, заставивъ его предположить, что путь свободенъ, сталъ караулить его, какъ уже описывалъ вамъ. Я уже зналъ, что бумаги находятся въ комнатѣ, но не хотѣлъ подымать ковра и пола, разыскивая ихъ. Поэтому я допустилъ его вынуть ихъ изъ тайника и, такимъ образомъ, избѣгъ безчисленныхъ хлопотъ. Есть еще какой-нибудь пунктъ, который вы желали бы выяснить?

— Зачѣмъ онъ въ первый разъ пытался влѣзть въ окно, когда могъ войти въ дверь?—спросилъ я.

— Ему пришлось бы пройти мимо семи спаленъ. А изъ окна доступъ былъ легкой. Желаете спросить еще что-нибудь?

— Вѣдь вы не думаете, что онъ хотѣлъ убить кого-нибудь?—спросилъ Фельпсъ.— Ножъ, вѣроятно, служилъ ему только для того, чтобы открыть окно?

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Холмсъ, пожимая плечами.—Одно только могу сказать съ увѣренностью... м-ръ Джозефъ Гаррисонъ джентльменъ изъ тѣхъ, въ руки которыхъ я не хотѣлъ бы пасть.

Послѣднее дѣло.

Съ болью сердца принимаюся я за перо, чтобы написать послѣднія воспоминанія о моемъ необыкновенно даровитомъ другѣ, м-рѣ Шерлокѣ Холмсѣ. Въ безсвязныхъ и, какъ я и самъ сознаю, не всегда удачныхъ очеркахъ я пытался описать кое-что изъ пережитаго мною вмѣстѣ съ нимъ, начиная съ нашей первой случайной встрѣчи и съ того времени, когда своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло о „морскомъ договорѣ“ онъ, несомнѣнно, предотвратилъ серьезныя международныя осложненія. Этимъ очеркомъ я хотѣлъ закончить свои воспоминанія и не касаться событія, оставившаго пустоту въ моей жизни, которой мнѣ не удалось заполнить въ теченіе двухъ лѣтъ. Но недавнія письма полковника Джэмса Моріэрти, въ которыхъ онъ защищаетъ память своего брата, заставляютъ меня изложить для публики факты такъ, какъ они произошли въ дѣйствительности. Лишь я одинъ знаю всю истину и радъ, что настало время, когда нечего больше скрывать ее. Насколько мнѣ извѣстно, о смерти моего друга появилось только три отчета: въ „Journal de Genève“ 6 мая 1891 г., въ телеграммѣ Рейтера, помѣщенной въ англійскихъ газетахъ 7 мая, и, наконецъ, въ вышеупомянутыхъ письмахъ. Изъ этихъ отчетовъ первый и второй чрезвычайно кратки, а послѣдній, какъ я сейчасъ докажу, совершенно извращаетъ факты. Поэтому я обязанъ въ первый разъ сообщить о томъ, что произошло въ дѣйствительности между профессоромъ Моріэрти и мистеромъ Шерлокомъ Холмсомъ.

Слѣдуетъ припомнить, что послѣ моей женитьбы и увеличенія частной практики, мои близкія отношенія съ Холмсомъ нѣсколько измѣнились. Онъ еще иногда приходилъ за мной, когда желалъ имѣть товарища въ своихъ розыскахъ, но это случалось все рѣже и рѣже, такъ что за 1890 г. у меня записаны только три дѣла, въ которыхъ я принималъ участіе съ нимъ. Въ продолженіе зимы этого года и ранней весны 1891 я зналъ изъ газетъ, что французское правительство пригласило Холмса по очень важному дѣлу, и получило отъ него двѣ записки изъ Нарбонны и Нима, по которымъ я заключилъ, что онъ, вѣроятно, долго пробудетъ во Франціи. Поэтому я нѣсколько удивился, когда 24-го апрѣля вечеромъ онъ вошелъ въ мой кабинетъ. Меня поразила его блѣдность и еще болѣе усилившаяся худоба.

— Да, я нѣсколько переутомился,—замѣтилъ онъ, отвѣчая скорѣе на мой взглядъ, чѣмъ на мои слова.—Въ послѣднее время было много спѣшныхъ дѣлъ. Вы ничего не имѣете противъ того, что я закрою ставни?

Комната освѣщалась только лампой, стоявшей на столѣ, у котораго я читалъ. Холмсъ подошелъ къ окну и, захлопнувъ ставни, крѣпко заперъ ихъ болтами.

— Вы опасаетесь чего-то? — спросилъ я.

— Да.

— Чего же?

— Выстрѣла изъ-за угла.

— Что вы хотите этимъ сказать, мой милый Холмсъ.

— Я думаю, что вы достаточно хорошо знаете меня, Ватсонъ, и не считаете меня нервнымъ чело-

вѣкомъ. Но, по-моему, не признавать близкой опасности является скорѣе признакомъ глупости, чѣмъ храбрости. Дайте мнѣ, пожалуйста, спичку!

Онъ затянулся папиросой, какъ будто находя въ этомъ нѣкоторое успокоеніе.

— Я долженъ извиниться за такое позднѣе посѣщеніе, — сказалъ онъ, — и кромѣ того попрошу васъ позволить мнѣ выбраться изъ вашего дома, перелѣзши черезъ заборъ сада.

— Но что же все это значитъ? — спросилъ я.

Онъ протянулъ руку, и при свѣтѣ лампы я увидѣлъ, что два пальца у него изранены и окровавлены.

— Какъ видите, это не пустяки, — улыбаясь, проговорилъ онъ. — Поврежденія настолько серьезны, что изъ-за нихъ можно лишиться руки. Дома м-съ Ватсонъ?

— Нѣтъ, она гоститъ у знакомыхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ вы одни?

— Совершенно одинъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ легче будетъ предложить вамъ съѣздить со мной на недѣлю на континентъ.

— Куда?

— О, куда-нибудь. Мнѣ рѣшительно все равно. Все это было очень странно. Не въ характерѣ Холмса предпринимать безцѣльную прогулку, и къ тому же, что-то въ его блѣдномъ, истощенномъ лицѣ говорило мнѣ, что нервы его натянуты въ высшей степени. Онъ замѣтилъ вопросъ у меня въ глазахъ и, сложивъ кончики пальцевъ, облокотясь на колѣни, объяснилъ мнѣ положеніе дѣлъ.

— Вы, вѣроятно, никогда не слыхали о профессорѣ Моріэрти?

— Никогда.

— Вотъ это-то и удивительно! — вскрикнулъ Холмсъ. — Человѣкъ орудуетъ въ Лондонѣ и никто не слышалъ о немъ. Это-то и позволяетъ ему побивать рекорды преступленій. Говорю вамъ совершенно серьезно, Ватсонъ, что если бы мнѣ удалось поймать его и избавить отъ него общество, я считалъ бы мою карьеру завершеною и готовъ бы былъ перейти къ какому-нибудь болѣе спокойному занятію. Между нами, послѣднія мои дѣла, гдѣ я оказалъ услуги шведскому королевскому дому и французской республикѣ, даютъ мнѣ возможность жить тихой жизнью, согласно моимъ наклонностямъ, и сосредоточивъ все мое вниманіе на химическихъ изслѣдованіяхъ. Но я не могу найти покоя, не могу сидѣть спокойно на мѣстѣ, при мысли, что человѣкъ, подобный профессору Моріэрти, можетъ безпрепятственно разгуливать по улицамъ Лондона.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Его жизнь совершенно необычайная. Онъ человѣкъ хорошаго происхожденія, превосходно образованъ и одаренъ отъ природы феноменальными математическими способностями. Двадцати одного года онъ написалъ трактатъ о биномѣ Ньютона, которымъ пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность. Благодаря этому онъ получилъ кафедру въ одномъ изъ нашихъ небольшихъ университетовъ. Повидимому, все предсказывало ему блестящую карьеру. Но у него самая дьявольскія наслѣдственные наклонности. Въ его жилахъ текла кровь преступника, а его необычайныя умственные способности не только не ослабили его наклонностей, но еще увеличили ихъ и сдѣлали болѣе опасными. Темные

слухи о немъ распространялись въ университетскомъ городѣ, такъ что ему пришлось отказаться отъ каѳедры и переселиться въ Лондонъ, гдѣ онъ занялся подготовкой молодыхъ людей къ офицерскому экзамену. Вотъ все, что извѣстно о немъ въ обществѣ, все же остальное открыто лично мною.

„Какъ вамъ извѣстно, Ватсонъ, никто такъ хорошо, какъ я, не знакомъ съ высшими преступными сферами Лондона. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ я постоянно чувствовалъ, что за всякимъ злодѣяніемъ кроется какая-то сила, серьезная организаторская сила, всегда идущая противъ закона и защищающая преступника. Много разъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ — подлогахъ, грабежахъ, убійствахъ — я чувствовалъ присутствіе этой силы и подозрѣвалъ ея участіе во многихъ нераскрытыхъ преступленіяхъ, о которыхъ не совѣтовались со мной. Цѣлыми годами я старался приподнять завѣсу, скрывавшую эту тайну, и, наконецъ, наступило время, когда я нашелъ нить и прослѣдилъ ее, пока она не привела меня, послѣ тысячи причудливыхъ изгибовъ, къ эксъ-профессору Моріэрти, математической знаменитости.

„Онъ — Наполеонъ въ области преступленій, Ватсонъ. Онъ — организаторъ половины всѣхъ преступленій и почти всѣхъ, остающихся нераскрытыми въ нашемъ обширномъ городѣ. Онъ — гений, философъ, отвлеченный мыслитель. У него первоклассный умъ. Онъ сидитъ неподвижно, словно паукъ въ центрѣ своей паутины, но эта паутина расходится тысячами нитей, и онъ отлично знаетъ содержаніе каждой нити. Самъ онъ мало что дѣлаетъ. Онъ только составляетъ планы. Но агенты у него

многочисленны и превосходно организованы. Если нужно совершить какое-либо преступленіе — скажемъ, выкрасть бумагу, ограбить домъ, удалить съ дороги человѣка — стоитъ только сообщить профессору, и онъ организуетъ и устроитъ все дѣло. Агента могутъ поймать. Въ такомъ случаѣ всегда найдутся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но центральная власть, руководившая агентомъ, никогда не попадаетъ, даже не подозрѣвается. Такова была организація, до существованія которой я дошелъ путемъ выводовъ, и я употребилъ всю свою энергію, чтобы обнаружить и сломить ее.

„Но профессоръ былъ окруженъ, словно стѣной, такими хитросплетеніями, что, несмотря на всѣ мои усилія, казалось невозможнымъ добыть какія-либо улики, которыя могли бы довести его до суда. Вы знаете мои силы, Ватсонъ, однако, черезъ три мѣсяца я долженъ былъ сознаться, что встрѣтилъ, наконецъ, соперника, не уступавшаго мнѣ въ умственномъ отношеніи. Восхищеніе его искусствомъ заглушало во мнѣ ужасъ передъ его преступленіями. Но, наконецъ, онъ сдѣлалъ промахъ — маленькій, очень маленькій промахъ, но котораго нельзя было скрыть при томъ, что я такъ внимательно слѣдилъ за нимъ. Я воспользовался случаемъ и, исходя изъ этой точки, опуталъ его сѣтью, которая теперь готова сомкнуться. Черезъ три дня, т.-е. въ будущій понедѣльникъ, все будетъ кончено, и профессоръ съ главными членами шайки очутится въ рукахъ полиціи. Тогда начнется самый крупный криминальный процессъ нашего вѣка, разъяснится болѣе сорока таинственныхъ преступленій и всѣ члены шайки будутъ повѣшены, но одинъ неловкій

шагъ, и они могут ускользнуть у насъ изъ рукъ даже въ послѣднюю минуту.

„Если бы мнѣ удалось сдѣлать все безъ вѣдома профессора Моріэрти, дѣло кончилось бы отлично, но его трудно провести. Онъ видѣлъ каждый шагъ, который я предпринялъ противъ него. Нѣсколько разъ онъ пытался ускользнуть отъ меня, но я каждый разъ выслѣживалъ его. Знаете, другъ мой, если бы написать подробный отчетъ этой молчаливой борьбы, описаніе наносимыхъ и отпарированныхъ ударовъ составило бы одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ исторіи сыска. Никогда еще мнѣ не приходилось подыматься на такую высоту, и никогда еще противникъ не наступалъ на меня такъ сильно. Онъ наносилъ сильные удары, а я еще болѣе сильные. Сегодня утромъ были сдѣланы послѣдніе шаги, и черезъ три дня все должно было быть кончено. Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ, думалъ объ этомъ дѣлѣ, какъ вдругъ отворилась дверь. Передо мной стоялъ профессоръ Моріэрти.

„Нервы у меня достаточно крѣпкіе, Ватсонъ, но, должно признаться, я вздрогнулъ, увидя передъ собой человѣка, который такъ занималъ мои мысли. Наружность его хорошо знакома мнѣ. Онъ очень высокъ и худъ; у него выпуклый бѣлый лобъ, глубоко впавшіе глаза. Его выбритое, блѣдное аскетическое лицо сохраняетъ еще въ себѣ что-то профессорское. Спина у него сутоловатая отъ постоянныхъ занятій, лицо выступаетъ впередъ и какъ-то странно покачивается изъ стороны въ сторону точно у пресмыкающагося. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на меня изъ-подъ своихъ тяжелыхъ вѣкъ.

„— У васъ лобъ менѣ развитъ, чѣмъ я ожидалъ, — наконецъ, проговорилъ онъ. — Опасная привычка ощупывать въ карманѣ халата заряженный револьверъ.

„Дѣло въ томъ, что при входѣ профессора я сразу понялъ, какая опасность угрожаетъ мнѣ. Единственнымъ спасеніемъ для него было заставить меня умолкнуть навѣки. Въ одно мгновеніе я переложилъ револьверъ изъ ящика въ карманъ и ощупывалъ его черезъ халатъ. При его замѣчаніи я вынулъ револьверъ изъ кармана и положилъ его со взведеннымъ куркомъ на столъ. Моріэрти продолжалъ смотрѣть на меня, помаргивая и улыбаясь, но что-то въ его взглядѣ заставило меня радоваться, что револьверъ у меня подъ рукой.

„— Вы, повидимому, не знаете меня, — сказалъ онъ.

„— Напротивъ, — отвѣтилъ я. — Кажется, совершенно ясно, что знаю. Садитесь, пожалуйста, я могу удѣлить вамъ пять минутъ въ случаѣ, если вы желаете сказать что-нибудь.

„— Все, что я хочу сказать, уже промелькнуло у васъ въ умѣ, — сказалъ онъ.

„— Какъ, вѣроятно, и мой отвѣтъ въ вашемъ, — отвѣтилъ я.

„— Итакъ, вы стоите на своемъ.

„— Непоколебимо.

„Онъ опустилъ руку въ карманъ, а я взялъ со стола револьверъ. Однако, онъ вынулъ только записную книжку, въ которой было записано нѣсколько чиселъ.

„— Вы перешли мнѣ дорогу 4-го января, — сказалъ онъ. — 23-го вы обезпечили меня; въ срединѣ февраля вы серьезно помѣшали мнѣ; въ концѣ

марта, 30-го, совершенно разстроили мои планы, а теперь, в конце апреля, благодаря вашим постоянным преследованиям, мне положительно грозит потеря свободы. Положение становится невозможным.

— Вы желаете сделать какое-нибудь предложение? спросил я.

— Бросьте это дело, м-р Холмс, — сказал он, покачивая головой из стороны в сторону, — знаете, лучше бросьте.

— После понедельника, — сказал я.

— Ну, ну, — сказал он. — Я уверен, что человек такого ума, как вы, должен видеть, что существует только один исход этого дела. Вам нужно бросить его. Для меня было умственным наслаждением видеть, как вы возились с этим делом, и поэтому я совершенно искренне говорю, что был бы очень огорчен, если бы мне пришлось прибегнуть к крайним мерам. Вы убеждаетесь, сэр, но уверяю вас, что это правда.

— Опасность — часть моего ремесла, — ответил я.

— Это не опасность, а неминуемая гибель, — сказал он. — Вы стоите на дороге не одного человека, а целой могучей организации, всего значения которой вы, при всем своем уме, не могли достаточно оценить.

— Вы должны сойти с дороги, м-р Холмс, или вас растопчут.

— Боюсь, что удовольствие, вызываемое этим разговором, заставляет меня пренебрегать важными делами, призывающими меня в другое место, — сказал я, вставая с места.

— Он также встал и молча смотрел на меня, печально покачивая головой.

— Ну, что же делать? — наконец сказал он. — Очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю весь ход вашей игры. Вы не можете ничего сделать до понедельника. Это поединок между вами и мной, м-р Холмс. Вы надаетесь посадить меня на скамью подсудимых. Говорю вам, я никогда не буду сидеть на скамье подсудимых. Вы надаетесь одолеть меня. Говорю вам, что это никогда не удастся вам. Если вы достаточно умны, чтобы погубить меня, будьте уверены, что и я, в свою очередь, могу погубить вас.

— Вы рассказали мне много комплиментов, м-р Моріэрти, — возразил я. — Позвольте мне ответить вам одним: если бы я мог быть уверен, чтополнится первое ваше предположение, то, ради человеческого блага, с радостью согласился бы второе.

— Могу вам обещать исполнение последнего, — насмешкой проговорил он, повернулся ко мне своей сутуловатой спиной и, несколько раз хлопнувшись на меня, вышел из комнаты.

— Таково было мое странное свидание с профессором Моріэрти. Сознаю, что оно произвело на меня очень неприятное впечатление. Его мягкая, точная манера выражаться производит впечатление искренности, чего не может вызвать простая угроза. Конечно, вы скажете: «отчего же не принять полицейских мер?» Но дело в том, что удар будет нанесен его агентами. У меня есть уже доказательства, что это так будет».

— На вас уже было устроено нападение?

— Дорогой мой Ватсон, профессор Моріэрти

не изъ тѣхъ людей, что любятъ дремать. Около полудня я пошелъ по дѣлу въ Оксфордскую улицу. Въ ту минуту, какъ я завернулъ за уголъ, на меня налетѣлъ, какъ стрѣла, парный экипажъ. Я вскочилъ на тротуаръ и спасся такимъ образомъ отъ опасности быть раздавленнымъ на смерть. Экипажъ мгновенно скрылся изъ виду. Послѣ того я пошелъ по тротуару, и на улицѣ Керъ съ крыши одного изъ домовъ упалъ кирпичъ и разбился вдребезги у моихъ ногъ. Я позвалъ полицію, и мы осмотрѣли мѣстность. На крышѣ были сложены кирпичи для ремонта, и полицейскіе хотѣли увѣрить меня, что кирпичъ сбросило вѣтромъ. Я, понятно, зналъ лучше, въ чемъ дѣло, но не могъ ничего доказать. Послѣ этого я взялъ кэбъ и поѣхалъ на квартиру къ брату, гдѣ и провелъ день. Сейчасъ, по дорогѣ къ вамъ, на меня напалъ какой-то негодяй съ дубиной. Я сбилъ его съ ногъ, и полиція забрала его; но могу съ полной увѣренностью сказать вамъ, что никогда не будетъ установлено какой бы то ни было связи между джентльменомъ, о передніе зубы котораго я разбилъ себѣ руку, и бывшимъ учителемъ математики, который вѣроятно, рѣшаетъ задачи за десять миль отсюда. Теперь, Ватсонъ, вы, конечно, не удивляетесь, что, войдя къ вамъ, я прежде всего заперъ ставни и принужденъ былъ просить у васъ разрѣшенія выйти изъ вашего дома менѣе замѣтнымъ ходомъ, чѣмъ парадная дверь.

Часто мнѣ приходилось восхищаться храбростью моего друга, но никогда больше, чѣмъ теперь, когда онъ спокойно рассказывалъ о всѣхъ происшествіяхъ этого ужаснаго дня.

— Вы проведете ночь у меня?—спросилъ я.

— Нѣтъ, другъ мой; я оказался бы опаснымъ гостемъ. У меня уже составлены планы и все будетъ хорошо. Дѣло подвинулось уже настолько, что можетъ идти и безъ моей помощи, арестъ можетъ быть произведенъ и безъ меня, хотя мое присутствіе будетъ необходимо для показаній. Очевидно, что для меня лучше всего уѣхать на нѣсколько дней, пока полиція получитъ возможность дѣйствовать свободно. Поэтому мнѣ было бы очень приятно, если бы вы поѣхали со мной на континентъ.

— Теперь практики не много,— сказалъ я,—и у меня есть сосѣдъ, который согласится замѣнить меня. Охотно поѣду съ вами.

— И можете отправиться завтра утромъ?

— Если нужно.

— О, да, очень нужно. Вотъ вамъ инструкція, милый Ватсонъ, и прошу васъ слѣдовать ей буквально, такъ какъ вы вполнѣ со мною будете вести игру противъ самаго умнаго мошенника и самаго могущественнаго синдиката преступниковъ въ Европѣ. Слушайте же! Вы отправите сегодня же свой багажъ съ довѣреннымъ лицомъ на станцію „Викторія“. Утромъ пошлите лакея за экипажемъ, но велите ему не брать ни перваго, ни втораго кэба изъ тѣхъ, которыхъ онъ встрѣтитъ. Вы сядете въ этотъ экипажъ и поѣдете на Страндъ къ Лоутерскому пассажи, передавъ кучеру адресъ на клочкѣ бумаги и предупредивъ его, чтобы онъ не бросалъ адреса. Приготовьте заранѣе плату и, приѣхавъ къ пассажи, немедленно выскакивайте изъ кэба и пробѣгайте черезъ пассажъ такъ, чтобы въ четверть десятаго быть на другомъ концѣ его. За угломъ васъ будетъ ожидать каретка. На

козлахъ будетъ сидѣть человѣкъ въ большомъ черномъ плащѣ съ воротникомъ, обшитымъ краснымъ кантомъ. Онъ довезетъ васъ до станціи какъ разъ къ отходу континентальнаго поѣзда.

— Гдѣ я встрѣчусь съ вами?

— На станціи. Намъ оставлено второе купѣ перваго класса.

— Такъ, значить, мы встрѣтимся въ вагонѣ?

— Да.

Напрасно я уговаривалъ Холмса переночевать у меня. Я ясно видѣлъ, что онъ боится навлечь не-пріятности на пріютившій его домъ. Наскоро повторивъ мнѣ инструкцію, онъ всталъ и вышелъ со мной въ садъ, перелѣзъ черезъ заборъ на улицу Мортимеръ, свистнулъ кэбъ и уѣхалъ.

Утромъ я буквально исполнилъ указанія Холмса. Извозчикъ былъ нанятъ со всѣми предосторожностями такъ, чтобы не могъ оказаться однимъ изъ подстерегавшихъ насъ, и послѣ завтрака я сейчасъ же поѣхалъ къ Лоутерскому пассажиу: Быстро пробѣжавъ черезъ пассажъ, я нашелъ ожидавшую меня каретку съ сидѣвшимъ на козлахъ человѣкомъ большого роста въ темномъ плащѣ. Какъ только я прыгнулъ въ экипажъ, онъ стегнулъ по лошади, и мы помчались къ станціи „Викторія“. Выпустивъ меня, онъ повернулъ лошадей и быстро отѣхалъ, даже не взглянувъ въ мою сторону.

До сихъ поръ все шло прекрасно. Мой багажъ былъ уже на мѣстѣ, и я безъ труда нашелъ купѣ, указанное Холмсомъ, тѣмъ болѣе, что оно было единственное, на которомъ стояла надпись: „занято“. Меня безпокоило только то, что Холмсъ еще не явился. До отхода поѣзда оставалось всего семь минутъ. Напрасно я искалъ тонкую фигуру моего

друга среди путешественниковъ и провожавшихъ. Не было и слѣда его. Нѣсколько минутъ я употребилъ на то, чтобы помочь почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся объяснить носильщику на ломанномъ англійскомъ языкѣ, что багажъ его слѣдуетъ отправить черезъ Парижъ. Затѣмъ, еще разъ оглянувшись вокругъ, я вернулся къ себѣ въ купѣ, гдѣ нашелъ своего престарѣлаго пріятеля итальянца. Носильщикъ усадилъ его ко мнѣ, не смотря на надпись „занято“. Безполезно было объяснить патеру, что онъ не имѣетъ права на мѣсто въ купѣ, такъ какъ я зналъ по-итальянски еще менѣе, чѣмъ онъ по-англійски. Поэтому я только пожалъ плечами и продолжалъ высматривать своего друга. Дрожь пробѣгала у меня по тѣлу при мысли, что причиной его отсутствія могло быть какое-нибудь несчастье, случившееся съ нимъ ночью. Кондуктофъ уже захлопнулъ дверцу купѣ, раздался свистокъ, какъ вдругъ...

— Вы не удостоили даже поздороваться со мной, милый Ватсонъ,—проговорили чей-то голосъ.

Я обернулся въ неописанномъ удивленіи. Старый патеръ повернулся лицомъ ко мнѣ. На одно мгновеніе морщины разгладились, носъ отодвинулся отъ подбородка, нижняя губа подтянулась, ротъ пересталъ шамкать, огонь мелькнулъ въ тусклыхъ глазахъ, сгорбленная фигура выпрямилась. Но въ слѣдующую же минуту все тѣло опять сгорбилось, и Холмсъ исчезъ такъ же быстро, какъ появился.

— Боже мой!—вскрикнулъ я.—Какъ вы поразили меня.

— Нужно соблюдать осторожность,—шепнулъ Холмсъ.—У меня есть основаніе предполагать, что

они напали на нашъ слѣдъ. А! Вотъ и самъ Моріэрти!

Въ это мгновеніе поѣздъ двинулся. Выглянувъ изъ окна, я увидѣлъ високаго человѣка, бѣшено расталкивавшаго толпу и махавшаго рукой, какъ бы желая остановить поѣздъ. Однако было уже поздно; быстрота хода все увеличивалась, и скоро мы уже отъѣхали отъ станціи.

— Благодаря принятымъ предосторожностямъ, намъ все-таки удалось отдѣлаться отъ него,—проговорилъ, смѣясь, Холмсъ.

Онъ всталъ и, сбросивъ сутану и шляпу, спряталъ ихъ въ свой ручной мѣшокъ.

— Видѣли вы утреннія газеты, Ватсонъ?

— Нѣтъ.

— Значить, не знаете ничего о томъ, что случилось въ улицѣ Бэкеръ.

— Въ улицѣ Бэкеръ?

— Ночью подожгли нашу квартиру, но большого вреда не сдѣлали.

— Боже мой! Да вѣдь это невыносимо, Холмсъ.

— Должно-быть, они совершенно потеряли мой слѣдъ послѣ ареста малаго съ дубиной. Иначе имъ не пришло бы въ голову, что я вернусь домой. Однако они, очевидно, прослѣдили васъ, и потому Моріэрти явился на станцію. Не сдѣлали ли вы какого-нибудь промаха?

— Я сдѣлалъ все по вашимъ указаніямъ.

— Нашли карету?

— Да, экипажъ ожидалъ меня.

— Узнали кучера?

— Нѣтъ.

— Это—мой братъ Майкрофтъ. Въ подобнаго рода случаяхъ хорошо имѣть кого-нибудь своего,

чтобы не брать въ повѣренныя наемныхъ людей. Но надо подумать, что намъ дѣлать съ Моріэрти.

— Такъ какъ мы ѣдемъ съ экспрессомъ, согласующимся съ отъѣздомъ парохода, то, мнѣ кажется, мы совершенно отдѣлались отъ него.

— Вы, очевидно, не поняли меня, милый Ватсонъ, когда я говорилъ вамъ, что по уму этотъ человѣкъ равный мнѣ. Не можете же вы допустить, чтобы я, преслѣдуя кого-нибудь, растерялся бы отъ такого ничтожнаго препятствія. Отчего же вы можете предположить это о немъ?

— Что же онъ сдѣлаетъ?

— То, что сдѣлалъ бы я.

— А что бы вы сдѣлали?

— Заказалъ бы экстренный поѣздъ.

— Но вѣдь это будетъ поздно.

— Нисколько. Нашъ поѣздъ останавливается въ Кентербѣри, а до отхода парохода проходитъ по крайней мѣрѣ четверть часа. Онъ догонитъ насъ тамъ.

— Можно подумать, что мы преступники. Прикажете арестовать его сейчасъ же по пріѣздѣ.

— Это значило бы погубить работу трехъ мѣсяцевъ. Мы поймали бы крупную рыбу, а мелкая ушла бы изъ сѣти. Въ понедѣльникъ мы поймаемъ всѣхъ. Нѣтъ, арестъ немыслимъ.

— Что же намъ дѣлать?

— Мы выйдемъ въ Кентербѣри.

— А потомъ?

— Потомъ пройдемъ по соединительной вѣтви въ Ньюгавенъ, а оттуда въ Діеппъ. Моріэрти опять сдѣлаетъ то же, что сдѣлалъ бы я. Онъ пройдетъ въ Парижъ, замѣтитъ нашъ багажъ и будетъ ожидать насъ дня два въ помѣщеніи для хра-

ненія багажа. Мы же въ то время приобрѣтемъ пару ковровыхъ мѣшковъ, поощривъ такимъ образомъ промышленность тѣхъ странъ, по которымъ путешествуемъ, и спокойно пройдемъ въ Швейцарію черезъ Люксембургъ и Базель.

Я слишкомъ привычный путешественникъ, чтобы потеря багажа могла серьезно обезпокоить меня, но, признаюсь, мнѣ было неприятно скрываться и укрываться отъ человѣка, за которымъ значилось столько страшныхъ преступленій. Однако было очевидно, что Холмсъ понималъ наше положеніе лучше, чѣмъ я. Поэтому мы вышли въ Кентербѣри, гдѣ узнали, что поѣздъ въ Ньюгавенъ отходитъ только черезъ часъ.

Я смотрѣлъ нѣсколько печальнымъ взглядомъ вслѣдъ быстро исчезающему поѣзду, увозившему мой багажъ, когда Холмсъ дернулъ меня за рукавъ и указалъ вдаль на линію желѣзной дороги.

— Видите! Уже!—сказалъ онъ.

Вдали, среди Кентскихъ лѣсовъ, виднѣлась тонкая струя дыма. Минуту спустя на открытомъ пути, образующимъ изгибъ у станціи, показался мчавшійся паровозъ съ однимъ вагономъ. Мы еле успѣли спрятаться за грудой багажа, какъ онъ съ шумомъ и грохотомъ пролетѣлъ мимо, обдавъ насъ струей горячаго пара.

— Вотъ онъ проѣзжаетъ мимо,—сказалъ Холмсъ вслѣдъ вагону, покачивавшемуся и подскакивавшему на рельсахъ.—Какъ видите, есть граница догадливости нашего пріятеля. Съ его стороны была бы нужна необыкновенная проникаемость для того, чтобы вывести то заключеніе, къ которому пришелъ бы я и на основаніи котораго я сталъ бы дѣйствовать.

— А что бы онъ сдѣлалъ въ случаѣ, если бы ему удалось догнать насъ?

— Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ попытался бы убить меня. Однако, эту игру могутъ вести два игрока. Теперь вопросъ въ томъ, позавтракать ли намъ здѣсь раньше обыкновеннаго времени или поголодать до тѣхъ поръ, пока доберемся до буфета въ Ньюгавенѣ.

Въ эту ночь мы доѣхали до Брюсселя и провели тамъ два дня, а на третій отправились въ Страсбургъ. Въ понедѣльникъ утромъ Холмсъ телеграфировалъ лондонской полиціи, и вечеромъ, когда мы возвратились въ гостиницу, мы нашли ожидавшій насъ отвѣтъ. Холмсъ разорвалъ телеграмму и съ проклятіемъ швырнулъ ее въ каминь.

— Такъ и должно было ожидать! — со стономъ проговорилъ онъ.—Онъ бѣжалъ.

— Моріэрти!

— Поймали всю шайку, за исключеніемъ его. Онъ ускользнулъ. Конечно, разъ меня нѣтъ, некому было бороться съ нимъ. Но мнѣ казалось, что я далъ имъ въ руки все необходимое. Я думаю, вамъ лучше вернуться въ Англію, Ватсонъ.

— Это почему?

— Потому что теперь я опасный товарищъ. Этотъ человѣкъ потерялъ все дѣло своей жизни. Онъ пропалъ, если вернется въ Лондонъ. Если я вѣрно понимаю его характеръ, то онъ употребитъ всю свою энергію на то, чтобъ отомстить мнѣ. Онъ высказалъ это во время нашего короткаго свиданія, и я думаю, что онъ сдержитъ свою угрозу. Я очень совѣтую вамъ возвратиться къ своему дѣлу.

Конечно, старый военный и въ то же время та-

кой старинный другъ, какъ я, не могъ согласиться на подобнаго рода просьбу.

Полчаса мы поспорили объ этомъ вопросѣ въ столовой гостиницы въ Страсбургѣ и въ ту же ночь поѣхали дальше въ Женеву.

Цѣлую недѣлю мы бродили по прелестной долине Роны и затѣмъ черезъ проходъ Жемми, еще покрытый глубокимъ снѣгомъ, пробрались въ Интерлакенъ и Мейрингенъ. Мѣста были удивительно красивыя; свѣжая весенняя зелень внизу представляла яркій контрастъ съ дѣвственной бѣлизной снѣга вверху. Однако, я ясно видѣлъ, что Холмсъ ни на одно мгновение не забывалъ о тѣни, омрачившей его жизнь. Въ альпійскихъ деревушкахъ, въ уединенныхъ горныхъ проходахъ, повсюду по его взглядамъ, пристально устремлявшихся на лицо каждаго прохожаго, я видѣлъ, что онъ убѣжденъ, что гдѣ бы мы ни были, намъ не избѣжать опасности, слѣдовавшей за нами по пятамъ.

Однажды, помню, когда мы проходили черезъ Жемми и шли вдоль края меланхолическаго озера Даубенъ, съ вершины горы оторвалась громадная каменная глыба и упала въ озеро позади насъ. Въ мгновение ока Холмсъ подбѣжалъ къ горѣ и, поднявшись наверхъ, вытянулъ шею и сталъ осматриваться во всѣхъ направленіяхъ. Напрасно увѣрялъ его проводникъ, что паденіе камней весной обычное явленіе въ этой мѣстности. Холмсъ ничего не сказалъ, но посмотрѣлъ на меня съ видомъ человѣка, который видитъ исполненіе своихъ ожиданій.

Но несмотря на постоянную бдительность, онъ никогда не бывалъ въ подавленномъ состояніи. Напротивъ, я не помню, чтобы мнѣ когда-нибудь пришлось видѣть его въ такомъ веселомъ настро-

ніи. Онъ постоянно возвращался къ разговору о томъ, что если бы онъ могъ убѣдиться, что общество освободилось отъ профессора Моріэрти, онъ съ радостью закончилъ бы свою карьеру.

— Мнѣ кажется, что я могу сказать, что не совсемъ бесполезно прожилъ жизнь, Ватсонъ,—говорилъ онъ.—Если бы моя дѣятельность закончилась хоть сегодня, я могъ бы спокойно оглянуться на нее. Изъ болѣе чѣмъ тысячи случаевъ, въ которыхъ я принималъ участіе, я не помню ни одного, гдѣ бы я помогаль неправой сторонѣ. Въ послѣднее время я болѣе занимался проблемами, ставимыми намъ природой, чѣмъ болѣе поверхностными загадочными вопросами, за которые отвѣтствененъ искусственный строй нашего общества. Ваши записки, Ватсонъ, закончатся въ тотъ день, когда я увѣнчаю свою карьеру поимкой или уничтоженіемъ самаго опаснаго и умнаго преступника въ Европѣ.

Я расскажу все остальное въ короткихъ, но точныхъ словахъ. Я неохотно останавливаюсь на этомъ предметѣ, но сознаю, что долгъ требуетъ, чтобы я не пропустилъ ни малѣйшей подробности.

3-го мая мы достигли маленькой деревни Мейрингенъ и остановились въ гостиницѣ „Englischer Hof“, которую содержалъ тогда Петръ Штейлеръ старшій. Хозяинъ былъ смышленный человѣкъ, отлично говорившій по-англійски, такъ какъ онъ прослужилъ три года кельнеромъ въ Лондонѣ, въ отелѣ „Grosvenor“. По его совѣту 4-го мая послѣ полудня мы отправились на прогулку въ горы съ тѣмъ, чтобы переночевать въ деревушкѣ Розенлау. Хозяинъ совѣтовалъ намъ непременно посмотрѣть водопадъ Рейхенбахъ, для чего надо было на половинѣ высоты повернуть немного въ сторону.

Это, дѣйствительно, страшное мѣсто. Потокъ, раздувшійся отъ таянія снѣговъ, низвергается въ страшную пропасть, изъ которой брызги поднимаются вверхъ, словно дымъ отъ горящаго дома. Пропасть, въ которую падаетъ потокъ, находится между черными, какъ уголь, скалами. Она суживается, образуя узкій колодезь, гдѣ вода кипитъ на неизмѣримой глубинѣ, и съ силой выбрасывается вновь на зубчатые края горы. У человѣка кружится голова отъ несмолкаемаго грохота и движенія зеленой воды, непрерывно извергающейся въ пропасть, а также и отъ густой завѣсы брызгъ, вѣчно волнующейся и поднимающейся кверху. Мы стояли у края, смотря на сверкающую воду, разбивающуюся далеко внизу о черныя скалы, и прислушиваясь къ получеловѣческимъ звукамъ, вылетающимъ изъ бездны вмѣстѣ съ брызгами.

Тропинка идетъ полукругомъ около водопада для того, чтобы дать полный видъ на него, но она сразу обрывается такъ, что путешественнику приходится возвращаться по тому же пути, по которому онъ пришелъ. Мы только-что намѣривались сдѣлать это, какъ увидѣли молодого швейцарца, бѣгущаго къ намъ навстрѣчу съ письмомъ въ рукахъ. На конвертѣ былъ адресъ отеля, изъ котораго мы только-что вышли. Письмо было отъ хозяина ко мнѣ. Онъ писалъ, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы ушли, въ отель пріѣхала какая-то англичанка въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Она провела зиму въ Давосѣ, а теперь ѣхала къ своимъ друзьямъ въ Люцернъ, какъ вдругъ у нея пошла кровь горломъ. Вѣроятно, ей остается жить лишь нѣсколько часовъ, но для нея было бы большимъ утѣшеніемъ видѣть близъ себя доктора ан-

гличанина, и если я могу вернуться и т. д. Добрякъ Штейлеръ прибавлялъ въ постскриптумъ, что онъ счелъ бы мое согласіе за большое одолженіе, такъ какъ дама рѣшительно отказалась принять мѣстнаго доктора, и онъ вполне сознаетъ, что на немъ лежитъ большая отвѣтственность.

Нельзя было отказать въ просьбѣ соотечественницъ, умирающей на чужбинѣ. Но мнѣ не хотѣлось оставить Холмса одного. Наконецъ, мы рѣшили, что съ нимъ останется молодой швейцарецъ въ качествѣ проводника и спутника, а я вернусь въ Мейрингенъ. Мой другъ намѣревался пробыть еще нѣсколько времени у водопада, а затѣмъ медленно спуститься съ горы къ Розенлау, куда я также долженъ былъ притти къ вечеру. Обернувшись, я увидѣлъ, что Холмсъ стоитъ, прислонясь къ горѣ, и, сложивъ руки, смотритъ на несущійся потокъ. Это было въ послѣдній разъ, что мнѣ было суждено увидѣть его на свѣтѣ.

Спустившись съ горы, я оглянулся еще разъ. Съ этого мѣста нельзя было видѣть водопада, но я разглядѣлъ дорожку, огибающую скать горы. По ней быстро шелъ какой-то человѣкъ. Его темная фигура ясно обрисовалась на зеленомъ фонѣ. Я замѣтилъ его и быстроту его хода, но скоро забылъ о немъ, спѣша по своему дѣлу.

Черезъ часъ съ небольшимъ я дошелъ до отеля въ Мейрингенъ. Старикъ Штейлеръ стоялъ на крыльцѣ.

— Ну, что? Ей не хуже, надѣюсь? — поспѣшно проговорилъ я.

Недоумѣніе выразилось на лицѣ хозяина и при первомъ содроганіи его бровей сердце у меня замерло.

— Вы не писали этой записки?—спросилъ я, вынимая письмо изъ кармана.—Въ отелѣ нѣтъ большой англичанки?

— И не было,—отвѣтилъ онъ.—Но на конвертѣ адресъ отеля! А! вѣроятно, записку написалъ высокій англичанинъ, пріѣхавшій послѣ того, какъ вы ушли. Онъ говорилъ...

Но я уже не слушалъ объясненій хозяина. Въ паническомъ страхѣ я бѣжалъ внизъ по деревенской улицѣ къ тропинкѣ, съ которой только-что спустился. Спускаться мнѣ пришлось цѣлый часъ. Несмотря на всѣ мои усилія, прошло еще два, прежде чѣмъ я снова очутился у водопада. Альпійская палка Холмса стояла, попрежнему, у скалы, куда онъ поставилъ ее. Но самого Холмса не было и слѣда, и я напрасно звалъ его. Отвѣтомъ мнѣ былъ только мой собственный голосъ, повторяемый эхомъ окружавшихъ меня скалъ.

При видѣ альпійской палки, я похолодѣлъ и чуть было не лишился чувствъ. Итакъ, Холмсъ не ушелъ въ Розенлау. Онъ оставался на этой тропинкѣ въ три фута, съ одной стороны которой высились отвѣсныя скалы, а съ другой—зіяла бездонная пропасть, до тѣхъ поръ, пока не настигъ его врагъ. Молодой швейцарецъ также исчезъ. Вѣроятно, онъ былъ подкупленъ Моріэрти и ушелъ, оставивъ враговъ наединѣ другъ съ другомъ. Что же случилось потомъ? Кто могъ сказать, что случилось потомъ?

Минуты двѣ я не могъ собраться съ силами, ужась при мысли о случившемся ошеломилъ меня. Потомъ я сталъ припоминать методу Холмса и попытался примѣнить ее къ разыгравшейся трагедіи. Увы! Это было очень легко! Во время на-

шего разговора мы не дошли до конца тропинки, и альпійская палка указывала на мѣсто нашей остановки. Темная почва всегда сыра отъ брызгъ, и на ней былъ бы замѣтенъ даже слѣдъ птицы. На концѣ тропинки были ясно видны два ряда слѣдовъ человѣческихъ ногъ, оба въ противоположномъ направленіи отъ меня. Обратныхъ слѣдовъ не было видно. На разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ отъ конца тропинки почва была вся вытоптана и превратилась въ грязь, а кусты терновника и папоротника, окаймлявшіе пропасть, вырваны. Я легъ ничкомъ и сталъ смотрѣть внизъ. Брызги летѣли вокругъ меня. Стемнѣло, и я видѣлъ только блестящія отъ сырости черныя скалы и далеко внизу сверкающіе, разлетающіеся брызги воды. Я крикнулъ, но въ отвѣтъ до моего слуха донесся только тотъ же получеловѣческій крикъ водопада.

Однако, мнѣ было суждено получить послѣдній привѣтъ отъ моего друга и товарища. Я уже говорилъ, что его альпійская палка осталась прислоненной къ скалѣ, которая выступала надъ тропинкой. На вершинѣ скалы я замѣтилъ что-то блестящее и, поднявъ руку, досталъ серебряный портсигаръ, который онъ всегда носилъ съ собой. Когда я поднялъ его, на землю слетѣлъ маленькій клочокъ бумаги, лежавшій подъ нимъ. Развернувъ бумагу, я увидѣлъ, что это три странички, вырванные изъ записной книжки Холмса и адресованныя ко мнѣ. Какъ на характеристичную особенность моего друга могу указать на то, что выраженія были такъ же точны, а почеркъ такъ же твердъ и разборчивъ, какъ будто записка была написана въ его кабинетѣ,

„Милый Ватсонъ, — писалъ Холмсъ, — пишу эти строки, благодаря любезности м-ра Моріэрти, который ожидаетъ меня для окончательнаго рѣшенія возникшихъ между нами вопросовъ. Онъ описалъ мнѣ нѣсколькими штрихами, какъ ему удалось ускользнуть отъ англійской полиціи и узнать о нашемъ мѣстопробываніи. Эти подробности только подтверждаютъ мое высокое мнѣніе о его способностяхъ. Я радъ, что буду имѣть возможность освободить общество отъ дальнѣйшаго пребыванія Моріэрти среди него, хотя боюсь, что заплачу за это цѣной, которая опечалитъ моихъ друзей и въ особенности васъ, дорогой Ватсонъ. Но я уже говорилъ вамъ, что моя карьера достигла кульминаціонной точки и что для меня не могло быть лучшаго конца. Для полноты признанія долженъ сказать вамъ, что былъ убѣжденъ, что письмо изъ Мейрингена не что иное, какъ западня, и отпустилъ васъ въ увѣренности, что произойдетъ нѣчто въ родѣ случившагося теперь. Скажите слѣдователю Паптерсону, что бумаги, нужныя для уличенія шайки, хранятся въ ящикѣ „М“, въ синемъ конвертѣ съ надписью „Моріэрти“. Передъ отъѣздомъ изъ Англии я сдѣлалъ всѣ распоряженія насчетъ моего имущества и передалъ ихъ моему брату Майкрофту. Прошу васъ передать мой поклонъ миссисъ Ватсонъ и вѣрить въ искреннюю преданность

Вашего Шерлока Холмса“.

Все остальное можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Осмотръ экспертовъ не оставилъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что борьба кончилась такъ, какъ она должна была кончиться, т.-е. что

оба противника упали въ пропасть, обхвативъ другъ друга. Всякая попытка найти тѣла была признана совершенно безнадежной, и тамъ, на днѣ страшнаго, пѣнящагося водоворота, нашли вѣчный покой тѣла опаснѣйшаго изъ преступниковъ своего времени и искуснѣйшаго изъ борцовъ за законъ. Молодой швейцарецъ исчезъ; нѣтъ сомнѣнія, что это былъ одинъ изъ многочисленныхъ агентовъ, состоявшихъ въ распоряженіи Моріэрти. Что касается до шайки, то многіе изъ публики, вѣроятно, помнятъ записку, въ которой Холмсъ подробно излагалъ ея организацію, и тотъ гнетъ, подъ которымъ ее держалъ умершій предводитель. На процессѣ было обнаружено мало подробностей относительно этого ужаснаго человѣка, и если мнѣ пришлось теперь подробно описать его жизнь, то это вызвано тѣми недобросовѣстными защитниками, которые старались обфлиторъ его память нападками на того, кого я всегда буду считать лучшимъ и умнѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей.

КОНЕЦЪ.

VIII 12473

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Аристократъ-холостякъ	3
Берилловая корона	31
Усадьба „Подъ буками“	63
Внезапное исчезновеніе „Сильверъ-Блэза“	96
Месгэвскій обрядъ	132
Рейгвѣтскіе помѣщики	160
Урекъ переводчикъ	187
Морской договоръ	214
Послѣднее дѣло	262
